

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2026 Том 18 № 2

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-2

<http://journals.rudn.ru/world-history>

**Научный журнал
Издается с 2009 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Воронин С.А., д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: voronin-sa@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Куделин А.А., кандидат исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: kudelin-aa@rudn.ru

Ответственный секретарь

Попова Е.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: popova-ea@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Бакри Абу аль-Хассан Мусса, кандидат исторических наук, профессор, Каирский университет, Гиза, Египет

Варику Кулбхушан, профессор, Университет имени Джавахарлала Неру, Дели, Индия

Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Губайдуллина М.Ш., доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и мировой экономики, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Дуткевич П., доктор философских наук, директор Центра государственного управления, Университет Карлтона, Оттава, Канада, действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Ли Нарангоа, профессор Австралийского Национального университета, Канберра, Австралия

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры иностранных языков ФГСН, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, специалист Центра просветительской деятельности «Разговоры о важном», Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация

Стефанидис И.Д., профессор, Университет имени Аристотеля, Салоники, Греция

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий в Белый список РЦНИ - ЕГПНИ, ВАК РФ.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Научной электронной библиотеки eLibrary.ru, DOAJ, индексируются Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история» – периодическое рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов научных исследований ученых из России и различных регионов мира в виде оригинальных научных сообщений, библиографических обзоров.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: 5.6.2 Всеобщая история, 5.6.5 Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 5.6.7 История международных отношений и внешней политики (исторические науки).

Основные рубрики журнала: история исторической науки, идеи и политика в истории, Восток – Запад: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история Востока и Запада, история ислама, история Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, к сотрудничеству по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/world-history>

Электронный адрес: histj@rudn.ru

Литературный редактор *О.В. Горячева*

Редакторы англоязычных текстов *Т.А. Майкова, А.А. Куделин*

Компьютерная верстка: *И.А. Чернова*

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Подписано в печать 26.06.2026. Выход в свет 30.06.2026. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 11,9. Тираж 500 экз. Заказ № 559. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-61; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY

2026 VOLUME 18 NUMBER 2

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-2

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Scientific journal

Founded in 2009

**Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
named after PATRICE LUMUMBA**

EDITOR-IN-CHIEF

Sergey A. Voronin

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: voronin-sa@rudn.ru

DEPUTY

EDITOR-IN-CHIEF

Andrey A. Kudelin

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: kudelin-aa@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Elena A. Popova

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: popova-ea@rudn.ru

Members of Editorial Board

Aboualhassan Bakry, Ph.D. in History, Professor, Cairo University, El Giza, Egypt

Inna A. Gvozdeva, Ph.D. in History, Associate Professor, Chair of the Ancient History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Mara Gubaidullina, Doctor of Science (History), Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Piotr Dutkiewicz, Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration, Carleton University, Ottawa, Canada, member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Narangoa Li, Professor in Australian National University, Canberra, Australia

Lyudmila V. Ponomarenko, Doctor of Science (History), Professor of Department of Foreign Languages, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Kulbhushan Warikoo, Professor, University Jawaharlal Nehru, Delhi, India

Nikolay I. Smolenskiy, Doctor of Science (History), Professor, specialist of the Center for Educational Activities "Conversations about important things", State University of Education, Moscow, Russian Federation

Ioannis Stefanidis, Professor, Aristotle University of Thessaloniki, Thessaloniki, Greece

Anatoliy M. Khazanov, Doctor of Science (History), Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University),
Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

Publication frequency: quarterly.

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English.

The journal is included in the RCNI White list. Materials of the Journal are placed on the platform of Russian Index of Science Citation (eLIBRARY.RU), DOAJ, Indexing by Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, Dimensions.

Aim and Scope

RUDN Journal of World History is a periodic peer-reviewed scientific journal publishing articles and book reviews on world history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

RUDN Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from ancient times to modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

General journal sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies, etc.

In addition to research articles and review, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>

E-mail: histj@rudn.ru

Review Editor *O.V. Goryacheva*

Translation Editors *T.A. Maykova, A.A. Kudelin*

Layout Designer *I.A. Chernova*

Address of the editorial office:

Peoples' Friendship University of Russia

named after Patrice Lumumba (RUDN University)

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of World History:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИДЕИ И ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ

Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В. Провозвестники идеи единой уммы: мусульманский мир в поисках межрегионального взаимодействия на рубеже XIX–XX вв. 133

Ким Н.Н. Обмен военнопленными как арена идеологической борьбы в годы Корейской войны..... 152

Вершинина Д.Б. Женский вопрос и движение за социальную гигиену в американском обществе Прогрессивной эры..... 175

АНТИЧНЫЙ МИР

Гвоздева И.А., Никишин В.О. Политические метаморфозы в Малой Азии во времена Цицерона и Августа, или как пираты и философы становились тиранами 186

Качан С.А. Почитание императора в образе Собака-Сухоса в римском Египте..... 201

ВОСТОК — ЗАПАД: КОНТАКТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Ивкина Н.В., Судоргин А.Е. Особенности формирования внешнеполитической стратегии ЕС в отношении Африки южнее Сахары 211

Маратканова Д.П., Зуева Е.Г. Современная политика Германии в отношении африканских государств 224

ИЗ ИСТОРИИ КИТАЯ

Лю Тяньпэн. Подход гоминьдановского правительства к оборонному строительству в 1927–1932 гг. 244

РЕЦЕНЗИИ

Иванов О.П. Рецензия на книгу: Simons G., Glaser M., Krivushin I., Volosyuk O. The Global South in the Kremlin’s Foreign Policy after 24/2. Cham : Springer Nature (Palgrave Macmillan), 2025. 319 p. 257

CONTENTS

IDEAS AND POLITICS IN HISTORY

Kirillina S.A., Safronova A.L., Orlov V.V. The heralds of the idea of a united ummah: the Muslim world in search of inter-regional cooperation at the turn of the 19th–20th centuries 133

Kim N.N. The exchange of prisoners of war as a site of ideological confrontation during the Korean war 152

Vershinina D.B. The women’s question and the social hygiene movement in American society during the Progressive era 175

ANTIQUE WORLD

Gvozdeva I.A., Nikishin V.O. Political metamorphoses in Asia Minor during the time of Cicero and Augustus, or how pirates and philosophers became tyrants..... 186

Kachan S.A. The worship of the emperor in the image of Sobek Souchos in Roman Egypt..... 201

EAST AND WEST: CONTACTS AND CONTRADICTIONS

Ivkina N.V., Sudorgin A.E. Features of the formation of the EU foreign policy strategy towards Sub-Saharan Africa 211

Maratkanova D.P., Zueva E.G. Contemporary Germany’s policy towards African states..... 224

STUDIES ON CHINESE HISTORY

Liu Tianpeng. Approach of the Kuomintang government to army construction in 1927–1932 244

REVIEWS

Ivanov O.P. Book review: Simons G, Glaser M, Krivushin I, Volosyuk O. The Global South in the Kremlin’s foreign policy after 24/2. Cham: Springer Nature (Palgrave Macmillan), 2025 257

ИДЕИ И ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ

IDEAS AND POLITICS IN HISTORY

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-2-133-151

EDN: WSFUVQ

Научная статья / Research article

Провозвестники идеи единой уммы: мусульманский мир в поисках межрегионального взаимодействия на рубеже XIX–XX вв.

С.А. Кириллина , А.Л. Сафронова , В.В. Орлов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

✉ kirillina@iaas.msu.ru

Аннотация. Рассмотрена эволюция представлений о мусульманском единстве у традиционных интеллектуалов Ближнего Востока, Северной Африки и Южной Азии в конце XIX — начале XX в. В качестве примеров привлечены труды и высказывания Мухаммада Абдо (1849–1905), Салиха аш-Шарифа ат-Туниси (1869–1920) и Шибли Но‘мани (1857–1914). Ослабление Османского государства и торжество колониальных держав Европы поставили арабских и индийских мусульманских богословов перед необходимостью заново осмыслить свойственный исламской традиции призыв к единению общины. Новое понимание этой проблемы мусульманскими политиками подняло широкий спектр дискуссий как политического, так и культурно-цивилизационного характера. В итоге постепенное зарождение в исламском мире тенденции к страновому патриотизму обнажило риски раскола мусульманских обществ и дало колониальным державам новые возможности для подрыва османской государственности. Выявлены корреляции между воззрениями интеллектуалов мира ислама на приемлемость модернизации быта, культуры и мировоззренческой картины населения и их представлениями о возможности сохранения османской системы руководства. Даны оценки действенности практической работы как реформаторов, так и традиционалистов по поддержке достижений многовековой исламской политической культуры в просветительской и пропагандистской сферах. Результаты свидетельствуют о разнообразии реакции страновых и региональных элит на политические вызовы со стороны европейской колонизации, младотурецкой революции 1908–1909 гг. и последующего крушения Османской империи в ходе Первой мировой войны.

Ключевые слова: Османская империя, младотурецкая революция, Первая мировая война, Ближний Восток, Северная Африка, Южная Азия

© Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов. Авторы внесли равный вклад в разработку концепции, сбор данных и их интерпретацию, подготовку статьи к публикации.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 19.11.2025; принята к публикации 13.01.2026.

Для цитирования: Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В. Провозвестники идеи единой уммы: мусульманский мир в поисках межрегионального взаимодействия на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 2. С. 133–151. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-2-133-151> EDN: WSFUVQ

The heralds of the idea of a united ummah: the Muslim world in search of inter-regional cooperation at the turn of the 19th–20th centuries

Svetlana A. Kirillina , **Alexandra L. Safronova** , **Vladimir V. Orlov**

Lomonosov State University, Moscow, Russian Federation

 kirillina@iaas.msu.ru

Abstract. In the study the authors examine the evolution of ideas about Muslim unity among traditional intellectuals of the Middle East, North Africa and South Asia in the late 19th and early 20th centuries. The works and statements of Muhammad Abduh (1849–1905), Salih al-Sharif al-Tunisi (1869–1920) and Shibli Nomani (1857–1914) are used as examples. The weakening of the Ottoman State and the triumph of the colonial powers of Europe confronted Arab and Indian Muslim theologians with the need to rethink the call for unity inherent in the Islamic tradition. The new understanding of this problem by Muslim politicians has raised a wide range of discussions of both a political and cultural-civilizational nature. As a result, the gradual emergence of a trend towards country patriotism in the Islamic world exposed the risks of splitting Muslim societies and gave the colonial powers new opportunities to undermine the Ottoman statehood. Correlations have been revealed between the views of intellectuals of the Islamic world on the acceptability of modernizing everyday life, culture and the worldview of the population and their ideas about the possibility of preserving the Ottoman leadership system. The authors evaluate the effectiveness of the practical work of both reformers and traditionalists in supporting the achievements of the centuries-old Islamic political culture in the educational and propaganda spheres. The conducted research shows the diversity of reactions of country and regional elites to political challenges from European colonization, the Young Turk revolution of 1908–1909 and the subsequent collapse of the Ottoman Empire during the First World War.

Keywords: Ottoman Empire, Revolution of Young Turks, World War I, Middle East, North Africa, South Asia

Contribution. The authors have made an equal contribution to the development of the concept, collection of data and their interpretation, and preparation of the article for publication.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Article history: received 19.11.2025; accepted 13.01.2026.

For citation: Kirillina SA, Safronova AL, Orlov VV. The heralds of the idea of a united ummah: the Muslim world in search of inter-regional cooperation at the turn of the 19th–20th centuries. *RUDN Journal of World History*. 2026;18(2):133–151. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-2-133-151> EDN: WSFUVQ

Введение

Проблема единства и разделения мнений с первых веков ислама представлялась мусульманам одной из важнейших и критически значимых для земного существования их общины (*уммы*). Опасаясь раскола и не желая допустить политическое ослабление приверженцев ислама, средневековые исламские правители налагали ограничения на свободу выражения мнений и комментирования священных текстов. Стремление к сотрудничеству единоверцев во всех странах мира стало особенно существенным для мусульманских интеллектуалов на стыке XIX и XX вв., когда исламская ойкумена (*дар ал-ислам*) подверглась нажиму со стороны иноверных колониальных держав. В образованной и мыслящей прослойке исламских обществ Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки и Южной Азии эти обстоятельства породили сложную дискуссию о важности традиции и необходимости заимствования достижений Европы при одновременном сопротивлении экспансии европейских государств и защите ослабшего Османского государства.

Сопоставлены три подхода мусульманских ученых и правоведов к задачам объединения исламской общины, значимости преобразования традиционных основ государственности и необходимости воспроизводства культурной преемственности путем совершенствования исламского образования. Неудивительно, что, при всех возрастных, культурных и поколенческих различиях между изученными авторами, в фокусе их внимания неизменно оказывались судьбы Османской империи — преемницы средневекового величия аббасидской эпохи, средоточия политического самоотождествления жителей Ближнего Востока и Южной Азии, хранительницы ценностей и традиций халифской легитимности, естественной защитницы мусульманского дела в обстановке колониального превосходства европейцев.

Цель исследования — реконструировать пути и механизмы переосмысления мусульманскими идеологами XIX и начала XX в. средневекового тезиса о необходимости единства общины. В центре исследования находятся концепции философов и политиков из Египта, Туниса и Индии, действовавших в условиях европейской колонизации Азии и Африки и ослабления военно-политических возможностей Османской империи.

Мухаммад Абдо: мусульманский реформатор, опередивший свое время

Видный египетский богослов-законовед Мухаммад Абдо (1849–1905) вошел в историю арабской общественной мысли как пламенный сторонник «обновленческого» подхода к исламу, пионер и признанный лидер

религиозно-реформаторского движения (*ал-ислах ад-диний*). Он ратовал за очищение ислама от накопленных за столетия искажений и нововведений религиозно-догматического характера (*бида*¹). Одновременно Абдо выступал за необходимость усвоения исламской общиной (*уммой*) достижений западной цивилизации. Будучи одаренной личностью, наделенной живым воображением и открытой новациям, он проявил себя как осознанный рационалист, мастер казуистики и компромисса — как в теологическом конструировании, так и в отношениях со своими сторонниками и оппонентами.

Выходец из египетской глубинки, Мухаммад Абдо прошел обучение в прославленном медресе при мечети Ахмада ал-Бадави в г. Танта и главной схоластической академии Египта — ал-Азхаре. Его последующая преподавательская и журналистская деятельность прервалась, когда он поддержал антииностранное восстание под руководством Ахмада ал-Ораби (1881–1882 гг.) и после подавления восстания был выслан из страны. Годы изгнания Абдо провел в Бейруте, где преподавал в медресе, и Париже, где вместе со своим наставником Джамал ад-Дином ал-Афгани¹ издавал литературно-политический еженедельник «ал-‘Урва ал-вуска» (Наикрепчайшая связь). После шестилетнего отсутствия ему удалось вернуться на родину. Его отягощал статус политического ссыльного, и Абдо с неуемной энергией направил свои усилия на широкое развертывание работы в области «просвещения и исламской реформы в рамках законного строя и установленных порядков» [1. С. 27]. Он дистанцировался от политики и установил тесные контакты с главой британской администрации — генеральным консулом Великобритании в Египте лордом Кромером (1841–1917). Британцы поддержали инициативы Абдо, в т.ч. в образовательной сфере, что дало ему возможность приступить к реформированию университета ал-Азхар. Также по протекции Кромера в 1899 г. Мухаммад Абдо получил назначение на престижный пост главного муфтия Египта, который он занимал вплоть до своей кончины в 1905 г.²

О сотрудничестве Мухаммада Абдо с британскими властями арабские историки обычно упоминают вскользь, предпочитая фокусировать внимание на просветительских начинаниях выдающегося реформатора. Однако умеренная политическая позиция Абдо как сторонника поэтапных и постепенных преобразований египетского общества и его готовность сотрудничать с контролировавшими страну иностранцами открыла для него широкие перспективы для реализации далеко идущих замыслов. Когда однажды его обвинили в том, что он принимает помощь иностранцев в проведении реформ, он парировал следующим образом: «Священный Коран, время и опыт наших предков советуют нам и позволяют использовать неверующих и немусульман, с тем чтобы обратить дело на пользу мусульманам. И те, кто прибегает к подобным мерам,

¹ Джамал ад-Дин ал-Афгани (1839–1897) — крупный исламский идеолог-реформатор XIX в., религиозно-политический деятель, основоположник концепции панисламизма.

² Подробную биографию Мухаммада Абдо см.: [2].

стремится к единению семьи мусульман ... и к совершению деяний, на которые снизойдет благословение Пророка» (цит. по: [3. С. 327]).

Позиция Абдо как противника решительных политических шагов сформировалась еще на завершающем этапе восстания под предводительством Ахмада ал-Ораби, когда радикализм египетских офицеров определил его настороженное отношение к революционно настроенной армии и интеллигенции. К этому времени относится его высказывание о «невозможности избрания необразованным народом своих полномочных представителей» [4. С. 48]. Со временем он утвердился в мысли о том, что бескомпромиссная борьба в условиях неготовности народа к кардинальному переустройству политики и общества ведет к бесполезным жертвам и обречена на неудачу. По его словам, без планомерной просветительской работы, без разъяснения народу его прав и обязанностей «внедрение радикальных политических преобразований равносильно тому, как если бы ребенка внезапно наделили привилегиями и обязанностями взрослого, а он не в состоянии их усвоить» [5. С. 194].

Взгляды Мухаммада Абдо на халифат формировались в условиях постоянно меняющейся политической реальности и последовательностью не отличались. Спорадически упоминая институт халифата в его традиционной интерпретации, он то сравнивал его с парламентской демократией и утверждал, что халиф является светским правителем, то призывал к его восстановлению исключительно «на духовной основе». Согласно Мухаммаду Абдо, «халиф не является непогрешимым, ему не даровано божественное откровение, и он не обладает ни привилегией, ни монополией на толкование Корана и Сунны ... Кроме того, повиновение халифу возможно только в том случае, если он следует по верному пути, который ему указывают Коран и Сунна»³.

Что касается османского халифата, то Мухаммад Абдо считал, что турки узурпировали этот институт, однако не смогли применить его истинную законную сущность сообразно нормам и обстоятельствам арабских провинций [6. С. 137]. По свидетельству ученика и последователя Абдо — Мухаммада Рашида Риды (1865–1935) — его наставник в частном порядке нелестно отзывался об османском падишахе Абдул-Хамиде II (1876–1909 гг.), притязания которого на титул халифа, по его убеждению, были продиктованы неумными личными амбициями и стремлением возвысить себя в глазах европейских правителей. В то же время Османская империя виделась Мухаммаду Абдо как сильнейшая мусульманская держава его эпохи, и попытки арабов отложиться от нее — как опасные маневры, которые могут привести к ее распаду и ослаблению исламского мира⁴.

³ Цит. по: -١٤١ - ١٤٠. ص - ١٩٢٢/١٣٤١، القاهرة: مطبعة المنار بمصر، (Халифат, или Верховный имамат) رضا، محمد رشيد. الخلافة أو الإمامة العظمى

⁴ - ج. ١. القاهرة: منار برس، ١٩٣١. ص - ٩١١ - ٩١٥. (История наставника, имама и шейха Мухаммада Абдо) رضا، محمد رشيد. تاريخ الأستاذ الإمام الشيخ محمد عبده

Прагматик до мозга костей, Мухаммад Абдо посвятил себя поиску золотой середины между традицией и современностью. Он предвидел новую реальность арабского мира: с одной стороны, вдохновенную европейским прогрессизмом, а с другой — всецело отвечающую исламским принципам. Он утверждал: «Неверно или, скорее, безрассудно требовать от уммы следовать незнакомыми ей путями ... Разумнее сохранить обычаи, укоренившиеся в сознании ее членов, а затем призвать их постепенно принять грядущие улучшения. ... Тогда по прошествии некоторого времени они оставят позади свои отсталые привычки и хотя бы неосознанно устремятся к лучшему»⁵.

Сам Абдо был знаком с Западом не понаслышке: он несколько лет жил во Франции и посещал другие европейские страны, освоил французский язык и углубленно изучал европейские труды по социальной и философской проблематике. До конца своих дней он не терял живого интереса к событиям на европейском континенте. Его знание принятых в Европе нравов и этикета общения, несомненно, способствовало тому, что его отношения с лордом Кромером, считавшим его «человеком просвещенным и широко мыслящим»⁶, переросли в настоящую дружбу. Как пишет автор биографии Мухаммада Абдо британский исследователь Марк Седжвик, «он, безусловно, соединил два совершенно разных мира и стремился показать другим, как этого можно достичь. Одной из составляющих его модернизма было то, что он предпочитал скорее союз, нежели столкновение цивилизаций» [2. С. 6].

Мировоззренческая платформа Мухаммада Абдо представляла собой синтез рационализма, либерализма, национализма и, что наиболее существенно, признания универсального характера ислама. При этом, обращаясь к истории, он заострял внимание на факте плодотворного влияния арабомусульманской культуры на страны Запада. Абдо особо выделял то, что «мусульмане несли факел познания человечества в течение пяти столетий ... развивали астрономию ... создали химию и алгебру», передали Европе почти утраченное греческое наследие, «завещали ей философскую школу» [1. С. 211]. Подобные рассуждения использовались реформатором как основание для вывода о том, что для арабов пришло время вернуть долг, который лежит на Европе, воспользовавшейся в эпоху Средневековья их научными и культурными достижениями. Обосновывая необходимость усвоения мусульманским Востоком европейского научного, технического и иного опыта, Мухаммад Абдо подчеркивал, что «мусульмане не могут жить в уединении, они должны быть вооружены тем, чем вооружены другие» [3. С. 344].

Однако, при высокой оценке европейской цивилизации Мухаммад Абдо был убежден и в том, что Европа может быть использована только как

⁵ ج ١ - القاهرة: دار الشروق، ١٩٩٣ - ص ٣٢١. (Полное собрание сочинений имама шейха Мухаммада Абдо) عبه، محمد - الأعمال الكاملة للإمام الشيخ محمد عبه

⁶ Cromer. *Modern Egypt*. Vol. 2. London : MacMillan and Co., 1908. P. 179.

образец, но не объект слепого подражания. В 1903 г. Абдо посетил Алжир, который с середины XIX в. находился под всесторонним контролем Франции, и столица которого была одной из самых европеизированных в арабском мире⁷. Во время беседы с одним космополитически настроенным «продвинутым» алжирцем (*évolué*) Абдо высказал опасения относительно не радужных перспектив при утрате алжирцами исламской идентичности. Египетский реформатор скептически относился к мысли о том, что алжирцы, как бы они ни старались, вряд ли будут восприниматься как полноправные французские граждане. Этот аргумент согласуется с суждением лорда Кромера, согласно которому Мухаммад Абдо, будучи «настоящим египетским патриотом», считал «европеизированного египтянина» «плохой копией оригинала»⁸.

При всем разнообразии волновавших Мухаммада Абдо вопросов его внимание не могла миновать тема мусульманского единства. Египетский богослов размышлял о ней в контексте идеи созыва исламского конгресса (*ал-му'тамар ал-исламий*) для обсуждения насущных проблем мусульманского мира. Действенным инструментом ее пропаганды стал рупор исламского реформаторского движения — основанный в 1897 г. Абдо и Ридой журнал «Ал-Манар» (Маяк) — пожалуй, самое распространенное мусульманское периодическое издание своего времени. Однако еще раньше, в 1884–1885 гг. во время своего визита в Тунис, Мухаммад Абдо заявлял, что наименование «Ал-‘Урва ал-вуска» носило не только периодическое издание, но и тайное общество с отделениями по всему миру ислама [8], хотя к этому времени и сама газета прекратила свое существование, и пути Абдо и ал-Афгани навсегда разошлись. Мыслил ли Мухаммад Абдо реализацию концепта всемусульманского форума на базе ячеек данного общества? На этот вопрос мы пока не можем ответить. По всей видимости, эта ассоциация так и осталась плодом воображения, как и вымышленное общество «Умм ал-Кура» (*Джам‘ийа Умм ал-кура*) сирийского идеолога Абд ар-Рахмана ал-Кавакиби (1855–1902) [9. С. 140–145]. Но благодаря «Ал-Манару» идея проведения всемусульманского слета широко распространилась в Египте и далеко за его пределами.

Важнейшим шагами на пути достижения единства мусульманской уммы Мухаммад Абдо считал укрепление нравственных устоев последователей ислама и реформирование образования. Именно всесторонняя реорганизация университета ал-Азхар как главного звена мусульманской школы Египта стала одним из основных направлений его практической деятельности в последние десятилетия его жизни. Не все намеченные обширные замыслы в этой сфере ему удалось осуществить из-за упорного сопротивления богословов-традиционалистов и недоверия со стороны

⁷ Подробности о поездке Мухаммада Абдо в Алжир см.: [7]

⁸ *Cromer. Modern Egypt. Vol. 2. P. 179.*

правительственных кругов. Однако вклад Абдо в реформирование ал-Азхара трудно переоценить: его усилия привели к созданию обновленной системы обучения, которая позволила университету отойти от консервативных методов преподавания, основанных на принципе «слепого подражания» (*таклид*) [10. Р. 66–69].

Вся сознательная жизнь Мухаммада Абдо была отягощена неустанным давлением со стороны непримиримой духовной оппозиции. Он постоянно находился под огнем сокрушительной критики, зачастую далекой от конструктивности. Чего ему только не приписывали алимь-традиционалисты — и гипертрофированное эго, и безосновательную претензию на лидерство в мире ислама, и некомпетентность в религиозных науках, и элементарное непонимание сути шариата, и nepозволительное пристрастие к западному рационализму и секулярной философии. Не забывали напоминать ему и про непростительный коллаборационизм с британскими колонизаторами. Некоторыми консервативными мусульманскими теологами попытки Мухаммада Абдо пересмотреть устоявшиеся религиозно-правовые представления расценивались как «проявления не истинного салафизма (следования примеру „благочестивых предков“. — *Авт.*), а ваххабизма⁹, который в османскую эпоху прочно ассоциировался с неподчинением султанской власти» [11].

Дальнейшее эволюция арабской общественной мысли подтвердила, что Мухаммад Абдо как обладающий непоколебимой силой убеждения идеолог и оригинальный мыслитель во многом опередил свое время, распахнув двери для доступа свежих веяний к закосневшим традициям. Присущие реформатору здравомыслие, проницательность и дальновидность позволили ему наметить путь по преодолению разрыва между религиозными и гражданскими идеалами, ярко продемонстрировать, как критерий разумности может быть использован для примирения традиционных и современных ценностей, и ощутить необходимость построения мира, в котором царит культурное и религиозное разнообразие.

Салих аш-Шариф ат-Туниси: традиционалист и критик исламского реформаторства

Одним из наиболее заметных и эрудированных оппонентов религиозных реформаторов в начале XX в. выступил Салих аш-Шариф ат-Туниси. Его представления о революции и необходимости османской власти оказали заметное влияние на последующие концепции перестройки общества на Ближнем

⁹ Условное внешнее название религиозно-политического движения в Центральной Аравии под руководством шейха Мухаммада ибн Абд ал-Ваххаба (1703–1792), выступавшего с проповедью строжайшего единобожия и очищения ислама от «новшеств».

Востоке и в Северной Африке. Салих аш-Шариф родился в Тунисе около 1869 г. в семье потомственных богословов (*алимов*) алжирского происхождения. Его отец и дед почти тридцать лет преподавали в столичном университете аз-Зайтуна, и юный Салих последовал семейному примеру. В 1889 г. он тоже стал преподавателем в этом известном во всей Северной Африке центре исламского образования и культуры [12. С. 210–211]¹⁰.

После оккупации французскими войсками Туниса в 1881 г. Салих аш-Шариф некоторое время пытался адаптироваться к условиям иноземного протектората, но в итоге предпочел покинуть родную страну. В 1900 г. он эмигрировал в Стамбул, а вскоре на несколько лет перебрался в Дамаск. Его политические воззрения были противоречивы, а круг общения часто менялся. Так, в Стамбуле он познакомился с Энвер-пашой и другими деятелями младотурецкого движения, поддерживая отдельные воззрения партии «Единение и прогресс». В Дамаске же, как сообщал Мухаммад Рашид Рида, Салих аш-Шариф, напротив, сблизился с проосмански настроенными мистиками. В частности, он тесно общался с шейхом братства Рифа'ийа, главой потомков пророка Мухаммада (*накиб ал-ашираф*) в Халебе и главой всех суфийских шейхов (*шайх ал-маша'их*) Абу-л-Худой ас-Саййади (1849–1909) — приближенным к султану Абдул-Хамиду II¹¹. Возможно, их объединяло чувство принадлежности к шерифской среде¹². По данным, обнаруженным германским историком П. Хайне, под воздействием шейха Абу-л-Худы Салих и сам прошел суфийский обряд посвящения (*вирд*) и вступил в Рифа'ийу [16. С. 94]. Также он завязал дружеские контакты с вождями алжирского землячества в Дамаске, в т.ч. с суфиями братства Кадирийа — потомками эмира Абд ал-Кадира, героя борьбы Алжира за независимость, который после освобождения из французской тюрьмы поселился в столице Сирии (1856 г.) и прожил там 27 лет [17].

Ключевыми идейными и политическими ориентирами Салиха аш-Шарифа в эти годы оставались стойкая неприязнь к ценностям исламского реформаторства и желание защитить традицию от модернизма в духе Джамал ад-Дина ал-Афгани и Мухаммада Абдо. Еще в ходе преподавания в аз-Зайтуне Салих обличал перед студентами Абдо и его последователей, особенно Мухаммада Рашида Риду, обвиняя их в забвении вековой мудрости исламской общины и неприемлемом стремлении обратиться непосредственно к священным текстам вероучения — Корану и Сунне. По мнению Салиха, этот подход приличествовал невежественным смутьянкам-ваххабитам, но не благовоспитанным ученым мужам, призванным

¹⁰ О значимости региональных центров исламского знания см. [13. С. 201].

¹¹ رضا، محمد رشيد. رحلة (Путевые заметки) بيروت: دار الثقافة الإسلامية، ١٩٧١. ص ٣٤. О биографии, влиянии и репутации ас-Саййади см. [14. С. 353].

¹² Как в Магрибе, так и восточных арабских провинциях шерифство веками воспринималось как важный элемент построения системы политических связей. См. [15. С. 97–99].

хранить и приумножать интеллектуальные достижения мусульман ранних веков [18. С. 333]¹³.

Неприятие тунисским алимом модернистских ценностей и реформаторских устремлений в октябре 1908 г. вылилось в скандал, произошедший в мечети Омейядов. Бурные события случились в ходе богословской лекции, прочитанной в омейядской святыне Мухаммадом Рашидом Ридой. Как описывали этот эпизод очевидцы, Салих аш-Шариф явился на лекцию вместе со слушателями, демонстративно прервал оратора и публично оспорил его тезисы в оскорбительной манере, обвиняя Риду в пропаганде ваххабитских настроений¹⁴. Он провоцировал оппонента на экстремистские высказывания, стремясь лишить его свободы или подорвать его авторитет. Нападки Салиха аш-Шарифа переросли в настоящий городской бунт в центральных кварталах Дамаска. Рида спешно бежал, а зачинщик скандала был арестован полицией, но затем освобожден толпой возмущенных дамаскинцев, которые с оружием в руках осадили правительственное здание. В итоге этого инцидента младотурецкий предводитель в Сирии Ас'ад-бей был вынужден спешно оставить сирийскую столицу и выехать в Бейрут [20. С. 89; 21. С. 108–109].

Этот эпизод свидетельствует о том, что драматические события младотурецкой революции 1908 г. и последующая попытка контрпереворота в Стамбуле вызывали у алимов Ближнего Востока сложное и болезненное отношение. Салих аш-Шариф вполне вписывался в эту тенденцию: искренне считая султана Абдул-Хамида II подлинным наместником Пророка на Земле, единственным легитимным повелителем правоверных мусульман, он первоначально осудил Энвер-пашу и его товарищей за его силовое смещение¹⁵. Однако через два года он обратился к прагматизму, вернулся к прежним контактам с младотурками и в 1911 г. вместе с Энвером, в то время главнокомандующим османскими войсками в Северной Африке, тайно отправился в Киренаику. Там они организовали развертывание логистики для партизанской войны сенуситов против итальянского вторжения.

Суровые условия этой миссии, полной опасностей и угроз, заметно укрепили дружеские отношения тунисского богослова и турецкого офицера. Как Энвер-паша, так и Салих аш-Шариф отчетливо осознавали, что в итальянской пропаганде широко использовались этнические различия, и что

¹³ Тунисские интеллектуалы были хорошо знакомы с реформаторскими идеями Абдо и Риды, и воспринимали их в основном отрицательно. В 1904 г. группа тунисских алимов потребовала от правительства бея запретить журнал «Ал-Манар», основанный Рашидом Ридой, поскольку в нем «постоянно подрываются в самой своей основе главнейшие и не подлежащие обсуждению принципы исламского правоверия» (цит. по: [19. С. 92]).

¹⁴ البرودي، فحري - مذكرات البرودي (Воспоминания ал-Баруди) دمشق: دار الحياة، ١٩٥١. ص. ٧٠.

¹⁵ Мысль о консенсусе при избрании правителя всегда противостояла в исламской культуре представлениям о насильственной смене власти. Использование силы оправдывалось только защитой общины от внешних угроз и внутренней смуты. См. [22. С. 160–161].

европейцы стремились настроить арабо-берберское население Северной Африки против османского правления [23. С. 61]. Подъем арабского национального движения и особенно созыв Арабского конгресса в Париже в 1913 г. окончательно склонили Салиха аш-Шарифа к сотрудничеству со Стамбулом. В годы Первой мировой войны тунииский богослов действовал как советник Энвер-паши и его доверенный помощник в тайных и деликатных проектах.

В 1914 г. Салих возглавил североафриканский филиал османской специальной службы *Тешкилят-и махсуса*¹⁶, а с начала 1915 г. вместе со своими коллегами: преподавателем аз-Зайтуны Исма‘илом ас-Сафайихи (1856–1918), публицистом и писателем тунииско-турецкого происхождения Абд ал-Азизом Джавишем (1876–1929), младотурецким активистом, исламским мыслителем и поэтом, впоследствии автором слов гимна республиканской Турции Мехмедом Акифом Эрсом (1873–1936), и рядом европейских востоковедов — работал в Берлине [25. Р. 27–28]. Арабо-турецкие политэмигранты координировали деятельность подполья на колониальных территориях, организовывали революционные общества в арабских столицах и распространяли пропаганду в виде газетных материалов, брошюр, листовок и буклетов. Их постоянным партнером выступало берлинское «Агентство новостей Востока» (Nachrichtenstelle für den Orient), основанное в конце 1914 г. германским археологом, консулом Германии в Каире и сотрудником немецкой разведки Максом Фрайхером фон Оппенхаймом (1860–1946) [26. Р. 114–116].

Под руководством М.Ф. фон Оппенхайма Салих аш-Шариф участвовал в разработке концепции «войны путем революции» — тактики асимметричных действий, которые предполагали подстрекательство мусульман, проживавших на территории колоний противника, к джихаду и антиимперским повстанческим акциям [27]. Этот «антиколониальный джихадизм» был предназначен для отвлечения вражеских войск с линии фронта, осложнения логистики стран Антанты, создания политического хаоса в колониях. В поддержку этой концепции Салих аш-Шариф написал комментарий под названием *Хакикат ал-джихад* (Истина священной войны), который был опубликован в начале 1915 г. Немецким обществом изучения ислама. В своем труде тунииский богослов открыто демонизировал державы Антанты, представляя их в образе «истинных варваров» и «прислужников шайтана». Он призывал офицеров и солдат-мусульман из Северной Африки не служить интересам Лондона и Парижа, но «последовать за знаменем халифа из блистательного Османова рода вместе с его верными германскими союзниками»¹⁷. Речь шла,

¹⁶ *Тешкилят-и махсуса*, также известная как Департамент восточных дел (*Умур-и шаркийе дайрес*) базировалась в Стамбуле. Ее личный состав насчитывал 30 тыс. военнослужащих и гражданских сотрудников, как правило, арабского происхождения [24. Р. 64–65].

¹⁷ *Schaich Salih ash-Sharif At-Tunisi*. Haqiqat al-dschihad. Die Wahrheit über den Glaubenskrieg. Aus dem Arabischen übersetzt von Karl E. Schabinger. Mit einem Geleitwort von Martin Hartmann. Berlin : Verlag Dietrich Reimer, 1915. S. 35.

по существу, о своеобразном «кросс-джихаде», когда правоверные мусульмане волей Божией сражались плечом к плечу с неверными немцами против единоверцев, находящихся под игом неверных англичан и французов. Мусульманам, служившим в армиях Антанты, Салих аш-Шариф предлагал перейти в такой ситуации на османо-германскую сторону и тем самым обратить вспять англо-французскую оккупацию части исламского мира.

В других своих воззваниях и трактатах, изданных в берлинский период, Салих аш-Шариф разоблачал попытки правительств Антанты оспорить легитимность Османского халифата и призывал к объединению мусульман перед лицом грядущего поражения Османской империи в Первой мировой войне¹⁸. Капитуляция Османов заставила его вместе с другими магрибинскими эмигрантами перебраться в Швейцарию, где он скончался в 1920 г. [28. С. 106].

Военные события и лояльность Стамбулу ввели провинциального магрибинского богослова в круг ведущих политических деятелей Османской империи и сделали его видным деятелем младотурецких специальных служб. Его пропагандистская работа послужила своего рода мостом между османским руководством и германской разведкой, надеявшейся при помощи мусульманских интеллектуалов спровоцировать беспорядки и восстания в североафриканских тылах Антанты. Логика тунисского алима, соединявшего идею джихада с антиколониальным движением, оказалась работоспособным инструментом османской пропаганды в годы Первой мировой войны.

Шибли Но‘мани: призыв к единению мусульманского центра и периферии

Мусульманская община Британской Индии на руинах Могольской империи находилась в поисках верховного авторитета. «После низложения династии Моголов и установления британского правления для мусульман Южной Азии наступила эпоха безвременья, отсутствия объединяющей власти, общепризнанного лидера, единой идеи», — такую оценку ситуации дает известный исследователь ислама Акбар С. Ахмед в книге с говорящим подзаголовком «В поисках Саладина» [29. С. 46]. Мусульманские движения в Южной Азии середины XIX — начала XX вв. были направлены на консолидацию общины и привели к обращению мусульманских идеологов к опыту развития общественно-политической мысли на Ближнем Востоке [30].

Идея общности интересов южноазиатских мусульман с последователями ислама в традиционных центрах исламской цивилизации оказалась востребованной как в среде исламских деятелей провинций Британской

¹⁸ (Разъяснение происков французов против ислама и халифа [мусульман]) ضد إسلام و خليفته // Hilafet Risaleleri. Vol. 4. Istanbul : Klasik Yayınları, 2004. P. 146–168; *Al-Tunusi S.* Hilafet-i Muazzama-i İslamiye // Hilafet Risaleleri. Vol. 4. Istanbul : Klasik Yayınları, 2004. P. 422–448.

Индии, так и среди правителей мусульманских княжеств (таких, как Хайдарабад, Рампур, Бхопал, Наванагар, Калат и ряд других) на территории Индостана [31. Р. 15–17]. Мусульмане Южной Азии обратили свой взор на османского халифа как на духовного главу после прекращения существования Могольской державы¹⁹. На это указывает Дж. Неру в книге «Открытие Индии»: «Могольские правители не признавали ни халифа, ни других духовных владык за пределами Индии. Только после полного краха Могольской империи и прихода XIX в. имя турецкого султана начало упоминаться в индийских мечетях»²⁰.

Вопрос о правах османских султанов на звание халифа и духовное главенство над суннитами вызывал разноречивую реакцию у мусульманских идеологов Южной Азии, принадлежавших к различным идейным течениям. Однако последователи ряда мусульманских обществ в провинциях Британской Индии, таких, как «Надват ул-улама» (Собрание ученых), отстаивали законность прав стамбульского падишаха на халифат, а после упразднения халифата республиканским руководством Турции (1924 г.) примкнули к международному движению в защиту турецкого султана-халифа [30; 32].

Одним из ярких представителей исламских кругов Британской Индии, обращавшихся в своих идейных поисках к историко-культурному наследию и опыту развития Ближнего и Среднего Востока, был Шибли Но‘мани (1857–1914) — ученый-богослов, поэт, философ, исламский реформатор из Азамгарха. Его справедливо называют «отцом историографии урду». Шибли Но‘мани получил традиционное исламское воспитание, хорошо владел арабским и персидским языками, а также староосманским. Будучи приверженцем ценностей традиционной культуры, он тем не менее считал, что английский язык и европейские науки должны быть включены в систему образования.

Шибли написал несколько биографий видных фигур истории ислама, убежденный, что мусульмане его времени могли бы извлечь ценные уроки из прошлого. Он собирал материалы о жизни пророка Мухаммада и завершил работу над первыми двумя томами агиографического труда «Сират ан-Наби»²¹. Его ученик, Сулейман Надви (1884–1953), дополнил впоследствии этот материал и написал еще пять томов после смерти Шибли [33. С. 167–168]. Примечательно, что среди «героев ислама» в произведениях Шибли Но‘мани воспеты выдающиеся личности традиционных центров исламской цивилизации, что способствовало порождению у индийских мусульман чувства сопричастности единой мусульманской культуре [34. Р. 124–125].

¹⁹ См.: Documents and Speeches on the Indian Princely States. Delhi : B.R. Publishing Corporation, 1985.

²⁰ Nehru J. The Discovery of India. Oxford : Oxford University Press, 1989. P. 100–101.

²¹ Nu‘mānī, Shiblī. Sirat Un Nabi. The Life of the Prophet. New Delhi : Kazi Publications, 2003.

Знакомство с видным мусульманским реформатором и просветителем Сайидом Ахмад-ханом (1817–1898) привело Шибли Но‘мани в Алигархский колледж (осн. в 1875 г.), где он в течение шестнадцати лет стремился синтезировать прошлые и современные идеи в мусульманском образовании. Но‘мани также преподавал персидский и арабский языки [35. Р. 240–247]. Однако в итоге он разочаровался в курсе умеренного конституционализма и сотрудничества с британской колониальной администрацией, проводимом Сайидом Ахмад-ханом. В 1892 г. вместе с британским ученым Томасом Арнольдом индийский интеллектual посетил страны Ближнего Востока — Сирию, Турцию и Египет. В Стамбуле Шибли был награжден за свои творческие заслуги медалью от имени султана Абдул-Хамида II.

В Каире он встретился с известным исламским ученым и реформатором Мухаммадом Абдо, что предопределило многие его идейные установки и общую ориентацию на ближневосточные образцы общественной мысли. Из разностороннего и противоречивого арсенала идей Абдо Шибли Но‘мани заимствовал то, что отвечало его собственным устремлениям и чаяниям: представление о единстве уммы, невзирая на географическую локацию мусульманских общин, и концепцию мусульманского образования, сочетающего традиции ислама с современными достижениями научной и общественной мысли. Он ставил религиозное единство мусульман выше национальных и социальных различий, а призыв к нему воспринимал как залог сохранения ценностей ислама перед лицом западной экспансии. Так, оценивая наследие Шибли Но‘мани, Е.Ю. Ванина отмечает особенности его подхода к развитию исламской цивилизации: «...индийский мусульманин должен был ассоциировать себя с культурно-историческим наследием не только и не столько Делийского султаната и Могольской державы, сколько арабского халифата, Ирана, Османской империи. Шибли Но‘мани, например, вообще предпочитал писать сочинения по истории Пророка, Аравии, Ирана — Индия его интересовала гораздо меньше» [36. С. 180–181]. Похоже, здесь следует отметить и другое: он различал по важности понятия центра и периферии в развитии единой мусульманской религиозно-культурной традиции.

Шибли Но‘мани заложил традицию путешествий южноазиатских мусульман по Ближнему Востоку, ставшую популярной у последующих поколений мусульманских теологов и общественных деятелей Британской Индии. Главной целью своей поездки Но‘мани поставил сбор материалов для изучения жизни и системы образования, принятой у единоверных арабов и турок. Шибли Но‘мани стремился, опираясь на свои наблюдения, создать в Британской Индии такую модель образования, которая бы опиралась на опыт развития образовательных систем эпицентров исламской цивилизации, и в то же время отражала бы характерные черты лучших европейских образцов.

Знаменитый трактат-травелог Шибли Но‘мани «Турция, Египет и Сирия: повествование о путешествиях» детально сообщает о впечатлениях

автора во время его странствий с мая по сентябрь 1892 г.²² Особенно поразила его воображение Стамбул, который он описал как удивительное место с его величественными мечетями, медресе, школами и колледжами, которые впечатляли своими библиотеками и типографиями. Вместе с тем, в его оценках системы образования в Стамбуле, Каире, Бейруте сквозит разочарование в том, что лучшие увиденные им традиционные образцы преподавания в медресе не вмещают в себя элементы современного образования, необходимого для ориентации в окружающем мире²³. Он писал: «До сих пор старое и новое образование соревнуются друг с другом, а их синтез так и не достигнут. И в Константинополе, и в Каире существуют два направления в образовании, традиционное и современное. Оба развиваются абсолютно обособленно друг от друга, что действует во вред обоим»²⁴. Однако, радуя за новые подходы к мусульманскому образованию, он все же отдавал приоритет традициям: «Несмотря на то, что я много сделал для продвижения новаций в образовании, я являюсь яростным приверженцем медресе и улама как проводникам истинного знания. Традиционное образование — абсолютная необходимость»²⁵.

Хотя основное повествование в травелоге Но‘мани ведется на урду, в путеводителе также присутствует значительное количество фрагментов на арабском и персидском языках, а также содержатся документы на староосманском, что было естественным для автора, преподававшего эти языки в Алигархе, и было доступным для образованных мусульман в Британской Индии. Эта связь между урду и классическими языками ислама в его творчестве сохранялась и далее: у Шибли вошло в привычку просить каждого из своих соратников и учеников собирать книги известных арабских, персидских и османских авторов и переводить их на урду на благо новых поколений.

Во время халифатистского движения в Британской Индии (1919–1924 гг.) текст травелога Но‘мани приобрел новое политическое значение, поскольку фигура османского султана и Османская империя стали символами политической и социальной мобилизации против британского правления.

Вдохновленный примером Шибли Но‘мани, его ученик и последователь Абул Калам Азад (1888–1958), ставший одним из зачинателей халифатистского движения, считал, что политическое развитие Османской империи имело определяющее значение для формирования понятия мусульманской идентичности в Британской Индии. Пример Османов помогал, по мысли Азада, преодолевать комплекс отдаленности от центров мусульманской культуры

²² Safarnama Rum-o-Misir-o-Sham: A Travelogue of Rome, Egypt, Syria and Turkey, compiled by Maulānā Shiblī Nu‘mānī, entitled *Shams al-'Ulama'* [Sun of the Scholars], Professor of Arabic at the Madrasat al-'Ulūm, Aligarh. Transl. from the Urdu by G.M. Bruce. Syracuse (NY) : Syracuse University Press, 2020.

²³ Подробнее о взглядах Но‘мани на реформу исламского образования см. [37. Р. 145–157].

²⁴ Safarnama Rum-o-Misir-o-Sham. P. 119.

²⁵ Ibid. P. 42–43.

на Ближнем и Среднем Востоке²⁶. Следуя примеру учителя, Азад много путешествовал по Арабскому Востоку, бывал в Турции и Иране, слыл знатоком арабской и персидской литературы, владел арабским, персидским, турецким языками, имел глубокие познания в учении и истории ислама. Он поддерживал дружеские взаимоотношения с видными мусульманскими деятелями Египта, Турции, Сирии, Палестины, Ирака и Ирана [9. С. 151–152].

Братья Мухаммад Али Джаухар (1878–1931) и Шаукат Али (1873–1938), прославленные лидеры халифатистского движения 1920-х гг., также опирались на заветы Шибли Но‘мани, под руководством которого они изучали в Алигархе арабский и персидский языки. Они считали необходимым знакомство не только с трудами мусульманских реформаторов и просветителей этого региона, но и с реальностью Ближнего Востока для понимания сущности ислама и современных им идеологических течений [38. Р. 270–271]. В поисках идеи исламской общности обращение к идейному наследию и общественной мысли Ближнего и Среднего Востока послужило непреходящим источником вдохновения для поколений индийских мусульман.

Шибли Но‘мани был известен своими практическими успехами в создании и совершенствовании программ исламских образовательных учреждений, соединяющих традиции и новации — образовательного центра «Национальный колледж» в Азамгархе, Османского университета в Хайдарабаде, медресе «Дар ул-улум» в Лакхнау. Он стремился привить в индийских мусульманских университетах преподавание на языке урду и интегрировать традиционный стиль обучения с современными образовательными подходами [39. Р. 56–57]. Вскоре после кончины реформатора его ученик Сайид Сулейман Надви воплотил его мечту и учредил в Азамгархе Дом писателей («Дар ул-муссанифин») [40. С. 498]. Эта общественная и просветительская структура достойно утвердила память о многолетних трудах выдающегося интеллектуала и реформатора ислама в Южной Азии.

Заключение

Широкий спектр суждений и подходов к единству мусульман, предложенных исламскими мыслителями XIX–XX вв., побуждает к сущностному сравнению их предложений и сопоставлению их мировоззрений. Представляется, что в основе «англофильского» настроя Мухаммада Абдо лежала не столько вера в намерения Британии способствовать прогрессу Египта, сколько его трезвая и взвешенная оценка расстановки политических сил в стране. В Египте на стыке веков именно британские колониальные власти проявляли благосклонность к просветительским проектам и поощряли культурные мероприятия

²⁶ *Azad, Abul Kalam*. *India Wins Freedom: The Complete Version*. Hyderabad: Orient Longman, 1988. P. XII.

мусульманских реформаторов — в противовес хедиву с его окружением и традиционалистски настроенной духовной элите. В тунисской общественно-политической обстановке главным проponentом модернизации также выступали французские элиты. Поэтому для традиционно мыслящих тунисских алимов, и в первую очередь Салиха аш-Шарифа ат-Туниси, защита «османской старины» в предвоенные и военные годы выступала в качестве не только своеобразного противоядия от роста популярности арабских или берберских национальных движений, но и легитимности халифского управления делами общины — без вмешательства иноверных колониальных структур. Наконец, для Шибли Но‘мани активная общественная жизнь Стамбула, Дамаска и Каира выглядели как культурно-цивилизационная точка опоры и источник вдохновения для воссоздания особой идентичности мусульман Южной Азии. В этот подход вписывается и стремление индийского реформатора распространить преподавание духовных дисциплин на родине уже не на привычных арабском или персидском языке, а на урду. Вместе с тем патриотический настрой тех или иных групп мусульман концептуально виделся исламской интеллектуальной элите под двумя углами: и как залог формирования будущей страновой идентичности, и как перспективный фактор сохранения стабильности халифской власти в Стамбуле.

Примечательно, что все три мыслителя на разных этапах своей жизни обращались к вечному архетипу исламской культуры — суфийскому «пути» (*тарика*) или странствию в поисках знаний (*талаб ал-‘илм*). В их исследовательской и идеологической оптике добровольная миграция и знакомство с жизнью единоверцев в других странах позволяли обогатиться бесконечным запасом региональных тонкостей и аспектов воплощения исламской традиции — в духе известного высказывания Пророка «весь мир есть мечеть».

Список литературы

1. القاهرة : مكتبة النهضة المصرية ، ١٩٦٥ - ٢٩٤ ص - (Пионер египетской мысли имам Мухаммад Абдо) أمين ، عثمان - رائد الفكر المصري الإمام محمد عبده
2. Sedgwick M. Muhammad Abduh. A biography. Oxford : Oneworld Publications, 2010. 152 p.
3. القاهرة : الهيئة المصرية للكتاب ، ١٩٤٨ - ٣٤٩ ص - (Лидеры реформы в современную эпоху) أمين ، أحمد - زعماء الإصلاح في العصر الحديث
4. بيروت : دار الكتاب اللبناني ، ١٩٧٤ - ٦٥ ص - (Имам Мухаммад Абдо: лидер обновления и реформы) الإمام محمد عبده : إمام التجديد والإصلاح
5. القاهرة : دار الشروق ، ١٩٨٨ - ٣٠٥ ص - (Имам Мухаммад Абдо: обновитель мира путем обновления религии) عمار ، محمد - الإمام محمد عبده : مجدد الدنيا بتجديد الدين
6. Hourani A. Arabic thought in the liberal age, 1798–1939. Cambridge : Cambridge University Press, 1984. 406 p.
7. Bencheneb R. Le séjour du šayh Abduh en Algérie (1903) // Studia Islamica. 1981. Vol. 53. P. 121–135.
8. Chenoufi M. Les deux séjours de Muhammad ‘Abduh en Tunisie // Cahiers de Tunisie. 1968. Vol. 16. P. 57–96.

9. Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В. Три облика халифатизма: представления о халифате исламских мыслителей конца XIX — начала XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 2. С. 137–158. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-2-137-158> EDN: UMHRYU
10. Al-Samara K. Muhammad ‘Abduh: Islam and new urbanity in the nineteenth-century Arab world // Australian Journal of Islamic Studies. 2018. Vol. 3. № 1. P. 63–79. <https://doi.org/10.55831/ajis.v3i1.77>
11. Жантиев Д.Р. Исламский традиционализм в сирийских провинциях Османской империи в эпоху Абдул-Хамида II (1876–1909) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. № 5 (103). Ст. 21. <https://doi.org/10.18254/S207987840015902-1> EDN: ASKYNV
12. تونس : أدار التونسية للأنشور ، ١٩٧٠ - ٢٤٨ ص - ابن عسور ، محمد الطاهر - تراجم الأعلام
13. Кириллина С.А., Смирнов В.Е., Черкасова Т.Д. Сакральная география Ближнего и Среднего Востока сквозь века и поколения // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2023. Т. 67. № 4. С. 197–204. <https://doi.org/10.55959/MSU0320-8095-13-67-4-15> EDN: EKMCHY
14. Жантиев Д.Р. Религиозная политика султана Абдул-Хамида II в сирийских вилайетах Османской империи (1876–1909): методы и символы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 4. С. 347–362. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2021-13-4-347-362> EDN: WTUEFX
15. Соловьева Д.В. Идрисидские шерифы в Алауитском Марокко (XVII–XVIII вв.): союзники престола или ограничители властных амбиций? // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2022. № 3. С. 93–107. EDN: SQLIBW
16. Heine P. Sâlih ash-Sharif at-Tûnisî, a North African nationalist in Berlin during the First world war // Revue de l'Occident musulman et de la Méditerranée. 1982. № 33. P. 89–95. <https://doi.org/10.3406/remmm.1982.1941>
17. Жантиев Д.Р. Эмир Абд ал-Кадир ал-Джазаир и наследие Ибн Араби в османском Дамаске // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. № 10 (132). <https://doi.org/10.18254/S207987840028762-7> EDN: NOWUWZ
18. Ardiç N. Islam and the politics of secularism: the caliphate and Middle Eastern modernization in the early 20th century. London; New York : Routledge, 2012. 408 p. <https://doi.org/10.4324/9780203137734>
19. Kraïem M. Au sujet des incidences des deux séjours de Muhammad ‘Abduh en Tunisie // Revue d'histoire maghebaine. 1975. № 3. P. 91–94.
20. Der Matossian B. Shattered dreams of revolution: from liberty to violence in the late Ottoman Empire. Stanford (CA) : Stanford University Press, 2014. 249 p.
21. Жантиев Д.Р. Неудачный вояж: конфликт вокруг приезда Мухаммада Рашида Риды в Дамаск в 1908 г. // Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика : материалы науч. конф. (Москва, 27 марта — 3 апреля 2025 г.) М. : МГУ имени М.В. Ломоносова, ИСАА, 2025. С. 108–109. EDN: DNTYAX
22. Соловьева Д.В. Основания султанской власти в Алауитском Марокко XVII–XVIII вв. : торжество военной силы или поиск консенсуса? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 2. С. 159–171. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-2-159-171> EDN: UGSNOE
23. Aksakal M. The Ottoman proclamation of jihad // Jihad and Islam in World War I: Studies on the Ottoman jihad on the centenary of Snouck Hurgronje’s “Holy war made in Germany” / ed. by E.-J. Zürcher. Leiden : Leiden University Press, 2016. P. 53–69.
24. Stoddard P. The Ottoman government and the Arabs, 1911 to 1918: a study of the *Teskilat-i Mahsusa*. Princeton (NJ) : Princeton University Press, 1963. 490 p.
25. Schwanitz W.G. Germany’s Middle East policy // Middle East Review of International Affairs. 2007. Vol. 11. № 3. P. 26–41.

26. *Kröger M.* Max von Oppenheim — mit Eifer ein Fremder im Auswärtigen Dienst // *Faszination Orient. Max von Oppenheim, Forscher, Sammler, Diplomat* / ed. by G. Teichmann, G. Völger. Köln : Dumont, 2001. P. 106–139.
27. *McKale D.* War by revolution: Germany and Great Britain in the Middle East in World War I. Kent (OH) : The Kent State University Press, 1998. 332 p.
28. *Commins D.D.* Islamic reform: politics and social change in late Ottoman Syria. New York : Oxford University Press, 1990. 224 p.
29. *Ahmed A.S.* Jinnah, Pakistan and Islamic identity. The search for Saladin. London; New York : Routledge, 2001. 304 p. <https://doi.org/10.4324/9780203990995>
30. *Shukla R.L.* Britain, India and the Turkish Empire. 1853–1882. New Delhi : People's Publishing House, 1973. 262 p.
31. Communal and pan-Islamic trends in colonial India / ed. by M. Hasan. New Delhi : Manohar Publications, 1985. 387 p.
32. *Minault G.* The Khilafat movement: religious symbolism and political mobilization in India. New York : Columbia University Press, 1982. 294 p.
33. *Гордон-Полонская Л.Р.* Мусульманские течения в общественной жизни Индии и Пакистана. М. : Восточная литература, 1963. 325 с.
34. *Ikram S.M.* Indian Muslims and partition of India. Delhi : Athlantic Publishers, 1992. 535 p.
35. *Lelyveld D.* Aligarh's first generation. New Delhi : Princeton University Press, 1978. 408 p.
36. *Ванина Е.Ю.* Индия: история в истории. М. : Наука, 2014. 343 с.
37. *Troll C.W.* Muhammad Shibli Nu'mani (1857–1914) and the reform of Muslim religious education // *Madrassa. La transmission du savoir dans le monde musulman.* Sous la dir. de N. Grandin et M. Gaborieau. Paris : Éditions Arguments, 1997. P. 145–157.
38. *Allana G.* Muslim political thought through the ages. 1542–1947. New Delhi: Indian Institute of Applied Political Research, 1987. 347 p.
39. *Murad M.A.* Intellectual modernism of Shibli Numani. Lahore : Institute of Islamic Culture, 1976. 135 p.
40. *McDonough Sh.* Shibli Numani: A conservative vision of revitalized Islam // *Religion in modern India.* Ed. by R.D. Baird. New Delhi : Manohar, 1989. P. 477–501.

Информация об авторах:

Кириллина Светлана Алексеевна — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1, e-mail: kirillina@iaas.msu.ru ORCID: 0000-0001-5769-3715. SPIN-код: 2492-5979.

Сафронова Александра Львовна — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Южной Азии, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, e-mail: alsafroнова@iaas.msu.ru ORCID: 0000-0003-1554-3449. SPIN-код: 6189-7121.

Орлов Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, e-mail: orlov@iaas.msu.ru ORCID: 0000-0002-2649-5422. SPIN-код: 6318-4102.

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-2-152-174

EDN: WRSAUU

Научная статья / Research Article

Обмен военнопленными как арена идеологической борьбы в годы Корейской войны

Н.Н. Ким

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, *Москва,*
Российская Федерация

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ nkim@iaas.msu.ru

Аннотация. Корейская война (25.06.1950–27.07.1953) — многоплановый конфликт эпохи холодной войны, в котором национальные интересы двух корейских государств, КНДР и Республики Корея (РК), оказались сложным образом переплетены с интересами крупнейших держав: СССР, США, КНР. С самого начала войны (25 июня 1950 г.) в ООН выдвигались разные предложения по достижению мира и возвращения ситуации в статус-кво. Но по разным причинам война затянулась. Переговоры о перемирии стартовали в июле 1951 г., а завершились только 2 года спустя подписанием соглашения. Одной из причин затягивания переговоров было несогласие сторон по вопросу обмена военнопленными. Цель исследования — выяснить, каким образом идеологическое противостояние сторон военного конфликта (США, РК — КНДР, КНР, СССР) повлияло на переговоры по обмену военнопленными и дальнейшее отношение к военнопленным на родине после их репатриации (на примере американских и британских военнопленных). В результате исследования сделан вывод о том, что десятки тысяч военнопленных были объектом идеологической пропаганды и манипуляции со стороны как США, командующими силами ООН, так и КНДР и КНР. Идеологическое противостояние сторон стало одним из главных факторов напряжения внутри лагерей, угрожая жизни и безопасности военнопленных.

Ключевые слова: КНДР, Республика Корея, идеология, холодная война

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 19.10.2025; принята к публикации 20.12.2025.

Для цитирования: Ким Н.Н. Обмен военнопленными как арена идеологической борьбы в годы Корейской войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 2. С. 152–174. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-2-152-174> EDN: WRSAUU

© Ким Н.Н., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The exchange of prisoners of war as a site of ideological confrontation during the Korean war

Natalia N. Kim

Lomonosov Moscow State University, *Moscow, Russian Federation*

National Research University Higher School of Economics, *Saint Petersburg, Russian Federation*

✉ nkim@iaas.msu.ru

Abstract. The Korean War (25.06.1950–27.07.1953) represents a multifaceted conflict of the Cold War era, in which the national interests of the two Korean states, the Democratic People's Republic of Korea (DPRK) and the Republic of Korea (ROK), became intricately intertwined with the interests of major powers — the USSR, the USA, and the People's Republic of China (PRC). From the very outbreak of the war on June 25, 1950, various proposals for achieving peace and restoring the status quo were put forward at the United Nations. However, for various reasons, the war became protracted. Truce talks commenced in July 1951 and concluded only two years later with the signing of the Korean Armistice Agreement. One of the reasons for the prolonged negotiations was the disagreement between the sides regarding the exchange of prisoners of war. The aim of this study is to examine how the ideological confrontation between the sides of the military conflict (the USA and the ROK versus the DPRK, the PRC, and the USSR) influenced the negotiations on the POWs exchange and the subsequent treatment of repatriated prisoners in their home countries (on the examples of American and British POWs). As a result of the research, the author concludes that tens of thousands of POWs became object of ideological propaganda and manipulation by both the United States, commanding the UN forces, and the DPRK and the PRC. The ideological confrontation between the sides emerged as one of the primary factors of tension within the prisoner-of-war camps, threatening the lives and safety of the captives.

Keywords: DPRK, Republic of Korea, ideology, Cold War

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 19.10.2025; accepted 20.12.2025.

For citation: Kim NN. The exchange of prisoners of war as a site of ideological confrontation during the Korean war. *RUDN Journal of World History*. 2026;18(2):152–174. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-2-152-174> EDN: WRSAUU

Введение

Корейская война (25 июня 1950 г. — 27 июля 1953 г.) представляет сложный конфликт, в котором национальные устремления КНДР и Республики Корея глубоко переплелись со стратегическими интересами ведущих держав — Советского Союза, Соединенных Штатов и Китая. Вступление в войну сначала сил ООН под командованием США, а затем китайских народных добровольцев привели во многом к оттеснению КНДР и РК на второй план

в вопросах разрешения данного конфликта, начавшегося как блицкриг сил Корейской народной армии (КНА) по захвату Южной Кореи и объединению Кореи вооруженным путем. В современной зарубежной историографии накоплен огромный объем работ, посвященных Корейской войне. Попытка охватить данное количество работ не представляется возможной для отдельного исследователя, тем более в рамках научной статьи. Вместе с тем до сих пор требуют дополнительного изучения и систематизации с учетом новых исследовательских задач, в особенности актуальных в рамках российской историографии Корейской войны, некоторые аспекты данного военного конфликта. К таковым относится тема военнопленных, ставшая одним из главных предметов спора между китайско-северокорейской и американской делегациями на переговорах о перемирии.

С самого начала войны, начавшейся 25 июня 1950 г., в ООН предлагались меры по достижению мира и возвращения ситуации в статус-кво. Тем не менее по разным причинам война затянулась, переговоры стартовали только 10 июля 1951 г. в Кэсоне, а в октябре того же года были перенесены в Пханмунчжом, где завершились 27 июля 1953 г. подписанием соглашения о перемирии¹. Одной из причин затягивания переговоров на столь длительный срок было несогласие сторон по вопросу обмена военнопленными. Рассмотрим тему обмена военнопленных в контексте идеологического противостояния государств — участников военного конфликта и их союзников: США (ООН), Южная Корея vs Северная Корея, Китай, Советский Союз.

Цель исследования — выяснить, каким образом идеологическое противостояние сторон повлияло на переговоры по обмену военнопленными, пребывание военнопленных в лагерях и их дальнейшую судьбу (на примере американских и британских военнопленных). Наше исследование ограничивается узким аспектом темы военнопленных, которая, естественно, гораздо шире. За рамками исследования остаются такие вопросы как интернирование военнопленных, организация лагерей, условия содержания, гибель военнопленных в лагерях, детали обсуждения обмена военнопленных на переговорах о перемирии. Автор исходит из гуманитарной позиции в отношении военнопленных и не выступает в защиту ни одной из сторон конфликта, каждая из которых несет ответственность за затягивание войны и гибель военнопленных в лагерях. Исследование основано на документах внешней политики США, ООН, мемуарах бывших военнопленных, материалах ТАСС (ГАРФ).

¹ Armistice Agreement // United Nations. URL: <https://peacemaker.un.org> (дата обращения: 25.09.2025).

О количестве военнопленных

На переговорах в Пханмунчжоме американская и китайско-северокорейская делегации неоднократно обменивались данными о количестве военнопленных, задержанных каждой стороной. Впервые обмен данными произошел в декабре 1951 г. Существующее между противниками недоверие постоянно провоцировало вопросы к обмениваемым числам. Северокорейская делегация предоставила список в количестве **11 559** военнопленных ООН, из которых 7142 — военнослужащие РК, 3198 — США². Американская сторона, располагая другими данными о военнопленных сил ООН, выразила свое неудовлетворение. Как докладывал генерал Риджуэй, командующий силами ООН в Корее, сторона противника сообщала разные данные о военнопленных ООН: «Ставка верховного главнокомандующего (СВГ) коммунистов публикует одни данные, по радио сообщают другие, а делегаты [на переговорах] — третьи. По официально данным СВГ коммунистов, с 25 июня по 25 декабря 1950 г. коммунисты захватили 38 500 военнопленных, с 26 декабря по 25 марта — 26 863. В первой половине войны **65 363** военнопленных. На основе официальных данных за первые 9 месяцев войны коммунисты не смогли отчитаться о более 50 тыс. военнопленных. Это не данные о пропавших без вести [нашей стороны], а официальные данные правительства коммунистов. Где пропавшие [военнопленные]?»³. На этот вопрос северокорейская сторона ответила, что у них нет такого количества военнопленных, как у сил ООН, поскольку они освобождают их на линии фронта, и командование ООН на самом деле просто недооценивает количество освобожденных лиц; также необходимо учитывать погибших от авиаударов, по болезни и дезертировавших⁴. Командование ООН подтвердило факт освобождения 177 военнослужащих ООН, которые вернулись назад с линии фронта, но не более того.

В свою очередь северокорейская сторона обвинила американцев, что они сообщают данные о военнопленных, которые отличаются от тех, что были переданы командованием ООН в Международный Комитет Красного Креста (МККК) в июне 1951 г. В частности, говорилось о недостающем количестве в 44 259 имен, из которых 34 786 принадлежали к регулярной армии, тогда как командование ООН изначально передало в Женеву список из **150 476** имен⁵. Северокорейцы запросили объяснение.

² The Commander in Chief, Far East (Ridgway) to the Joint Chiefs of Staff, 25 December, 1951. Foreign Relations of the United States, 1951. Volume VII. URL: https://db.history.go.kr/contemp/level.do?levelId=frus_007_0070_1430 (дата обращения: 25.09.2025).

³ The Commander in Chief, Far East (Ridgway) to the Joint Chiefs of Staff, 24 December 1951. Foreign Relations of the United States, 1951. Volume VII. URL: https://db.history.go.kr/contemp/level.do?levelId=frus_007_0070_1390 (дата обращения: 25.09.2025).

⁴ Ibid.

⁵ The Commander in Chief, United Nations Command (Ridgway) to the Joint Chiefs of Staff. 22 December, 1951. Foreign Relations of the United States, 1951. Volume VII. URL: https://db.history.go.kr/contemp/level.do?levelId=frus_007_0070_1290 (дата обращения: 26.09.2025).

На это командование ООН ответило, что «текущий список включает **132 474** человека, разбитых по национальности следующим образом: северокорейцы — 95 531, китайцы — 20 700, южнокорейцы — 16 243. Последние из названных проживали 25 июня 1950 г. к югу от 38-й параллели. Большинство из них были задержаны силами ООН при подозрительных или враждебных обстоятельствах. Некоторые были партизанами, некоторые воевали на стороне северокорейской армии; некоторые были взяты под стражу в качестве меры безопасности, другие — в ходе военных действий»⁶.

После тщательной проверки всех военнопленных, завершённой командованием ООН в начале ноября 1951 г., 37 500 военнопленных были идентифицированы как бывшие гражданские лица, проживавшие на момент задержания к югу от 38-й параллели. «Процесс проверки и расследование всех лиц, задержанных в лагерях для военнопленных ООН, выявили наличие многих лиц, задержание которых было обусловлено различными случайными обстоятельствами, сопутствовавшими неразберихе, неотделимой от военных действий, и последующим перемещением больших масс гражданского населения»⁷. Иными словами, данные, отправленные ранее командованием ООН в МККК, были позднее пересмотрены с учетом характера и места задержания «военнопленных». Северокорейцы возразили, сказав, что не важно, где проживал человек на момент пленения, необходимо учитывать то, на какой стороне он воевал и обменивать «всех на всех»⁸. Известно, что во время «освобождения» захваченных территорий Южной Кореи, в КНА принудительно рекрутировались граждане Республики Корея: об этом свидетельствуют результаты реклассификации военнопленных в лагерях ООН. Американцы, в свою очередь, выразили недоумение, как можно обменивать «всех на всех», если под контролем командования ООН около 130 000 военнопленных, идентификация которых требует дополнительной проверки, тогда как у КНА — 12 000.

Всего за годы Корейской войны (с 25.07.1950 по 28.07.1953) силы ООН захватили 171 498 военнопленных противника, из которых 150 420 относились к КНА, а 21 074 — китайским народным добровольцам [1. С. 183]. Но это

⁶ The Commander in Chief, United Nations Command (Ridgway) to the Joint Chiefs of Staff. 23 December, 1951. Foreign Relations of the United States, 1951. Volume VII. URL: https://db.history.go.kr/contemp/level.do?levelId=frus_007_0070_1320 (дата обращения: 26.09.2025).

⁷ The Commander in Chief, Far East (Ridgway) to the Joint Chiefs of Staff, 21 December, 1951. Foreign Relations of the United States, 1951. Volume VII. URL: https://db.history.go.kr/contemp/level.do?levelId=frus_007_0070_1180 (дата обращения: 26.09.2025).

⁸ The Commander in Chief, United Nations Command (Ridgway) to the Joint Chiefs of Staff. 23 December, 1951. Foreign Relations of the United States, 1951. Volume VII. URL: https://db.history.go.kr/contemp/level.do?levelId=frus_007_0070_1320 (дата обращения: 26.09.2025).

общее количество пленных без учета их реклассификации, о чем сказано выше. Поэтому по итогам переговоров о перемирии к июлю 1953 г. обмену подлежали: со стороны ООН — около 132 000, КНА — 13 000 человек.

Добровольная репатриация: за и против

Командование ООН рассматривало разные варианты обмена военнопленными⁹, но в конечном счете выбор остановился на принципе «добровольной репатриации». 2 января 1952 г. делегация США в Пханмунчжоме предложила концепцию добровольной репатриации и обмен «один на один». Предложение тотчас было отвергнуто стороной противника как, прежде всего, несоответствующее Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1949 г. США, будучи подписантами Женевской конвенции 1949 г., не ратифицировали ее на начало Корейской войны. КНДР и КНР даже не являлись подписантами данной конвенции, но согласились ей следовать в ходе войны. Так или иначе обе стороны официально придерживались положений Женевской конвенции об обращении с военнопленными.

Согласно ст. 118 Женевской конвенции, «военнопленные освобождаются и репатрируются тотчас же по прекращении военных действий»¹⁰. Т.е. конвенция не предусматривала возможность «добровольной репатриации», как того хотели американцы. Хотя в этой же статье ниже в следующем абзаце было сказано, что *«при отсутствии постановлений по этому вопросу в соглашении, заключенном сторонами, находящимися в конфликте, с целью прекращения военных действий, или при отсутствии такого соглашения каждая из держащих в плену держав сама составит и незамедлительно выполнит план репатриации согласно принципу, изложенному в предыдущем абзаце»*¹¹. Т.е. конвенция регулировала порядок репатриации в соответствии с соглашением между сторонами, которое теоретически могло предусматривать какой-то иной принцип. Но руководящий принцип, обозначенный четко в конвенции, сводился к обязательной и немедленной репатриации всех военнопленных конфликтующих сторон. Возможность отказаться от репатриации по Женевской конвенции есть только у раненых и больных, и то с некоторыми оговорками (ст. 109). Эта статья никак не противоречит ст. 7, 118,

⁹ The Commander in Chief, Far East (Ridgway) to the Advance Headquarters, United Nations Command, Korea. December 23, 1951. Foreign Relations of the United States, 1951. Volume VII. URL: https://db.history.go.kr/contemp/level.do?levelId=frus_007_0070_1340 (дата обращения: 26.09.2025).

¹⁰ Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными. ООН. Конвенции и соглашения. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_4.shtml (дата обращения: 12.09.2025).

¹¹ Там же.

на которые ссылались КНДР и КНР, а также их главный идеологический союзник — СССР.

Идея добровольной репатриации исходила из Госдепартамента, тогда как министерство обороны США изначально ее не поддерживало. Госсекретарь Ачесон писал, что гуманитарные аспекты репатриации стали тщательнее рассматриваться в США, памятуя о том, какое количество советских военнопленных, освобожденных после капитуляции Германии, подверглось репрессиям у себя на родине¹². Американские политики апеллировали к праву военнопленного отказаться от репатриации как проявление гуманизма и свободы. В этом смысле они руководствовались не буквой, а «духом» Женевской конвенции, который был исключительно гуманистичный. Но было бы излишне наивно полагаться исключительно на эмпатию американских политиков при выборе в пользу «добровольной репатриации» военнопленных. Не только международное право того времени говорило о правомерности «принудительной» репатриации, но и с практической точки зрения было выгоднее репатриировать всех военнопленных сразу после окончания войны, так как это освобождало командование ООН от решения вопроса размещения военнопленных, их обеспечения в случае отказа от репатриации.

Политическая мотивация, по всей видимости, была определяющей в выборе «добровольной репатриации». И здесь решающим было намерение США достичь идеологического превосходства над врагом, предоставив антикоммунистически настроенным военнопленным право остаться в Республике Корея или отправиться на Тайвань. Около 90 % северокорейских и китайских военнослужащих были захвачены в плен силами ООН к декабрю 1951 г., т.е. до предложения на переговорах «добровольной репатриации». К этому времени американцы уже располагали сведениями, что 50–70 % китайских военнопленных были выходцами из Гоминьдан, сдававшиеся в плен в т.ч. в надежде репатриироваться на Тайвань [1. С. 184]. Среди северокорейских военнопленных также было много антикоммунистов¹³. Учитывая неравное соотношение военнопленных у противоборствующих сторон, потенциальные издержки добровольной репатриации для США и их союзников были крайне малы. Если военнопленных КНДР и КНР

¹² Acheson D. *Present at the Creation: My Years in the State Department*. New York : W.W. Norton & Company, 1969. P. 653.

¹³ По итогу скрининга военнопленных в лагерях ООН в июле 1952 г. оказалось, что из 169 944 пленных 50,7 % высказались против репатриации в КНДР и КНР: среди китайских народных добровольцев — 68,5 % (14 251), выходцев из Северной Кореи — 35,6 % (34 196), выходцев из Южной Кореи — 71,2 % (11 622), задержанных гражданских лиц — 72 % (26 153). Результаты скрининга превзошли ожидания американцев: они полагали, что среди китайских добровольцев, например, где-то 15 % откажется от репатриации, а получилось почти 70 %. Это вызвало беспокойство в Госдепартаменте США, так как могло вызвать серьезные политические проблемы, связанные с текущими переговорами, имиджем командования ООН из-за растущих слухов о насилии в лагерях для военнопленных [1. С. 188–189].

насчитывалось десятки тысяч, то военнопленных сил ООН, включая южнокорейских военнослужащих, — около 13 тыс. Как покажет история обмена военнопленными, о чем будет сказано ниже, только единицы американских и британских военнопленных откажутся от репатриации в отличие от десятков тысяч северокорейских и китайских военнопленных, многие из которых впоследствии вольются в ряды военнослужащих Республики Корея и Китайской Республики (Тайвань).

Принцип «добровольной репатриации» вызвал дискуссию среди военных и политиков в США, так как не было единогласной позиции по этому вопросу. В этой связи уместно привести комментарий Карла Е. Лундина, члена коллегии адвокатов Коннектикута и служащего Адмиралтейского отделения Управления главного судьи ВМФ США в 1953 г. Он писал в одной из своих статей, что авторы Женевской конвенции не могли предвидеть, что в следующем крупном военном конфликте тысячи военнопленных пожелают не репатриироваться на родину [2. С. 561]. Признавая соответствие позиции коммунистов международному праву по вопросу обмена военнопленных, Лундин при этом отмечал, что право не является чем-то статичным, оно динамично развивается с учетом новых явлений. Холодная война поставила противостоящие стороны не только в состояние вооруженного конфликта, но и идеологического противостояния — битвы за умы людей. Лундин, таким образом, подводил к мысли, что в новых международных обстоятельствах взгляд на военнопленных мог претерпеть изменения, тем более что СССР и США стояли в Корейской войне по разные стороны баррикад, в отличие от Второй мировой войны, когда они были союзниками в борьбе с фашизмом. Женевская конвенция 1949 г. как раз была принята для того, чтобы разрешить назревшие проблемы, обозначившиеся в обращении с военнопленными по итогам Второй мировой войны.

Решение вопроса о порядке репатриации военнопленных затянулось до весны 1953 г. КНДР и КНР опасались, во-первых, что добровольная репатриация обернется моральной дискредитацией их армий, чьи военнослужащие массово предпочтут не репатриироваться, находясь под политическим давлением в лагерях ООН. По замечанию Ю.В. Ванина, китайско-корейская сторона отвергла принцип добровольной репатриации, «не без оснований узрев в ней возможность идеологической обработки пленных солдат КНА и китайских народных добровольцев, воспрепятствовать их возврату на прежнюю службу» [3. С. 236]. Во-вторых, между Ким Ир Сеном, с одной стороны, и Мао Цзэдуном и Сталиным — с другой, в ходе переговоров о перемирии со временем возникли разногласия по этому вопросу. Заняв изначально и единогласно жесткую позицию несогласия с американским предложением по обмену военнопленными, китайско-северокорейская сторона стала обвинять американцев в «насильственном задержании» их военнопленных,

в применении насилия вплоть до убийства военнопленных в лагерях ООН¹⁴. Когда американцы в феврале 1952 г. приступили к «самовольному», как считали северокорейцы, скринингу военнопленных на предмет согласия с репатриацией в КНДР и КНР, представленному формально как подсчет лиц для репатриации, то это только усилило возмущение противника на переговорах.

По мере изменения ситуации на фронте позиция Ким Ир Сена и Мао Цзэдуна понемногу смягчалась, и они шли на уступки. 5 марта 1952 г. китайско-северокорейская делегация отозвала свое требование о возвращении 37 тыс. военнослужащих КНА, которые были рекрутированы из граждан Республики Кореи, а 27 марта 1957 г. они уведомили, что не будут требовать репатриации военнопленных, чье место происхождения находилось на территории другой страны [4. С. 52]. При этом они по-прежнему были против «добровольной репатриации». 13 июля 1952 г. американцы предложили обменять 83 000 военнопленных КНА и китайских народных добровольцев, которые по итогу скрининга в лагерях ООН согласились с репатриацией в КНДР, КНР. Ким Ир Сен был готов на обмен в связи с массированными бомбардировками американской авиацией северокорейских электростанций, городов, обернувшимися массовыми жертвами среди гражданского населения и разрушением инфраструктуры. Но Мао был против такой уступки. Среди общего числа военнопленных, подлежащих обмену, только 23 % составляли китайские добровольцы, остальные — военнослужащие КНА [4. С. 55]. Мао телеграфировал Ким Ир Сэну, что предложение США является попыткой «посеять раздор» между Китаем и Северной Кореей. По его мнению, принятие данного предложения поставит Северную Корею в невыгодное военное и политическое положение. Он считал, что они должны продолжить войну, поскольку это «заставляет главные силы американского империализма сковываться и терпеть непрерывные потери на востоке. В то время как оплот мира во всем мире — Советский Союз может усилить свое строительство и оказывать свое влияние на развитие революционного движения народов всех стран. Это будет означать оттяжку новой мировой войны» [5. С. 112]. Мао пообещал помочь корейскому народу в разрешении трудностей. Поддержка Сталиным позиции Мао не оставила Ким Ир Сэну другого выбора как согласиться.

¹⁴ На совещании 30 мая 1952 г. в Пханмунчжоме генерал Нам Ир, глава китайско-северокорейской делегации, жестко раскритиковал американское командование за акты насилия в отношении китайских и корейских военнопленных. Он обвинял американцев в негуманном отношении к военнопленным, массовом кровопролитии, отказе предоставить продовольствие, и в целом в нарушении принципов Женевской конвенции. Transcript of Proceedings, Seventieth Session, 44th Meeting at Pan Mun Jom, Military Armistice Conference, 30 May 1952. 휴전회담 회의록 2 : 제27–158차 판문점 본회의 기록 (1951.10.25–1953.7.19) [Протоколы переговоров о перемирии, том 2: Стенограммы 27–158-го пленарных заседаний в Пханмунчжоме (25 октября 1951 г. — 19 июля 1953 г.)]. URL: https://db.history.go.kr/contemp/level.do?levelId=pn_002_0440 (дата обращения: 30.07.2025).

18 сентября 1952 г. силы КНА и китайских народных добровольцев начали наступательную операцию, что привело к временному прекращению переговоров. 22 февраля 1953 г. главнокомандующий силами ООН генерал Кларк предложил в первую очередь репатриировать больных и тяжелораненых военнопленных. Но Мао был против каких-либо уступок на тот момент времени, придерживаясь «политики борьбы и переговоров» и решения вопросов путем переговоров на благоприятных условиях. После долгих препирательств он согласился с предложением Кларка и добровольной репатриацией, но под давлением Советского Союза, который настойчиво стал требовать достижения перемирия [5. С. 119–122].

В современной историографии широко распространено мнение, что фактор смерти Сталина 5 марта 1953 г. стал главной причиной окончательного урегулирования всех разногласий между сторонами на переговорах о перемирии [3. С. 244]. Думаю, что это действительно было решающим фактором в достижении перемирия в 1953 г., но только с учетом всего предшествующего контекста развития событий и отношений между КНР, КНДР и СССР. Смерть Сталина и последовавшее за этим изменение курса нового советского правительства в отношении войны в Корее позволило достичь компромисса по вопросу обмена военнопленными, к которому ранее призывали США и КНДР, но по разным причинам затягивали КНР и СССР.

2 апреля 1953 г. председатель правительства КНДР Ким Ир Сен направил председателю 7-й сессии ГА ООН Пирсону телеграмму, которую просил распространить среди делегаций всех стран, исключая делегацию Китайской Республики (Тайвань). В этой телеграмме Ким Ир Сен выразил поддержку заявления Чжоу Эньлая от 30 марта 1953 г. относительно принципа «добровольной репатриации»¹⁵. В заявлении Чжоу Эньлая от 30 марта, а потом Ким Ир Сена от 31 марта (телеграмма в ГА ООН была направлена по итогу этих заявлений) говорилось, что Китай и КНДР согласны с предложением главнокомандующего вооруженных сил ООН генерала Кларка по поводу обмена больными и ранеными военнопленными, а также в целом с «добровольной репатриацией», но с условием, что те, кто откажется от немедленной репатриации после прекращения военных действий, будут переданы «нейтральному государству в целях обеспечения справедливого разрешения вопроса об их репатриации»¹⁶. Советский Союз официально поддержал предложения Китая и КНДР. Советский Союз официально поддержал предложения Китая и КНДР. В итоге, 11 апреля 1953 г. в Пханмунчжоме было подписано соглашение об обмене ранеными и тяжелооболными военнопленными и состоялся первый обмен.

¹⁵ ГАРФ. Р4459-27-14605. С. 172.

¹⁶ Там же. С. 192–193.

Политика перевоспитания в лагерях для военнопленных

Тема содержания военнопленных требует самостоятельного рассмотрения. Но текущий формат публикации не позволяет глубоко в нее погрузиться, поэтому ограничимся только освещением того, как идеологическая конфронтация сторон военного конфликта повлияла на содержание военнопленных в лагерях. Впервые в военной истории военнопленные стали объектом серьезной идеологической индоктринации: в северокорейских лагерях пропагандировали достижения стран социализма, а в лагерях ООН — достижения и преимущества западной демократии. Сами по себе эти программы не представляли бы угрозы для жизни военнопленных, если бы они не провоцировали противоречия между ними и лагерной администрацией, или между самими военнопленными: кто-то оказывался более лояльным лагерной пропаганде, кто-то менее, оказывая сопротивление, за что получали наказание, штрафы (в Северной Корее) [6. С. 199–206]; посещение политических программ в лагерях ООН расценивалось как открытое желание не-репатриироваться, что прямо могло угрожать жизни и безопасности военнопленного, если в его блоке (compounds) действовали группы военнопленных, поддерживающие репатриацию («коммунисты»). Согласно Женевской конвенции, посещение образовательных программ для военнопленных должно быть исключительно на добровольной основе, но фактически ситуация складывалась в разных лагерях по-разному.

Лагерь для военнопленных в Северной Корее частично управлялись китайской администрацией (командованием китайских народных добровольцев), частично — северокорейской (КНА). Все лагеря для военнопленных располагались на территории КНДР, до р. Амноккан, за исключением одного — так называемого Мукденского лагеря, возле современного г. Шэньян, провинция Ляонин.

Китайская администрация проводила политику снисходительности по отношению к военнопленным (lenient policy), которой следовали формально во всех лагерях в Северной Корее. Политика снисходительности базировалась на четырех принципах: 1) безопасность жизни; 2) сохранность личных вещей; 3) свобода от жесткого обращения и злоупотреблений; 4) медицинская помощь раненым и больным¹⁷. В пропагандистских материалах, издаваемых в КНР и КНДР в этот период на тему военнопленных ООН, всегда подчеркивался гуманный и великодушный характер политики снисходительности¹⁸. Материалы содержали многочисленные фотографии военнопленных, улыбающихся, в теплой одежде, пишущих письма родным и обращения в ООН,

¹⁷ 'United Nations' P.O.W.'S in Korea. Chinese People's Committee for World Peace. Peking, China; 1953. P. 3.

¹⁸ Our Fight for Peace. The U.S.-British War Prisoner's Peace Organization in Korea. Pyongyang: The "New Korea" Press; 1951.

и пр.¹⁹ Считалось, что военнослужащие сил ООН были введены в заблуждение своими «империалистическими правительствами», поэтому в случае раскаяния им будут прощены их преступления.

В целях перевоспитания «студентов», как китайская администрация называла военнопленных, значительную часть времени в лагерях была посвящена пропаганде и учебе, и главной мишенью были именно рядовые, а не офицеры, которых в силу образования и соответствующей кадровой подготовки было сложнее переубедить или завербовать. Начиная с 6:00 утра все военнопленные должны были пройти парадом по площади лагеря, во время которого им вещали про достижения коммунизма. В течение дня немало времени уделялось пропагандистской работе среди военнопленных. Тех, кто внимал пропаганде, проникался идеями мира, солидарности и социализма «премировали» в форме еды, сигарет, разных привилегий, и называли «прогрессистами», тех же, кто воспринимал уроки коммунизма отрицательно, именовали «реакционерами». К последним применялись пытки и наказания в форме помещения на длительное время в «ящики-парилки» (sweat box) высотой примерно 1 м, длиной 1,5 м, шириной 0,6 м [7. С. 79].

Кульминацией пропагандистской работы среди военнопленных стали «Олимпийские игры», прошедшие с 15 по 27 ноября 1952 г. в г. Пёктон (КНДР). В тот год в Хельсинки состоялись летние Олимпийские игры. Китайская администрация лагерей решила воспроизвести нечто похожее среди военнопленных с тем, чтобы еще больше сплотить их вокруг пропагандируемых ими идей мира, солидарности, коммунизма. Из военнопленных были созданы различные спортивные команды по странам. Помимо прочего, из них же были сформированы группы артистов, которые развлекали «спортсменов» во время «Олимпийских игр» песнями, плясками, комедийными шоу. Игры получились массовыми и зрелищными. В Пёктоне повсюду были развешаны многочисленные красные флаги, транспаранты с коммунистическими лозунгами. Так обеспечивалась помпезность мероприятия вопреки тому, что происходило оно в разгар войны и при участии военнопленных. Для того, чтобы все выглядело правдоподобно, северокорейские власти пригласили иностранных журналистов освещать спортивные события^{20, 21}.

Накануне начала переговоров о перемирии в северокорейских и китайских лагерях было инициировано движение за мир. 30 июня 1951 г. учреждена Организация за мир американских и британских военнопленных (ОМВ).

¹⁹ American POWs Calling from Korea. Peking: Foreign Languages Press, 1951.

²⁰ Felton M. War Zone — POW Camp, Korea 1952. 15 August, 2012. Military History Matters. URL: <https://www.military-history.org/feature/war-zone-pow-camp-korea-1952.htm> (дата обращения: 15.10.2025).

²¹ Horspool E. The “Reactionaries”: Buck, Hollis, Madden, Parker and Gwyther. 18 June 2020. Australian War Memorial. URL: <https://www.awm.gov.au/articles/blog/the-reactionaries> (дата обращения: 15.10.2025).

У ОМВ было две основные задачи деятельности: информационная и просветительская («воспитательная»). Центральный комитет ОМВ издавал два раза в месяц газету, в которой публиковался разнообразный материал: мировые новости, сводки с фронта, письма, обращения военнопленных и пр. Посредством газеты ЦК информировал военнопленных ООН о происходящих в мире событиях и, главным образом, о ситуации вокруг Кореи. Просветительская задача сводилась к беседам с военнопленными на тему войны, плена, мира с тем, чтобы убедить их в агрессивности намерений сил ООН и армии РК в Корее и сделать сторонниками движения мира. ЦК работал в тесном сотрудничестве с КНА и командованием китайскими добровольцами, поэтому все материалы, которые публиковались от имени организации, подвергали тщательной цензуре [7. С. 92].

В лагерях ООН на территории Южной Кореи также велась пропагандистская работа, но она не имела такого масштабного охвата, как в лагерях в Северной Корее. В апреле 1951 г. при командовании ООН было создано Управление информации и образования (УИО), в ведении которого находилась реализация образовательных программ в лагерях для военнопленных. Программа стартовала в июне этого же года в лагерях на о. Кочжедо и включала в себя, помимо политической части, где рассказывали о западной демократии и ее преимуществах, профессиональную подготовку (обучение навыкам столярного и кузнечного дела, ремонту обуви, пошиву одежды, кирпичной кладке), сельскохозяйственную подготовку и практику (инструктаж по фермерскому делу, работа в поле), обучение чтению и письму, рекреационные занятия (пение, кинофильмы, игра на музыкальных инструментах и пр.), занятия физкультурой, чтение в библиотеке, продолжение школьного обучения для лиц младше 19 лет, кто вынужденно прервал учебу по причине военной службы [8. С. 21–23]. Программа предусматривала 4 часа еженедельных занятий о демократии и целях ООН в Корее и ежедневное радиовещание, транслировавшее новости, развлекательные передачи, инструктаж. Радиовещание велось напрямую из лагерей, но также включало радиопередачи южнокорейского радио.

Когда американцы приступили к опросу военнопленных о репатриации, внутренняя обстановка в лагерях ООН стала крайне напряженной, что сделало невозможным стабильную и безопасную реализацию программ УИО. Военнопленные разделились на две группы — «коммунистов» и «антикоммунистов», сторонников и противников репатриации, и как между ними, а так и между военнопленными и охраняемыми отрядами возникали частые столкновения [9]²². Так 18 февраля 1952 г. военные части 25-й дивизии США вошли в блок 62 для проверки на репатриацию, военнопленные оказали

²² *Peters R., Li X. Voices from the Korean War: Personal Stories of American, Korean, and Chinese Soldiers. Lexington : University Press of Kentucky; 2004.*

сопротивление, размахивая дубинками, топорами, ножами, лопатами, кирками и бамбуковыми копьями, которые они заранее подготовили²³. Более 1000 военнопленных бросились на охранников, после чего был открыт огонь. По разным оценкам тогда погибли 55–77 военнопленных, десятки были тяжело ранены²⁴. Также погиб один американский солдат, а 38 получили ранения. В марте того же года произошло очередное столкновение, обернувшееся 12 погибшими среди военнопленных.

Кульминацией бунтов в лагерях ООН стал инцидент, произошедший в мае 1952 г., когда группа военнопленных захватила в заложники начальника лагеря бригадного генерала Фрэнсиса Додда (о-в Кочжедо). Военнопленные требовали от генерала признать публично, что охранные отряды сил ООН применяли насилие в лагерях. Назначенный вместо него генерал Ч.Ф. Колсон через 72 часа вынужден был выступить с заявлением, признав факты насилия над военнопленными и пообещав не совершать больше кровопролития, после чего пленника освободили [10. С. 130]²⁵.

После инцидента с захватом в заложники американского генерала Додда образовательные программы в лагерях ООН стали охватывать только тех, кто предварительно отказался от репатриации. Очевидно, что это была вынужденная мера, так как значительно снижала конфликтность в лагерях, где содержались «коммунисты», пожелавшие репатриироваться и, как следствие, оказывавшие сопротивление американской или южнокорейской пропаганде. Согласно Женевской конвенции, участие в таких программах должно осуществляться только на добровольной основе. В этом отношении сократив охват военнопленных образовательными программами, американцы ничего не нарушили. С мая 1952 г. по июнь 1953 г. ориентационные занятия по демократии прослушали 69 998 военнопленных. Сравнительно большое количество слушателей было на занятиях по чтению и письму (42 тыс.), сельскому хозяйству (13 674) и здоровью (15 007) [8. С. 30].

Репатриация и разъяснительная работа с военнопленными

Можно выделить три периода в истории обмена и репатриации военнопленных. Первый: апрель — май 1953 г. — обмен больными и ранеными («Little Switch») (684 военнослужащих ООН, 5640 северокорейцев, 1030 китайцев). Второй: август — декабрь 1953 г. — самый большой по численности обмен военнопленными («Big Switch»). В ходе данного обмена

²³ 고제 포로수요소 [Лагерь военнопленных на о-ве Кочжедо]. URL: <https://www.kh.or.kr/brd/board/741/L/menu/740?brdType=R&thisPage=1&bbIdx=102580&searchField=&searchText=> (дата обращения: 10.10.2025). (на кор. яз.).

²⁴ Acheson D. Op. cit. P. 654.

²⁵ Здесь важно отметить, что освобождением генерала Додда дело не закончилось. Бунт военнопленных был подавлен силами американских десантников, которые вошли в лагерь.

китайско-северокорейская сторона передала 12 773 военнопленных ООН, тогда как командование ООН — 75 823 корейских и китайских военнопленных²⁶. 22 604 корейских и китайских военнопленных, отказавшиеся от немедленной репатриации, были переданы в сентябре 1953 г. под контроль Нейтральной комиссии по репатриации. Третий: сентябрь 1953 г. — январь 1954 г. — период работы Нейтральной комиссии по репатриации, в ходе которой небольшая часть китайских и северокорейских военнопленных вернулась на родину, но значительная их часть была передана под контроль пленившей стороны — командования ООН.

Неожиданным для договаривающихся сторон, включая командование США, ООН²⁷, было решение президента Республики Корея Ли Сынмана освободить «антикоммунистических военнопленных», не дожидаясь официального обмена по итогам соглашения о перемирии. 18 июня 1953 г. по указу президента Республики Корея Ли Сынмана (1948–1960) из разных лагерей на территории Южной Кореи освободили 26 тыс. военнопленных (Пусан, Кванджу, Онсан, Пупхён, Йончхон, Тэгу). Южнокорейские власти и СМИ именовали их «антикоммунистическими патриотическими военнопленными» (*пангон эгук пхоро*). Для размещения их в Южной Корее правительство разработало специальные меры помощи с тем, чтобы обеспечить их безопасность. Несколько дней спустя после их освобождения на о. Чечжудо в лагере № 21 «антикоммунистические китайские военнопленные» организовали массовое выступление с требованием немедленного освобождения. В лагере содержались 5–6 тыс. китайских военнопленных. По замечанию представителя командования сил ООН по делам военнопленных, китайские военнопленные узнали об освобождении корейских военнопленных и потребовали того же²⁸.

Подробнее рассмотрим третий этап обмена военнопленными, так как он оказался самым политически сложным и, пожалуй, неоднозначным по своим последствиям для всех сторон конфликта. В ходе «Little Switch» и «Big Switch» произошел обмен военнопленными, которые согласились на репатриацию. Данный обмен, в отличие от третьего этапа, не сопровождался разъяснительной работой среди военнопленных по поводу их намерений о репатриации. Тех, кто отказался от немедленной репатриации после подписания соглашения о перемирии, передали под контроль Нейтральной комиссии по репатриации военнопленных (НК), состоявшей из представителей «нейтральных стран»: Чехословакии, Польши, Швейцарии, Швеции. Как видим по составу стран-членов, комиссия четко делилась по идеологическому принципу на два оппозиционных блока. Цель комиссии заключалась

²⁶ The Korean War and the American Red Cross. P. 7. URL: https://www.redcross.org/content/dam/redcross/National/history-korean-war.pdf?srsId=AfmBOorLcf1zanJbe3jHJktX4n-1kF_IuH13AkAH0EGjCP1uFqkyxwk (дата обращения: 15.01.2026).

²⁷ Тона ильбо, 20.06.1953.

²⁸ Тона ильбо, 23.06.1953.

в организации в 90-дневный срок разъяснительной работы среди военнопленных, отказавшихся от немедленной репатриации после заключения соглашения о перемирии. На период действия Нейтральной комиссии военнопленных охраняли индийские войска.

Комиссия начала прием опеки над такими военнопленными 10 октября 1953 г. во временных лагерях в нейтральной зоне. В общей сложности под ее опеку к 23–24 октября 1953 г. командование ООН передало **22604** военнопленных, тогда как командование КНА и китайских народных добровольцев всего **359** военнопленных²⁹. С данными военнопленными должны были провести разъяснительную работу представители обоих командований. Цель такой работы заключалась в том, чтобы убедить как можно больше военнопленных вернуться домой. Китайско-северокорейская сторона очень надеялась, что хотя бы таким образом ей удастся вернуть максимальное число своих военнопленных назад, раз она пошла на уступки на мирных переговорах и согласилась с принципом «добровольной репатриации». Но довольно быстро стало очевидно, что даже такую работу гладко провести не удастся из-за разных препятствий, которые, по заявлениям северокорейских представителей, чинила американская сторона. В действительности имелись в виду разные «агенты» в южном лагере³⁰, которые мешали военнопленным явиться на разъяснительную работу³¹.

В итоге китайско-северокорейские представители использовали только малую часть времени, которая была отведена им под разъяснительную работу. По их оценкам, они вели такую работу в течение только 10 из 90 дней, вследствие чего «85 % военнопленных были лишены права прослушать разъяснения»³². 20 января 1954 г. индийские охранные войска начали передачу командованию ООН первых антикоммунистически настроенных военнопленных, отказавшихся от репатриации. Всего было передано 21 805 военнопленных³³. 23 января все они были освобождены командованием ООН, получив статус гражданских лиц. Освобожденные китайские военнопленные несли портреты Чан Кайши и Сунь Ятсена, по сообщению агентства Франс Пресс³⁴.

²⁹ ГАРФ. Р4459-27-15510. С. 107.

³⁰ Так в отчетах НК именуют лагерь в нейтральной зоне, в котором временно содержались пленные сил ООН в 1953–1954 гг.

³¹ В докладе НК указывается на существование организаций среди военнопленных, которые несли ответственность за убийства военнопленных в южном лагере (в нейтральной зоне), где содержались китайско-северокорейские военнопленные. К таким выводам НК пришла по результатам военного трибунала, назначенного командующим индийскими охранными войсками за убийство в октябре 1953 г. китайского военнопленного Чжан Цзулуна. Эти организации препятствовали военнопленным посещать часы разъяснительной работы представителей китайско-северокорейского командования. ГАРФ. Р4459-27-15510. С. 85–96.

³² ГАРФ. Р4459-27-15510. С. 4.

³³ Там же. С. 72.

³⁴ ГАРФ. Р4459-27-15509. С. 199.

Северокорейская сторона до последнего старалась убедить военнопленных вернуться на родину. Накануне освобождения всю ночь на Демилитаризованной зоне (ДМЗ) работали громкоговорители, предупреждая военнопленных: «Это ваш последний шанс увидеть родителей и близких. Если вы потеряете эту возможность, то вам долго придется бороться»³⁵. Начальник штаба индийских войск в Корее бригадный генерал Гурбакш Сингх заявил, что громкоговорители, установленные на северной стороне (ДМЗ) «не давали нам спать всю ночь»³⁶.

26 января 1954 г. в Пханмунчжоме состоялась пресс-конференция, на которой присутствовал 21 американец, отказавшийся от репатриации. В качестве официальной причины отказа вернуться домой они указали на существующий в США «маккартизм с его репрессиями, судом Линча и расовой дискриминацией». Их представителем было зачитано заявление, в котором было сказано, что «мы не коммунисты, хотя некоторые из нас надеются стать ими. Но здесь [в Северной Корее — Н.Н. Ким] мы научились многому, нам представилось то, чего может достичь человек, когда он работает на общее благо, а не для личного обогащения»³⁷. 28 января 1954 г. из лагерей в нейтральной зоне выехали в сторону Северной Кореи 347 военнопленных, в т.ч. 21 американец, один англичанин, 325 корейцев³⁸.

Капрал армии Эдвардс С. Диккенсон и рядовой Клод Батчелор были среди немногих американцев и англичан, отказавшихся от репатриации после подписания соглашения о перемирии. Позднее они передумали и попросили о репатриации в США. Капрал Диккенсон был арестован 22 января 1954 г. в военном госпитале США в Вашингтоне, куда поступил для медицинского освидетельствования. Его обвинили в сотрудничестве с тюремными властями и разглашении сведений о своих товарищах военнопленных³⁹.

Судьба Диккенсона, 23-летнего молодого американца, прошедшего 2,5 года в лагере для военнопленных в КНДР, сложилась в итоге печально на родине: его уволили из армии и приговорили к 10 годам тяжелых работ. Возможно, надеясь на сокращение срока наказания, Диккенсон в ходе допроса свидетельствовал против Батчелора. В свою очередь против Диккенсона свидетельствовали другие бывшие военнопленные, вернувшиеся в США. То же самое касается Батчелора, 22-летнего американца, который провел 38 месяцев в северокорейском плену. Его защита на суде доказывала, что Батчелора «перевоспитали» (brainwashed) в лагере № 5 в Пёктоне, убедив в том, что, сотрудничая с коммунистами, он действует в интересах США. Против Батчелора на суде свидетельствовали 15 бывших военнопленных. Один из них сообщил, ссылаясь на слова другого бывшего пленного, что

³⁵ ГАРФ. Р4459-27-15509. С. 210.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 278.

³⁸ Там же. С. 294.

³⁹ ГАРФ. Р4459-27-15510. Л. 38.

Батчелор намеревался основать коммунистическую ячейку по возвращению в США под названием «бывшие военнопленные за мир» (по всей видимости, из числа тех, кто участвовал в деятельности Организации за мир американских и британских военнопленных). Батчелора признали виновным, уволили из армии и приговорили к пожизненному заключению. Впоследствии Военная комиссия штата Техас, откуда Батчелор был родом, пересмотрела его дело и сократила срок до 20 лет тяжелых работ [11. С. 1102].

Некоторые из этих 21 «не-репатриантов» впоследствии вернулись в США. Отто Белл, Льюис Григгс, Уильям Коварт вернулись из Китая в сентябре 1955 г., Кларенс Адамс — в 1965 г. накануне Культурной революции, а также Морис Уиллс — тоже более 10 лет спустя. Несмотря на малочисленность «не-репатриантов», само их наличие вкупе со сведениями о поведении американских военных в северокорейском плену стало основанием для общественной дискуссии на тему «моральной (духовной) слабости американских военнослужащих» уже после окончания Корейской войны [6. С. 4, 5]. Благодаря прессе, в США было известно, что американские военнопленные участвовали в радиопередачах, прославляя в них коммунизм и осуждая капитализм, подписывали «воззвания к миру», писали статьи, обвиняющие США в развязывании Корейской войны. Все это очень настораживало американскую общественность, запуганную антикоммунистической пропагандой. В 1955 г. в США вышла книга Вирджинии Пейсли «21 оставшийся», в которой на основе воспоминаний родных, друзей, учителей «не-репатриантов» рассказывалась история каждого из них. Книга была попыткой понять, как стало возможным, что эти американские граждане предпочли не возвращаться на родину⁴⁰.

В поисках «перевоспитанных» среди американских и британских военнопленных

Правительства США и Великобритании знали о том, что в лагерях военнопленных в Северной Корее ведется активная пропагандистская работа. Поэтому они были крайне озабочены тем, какое количество в итоге поддалось воздействию коммунизма, и тщательно подошли к вопросу интервьюирования при репатриации бывших американских и британских военнопленных на родину. В 1953 г. в Великобритании MI-5 провела расследование, которое «показало, что британские офицеры и старшие сержанты (около 12 % британских военнопленных) оставались совершенно незатронутыми коммунистической пропагандой. Из младших унтер-офицеров и рядовых около двух третей остались практически нетронутыми. Некоторые из остальных подверглись в достаточной степени индоктринации так, что MI-5 классифицировало их как сторонников коммунистов по возвращении домой после войны. Около

⁴⁰ *Pasley V. 21 Stayed*. New York : Farrar, Straus & Cudahy, 1955.

40 британцев вернулись домой из Кореи как убежденные коммунисты»⁴¹. Два года спустя, на слушаниях в британском парламенте в апреле 1955 г. рассматривался вопрос обращения с военнопленными в северокорейских лагерях. Обсуждение было вызвано публикацией 27 февраля Министерством обороны Великобритании брошюры «Treatment of British Prisoners of War in Korea», в которой говорилось о фактах серьезной идеологической обработки британских военнослужащих в корейском плену. При этом всех очень волновало то, какое количество из вернувшихся на родину бывших британских военнопленных могли быть скрытыми сторонниками коммунизма. Точных данных, конечно, никто не мог сообщить, ни Министерство обороны, ни разведка⁴².

В США для мониторинга бывших американских военнопленных сразу после их освобождения в 1953 г. были созданы специальные комиссии (the Joint Intelligence Processing Boards), включавшие военных психиатров, психологов, сотрудников разведки. Они часами опрашивали бывших военнопленных на кораблях, следовавших в США из Пусана, пытаясь выявить признаки «коммунистического перевоспитания» и государственной измены. По воспоминаниям Ирва Лангелла, «нас допрашивали каждый день по 8 часов. Никого не волновало наше здоровье. Я могу вам гарантировать, черт возьми» [11. С. 1104]. Впоследствии материалы допросов были использованы военными следователями для того, чтобы определить, кто должен предстать перед военным судом, а кто перед гражданским. В итоге после тщательного изучения данных допросов в министерствах обороны и юстиции 192 американцам — ветеранам Корейской войны ФБР предъявило обвинения в совершении тяжких преступлений. Но на этом история бывших американских военнопленных не закончилась — еще долгие годы они и члены их семей оставались под наблюдением ФБР, которое сомневалось в их «политической благонадежности» и могло вернуться к ним в любой момент с очередным допросом. Довлеющая подозрительность со стороны не только государственных органов, но и самого американского общества в отношении тех, кто побывал в коммунистической Северной Корее, привела к тому, что бывшие военнопленные предпочитали умалчивать о своем военном опыте [11. С. 1105].

С точки зрения характеристики морального состояния американских пленников в северокорейских (китайских) лагерях интересным представляются результаты исследования, проведенного на материалах допросов 579 бывших военнопленных по заказу министерства обороны США Дж. Сигалом и его группой из Университета Дж. Вашингтона. Им удалось установить

⁴¹ Felton M. War Zone — POW Camp, Korea 1952. 15 August, 2012. Military History Matters. URL: <https://www.military-history.org/feature/war-zone-pow-camp-korea-1952.htm> (дата обращения: 15.01.2026).

⁴² British Prisoners of War, Korea (treatment). HC Deb, 07 April 1955. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1955/apr/07/british-prisoners-of-war-korea-treatment> (дата обращения: 20.01.2026).

следующее: 1) около 70 % вернувшихся военнопленных «активно содействовали сознательно или несознательно усилиям коммунистов по ведению психологической войны»; 2) по меньшей мере 1 из 10 доносил на своего сослуживца-военнопленного хотя бы один раз; 3) около трети демонстрировали отсутствие интереса или сострадания по отношению к своим сослуживцам; 4) почти половина бывших военнопленных никогда никого не поощряла к сопротивлению [11. С. 1103–1104]. Как видим, результаты исследования весьма не в лучшем свете отображали воинский дух и нравы американских военнопленных.

26 октября 1957 г. газета «Нью-Йоркер» опубликовала статью американского журналиста Юджина Кинкида, бывшего тревогу по поводу масштабного сотрудничества американских военнопленных с пленившей стороной в годы Корейской войны. По его мнению, это было совершенно новое явление в американской истории, демонстрирующее упадок морали среди молодежи. Статья стала прологом к его двум монографиям: «In Every War but One» (американское издание, 1959 г.) и «Why they collaborated» (британское издание, 1960 г.), объединивших результаты исследований министерств обороны США и Великобритании по вопросу коллаборационизма американских и британских военнопленных в Северной Корее⁴³.

Мнение Ю. Кинкида отражало позицию военного психоневролога майора У. Майера, который собеседовал десятки бывших американских военнопленных. Майер считал, что американцы в Корее были «пассивны, мелкого калибра и принадлежали к поколению, которое было лишено таких стойких американских добродетелей, как преданность и патриотизм» [11. С. 1103]. Для людей, согласных с этим мнением, особенно из консервативных (республиканских) кругов, было совсем неудивительно, что американцы легко поддались коммунистической пропаганде в северокорейском плену. Высокая смертность среди американских военнопленных в годы Корейской войны, отсутствие успешных историй побега из лагерей также объяснялось их моральной слабостью. Вместе с тем в официальном докладе Консультативного совета по делам военнопленных министерства обороны США (1955 г.) оценка поведения американских военнослужащих в северокорейских лагерях не была столь однозначно негативной, хотя и двусмысленно отмечалось, что «корейская история никогда не должна повториться вновь» [12. С. 4]. Также были и другие правительственные отчеты с умеренными оценками поведения бывших военнопленных, но в силу того, что они не были доступны широкой публике, общественное мнение главным образом формировалось теми, кто мог донести свою позицию до массового читателя (Кинкид, Майер и др.).

В декабре 1957 г. в статье И. Фабера, Х. Харлоу, Л.Дж. Уеста американского журнала «Sociometry» рассматривались психологические аспекты поведения американских военнопленных в северокорейских лагерях. Посыл статьи,

⁴³ Kinkaid E. Why They Collaborated. London : Lowe & Brydone Limited, 1960.

подготовленной на основе отчета для исследовательского центра по обучению персонала ВВС США (1956 г.), заключался в том, чтобы опровергнуть популярное в американском обществе мнение о том, что коммунисты «промыли мозги» американским солдатам, поэтому последние, не сильно сопротивляясь, массово вступили в сотрудничество с пленившей стороной. Авторы статьи описывают поведение американских военнопленных как проявление синдрома слабости, зависимости и страха (*debility, dependency, dread, or DDD*). Последствиями данного синдрома являются нарушение ассоциативного мышления, примитивизация в языке и мышлении, необходимые для рассуждения и адекватного поведения. «Обеднение мышления может повысить восприимчивость к произвольным и грубым тренировочным процедурам, приводящим к относительно автоматическим и некритичным имитационным реакциям. Эта восприимчивость может быть дополнительно усилена тревогой и эмоциональностью» [13. С. 275]. Патриотичное и смелое поведение человека зависит от определенной комбинации сигналов и символов. С этой точки зрения, реакции, которые возникают у человека, переживающего синдром слабости, зависимости и страха, не представляет ничего необычного. «Скорее привычное отношение не проявляется, так как соответствующие сигналы удалены. Вернувшись домой при наличии адекватных сигналов, вернувшийся склонен действовать и чувствовать так же, как он действовал до заключения» [13. С. 279].

Фабер и др. также отмечают, что военнопленные плохо помнят, что с ним было в плену. И объясняется это все тем же синдромом, для которого характерны недостаточная стимуляция, нарушение реакции, снижение символической активности и дезорганизация временного охвата. Все это приводит к снижению ясности и силы впечатлений во время первоначального опыта и, таким образом, снижает способность к воспоминанию. В заключении статьи авторы сделали три предположения, основываясь на исследовании эмоционального, физического состояния человека с синдромом DDD. Во-первых, что коммунисты на самом деле не обладали какими-то особыми манипулятивными техниками («промывание мозгов»), которые снижали бы сопротивление военнопленных в лагерях. Во-вторых, если человек с таким синдромом выживает в лагере, то он вряд ли будет сопротивляться бесконечно. В-третьих, если синдром DDD достигает крайней степени, то некоторая степень согласия с пленившей стороной «может считаться естественным следствием действия обычных принципов человеческого поведения» [13. С. 282].

В 1960–1970-е гг. в США еще выходили работы, авторы которых в целом не поддерживали точку зрения о недостойном поведении американцев в северокорейских лагерях.⁴⁴ Так, например, Х. Вуббен попытался разобраться, от-

⁴⁴ *Rees D.* Korea. The Limited War. New York : St Martin's Press, 1964; *Biderman D.A.* March to Calumny. The story of American POWs in the Korean War. New York, London : The MacMillan company, 1963.

личалось ли как-то поведение американских военнопленных в годы Корейской войны от других войн и насколько обоснована критика об их «моральном упадке». В итоге исследования разных источников, материалов, он пришел к выводу, что поведение американских военнопленных в корейских лагерях не было каким-то особым по сравнению с тем, что наблюдалось в немецких и японских лагерях в годы Второй мировой войны. Т.е. американские военнопленные вели себя в корейских лагерях так же, как и в годы Второй мировой войны, когда условия содержания пленных были наихудшими. Вуббен цитирует Морриса Уиллса, одного из 21 американца, кто отказался от репатриации в январе 1954 г., но потом все-таки вернулся в США спустя более 10 лет. Уиллс, как очевидец, писал о поведении военнопленных: «Вы действительно не можете беспокоиться о другом; вы сами находитесь на грани существования. Если вы перейдете через нее, вы умрете. Вы бы помогали друг другу, если бы могли. Большинство попыталось бы; я бы не сказал, что все» [12. С. 11]. То, что было действительно отличительным в случае с Корейской войной, это не поведение американских военнопленных, а отношение американской общественности к ветеранам, чье поведение якобы не соответствовало идеальным стандартам. «Впервые общественность, похоже, предположила, что такое эгоистичное и недисциплинированное поведение, существовавшее среди военнопленных, было чем-то новым в американском военном опыте и что это было прямым следствием ухудшения характера самой нации» [12. С. 19].

Заключение

Разделение военнопленных на «коммунистов» и «антикоммунистов» красной линией проходит через всю историю Корейской войны. Те, кого причисляли к той или иной группе, на самом деле могли и не быть убежденными коммунистами или антикоммунистами, но в силу обстоятельств на них повесили определенный ярлык. Предложенная американцами «добровольная репатриация» только усилила раскол в лагерях по идеологическому принципу. Каждая группа стремилась привлечь на свою сторону как можно больше военнопленных, используя различные методы: просветительство, шантаж, угрозы. Конфликты в лагерях ООН между «коммунистами» и «антикоммунистами» были частым явлением, заканчиваясь нередко гибелью военнопленных. В китайско-северокорейских лагерях занимались «перевоспитанием» американских и британских военнопленных с целью формирования у них устойчивых представлений о преступности действий правительств США и других государств, вмешавшихся во внутренние дела Кореи. После освобождения эти военнопленные оказались под подозрением разведывательных служб своих государств и гражданского общества. Иными словами, десятки тысяч военнопленных стали объектом идеологической пропаганды и манипуляции со стороны как США, командующими силами ООН, так

и КНДР и КНР. Идеологическое противостояние сторон было, таким образом, одним из важных факторов, определивших условия пребывания военнопленных в лагерях и в целом их дальнейшую судьбу.

Список литературы

1. 김보영. 한국전쟁 포로협상과 중국군 포로의 선택 // 서학연구. 2016. Vol. 123. 쪽. 177–210. [Ким Б. Переговоры о военнопленных в годы Корейской войны и выбор военнопленных — китайских коммунистов] // Сохак ёнгу. 2016. Т. 123. С. 177–210.
2. Lundin C.E., Jr. Repatriation of prisoners of war: the legal and political aspects // American Bar Association Journal. 1953. Vol. 39. № 7. P. 559–563.
3. Ванин Ю.В. Корейская война (1950–1953) и ООН : монография. М. : Институт востоковедения РАН, 2006. 287 с.
4. 김동길. 휴전협상에서 북·중·소 3국의 태도 변화 및 결과. 한국과 국제정치. Vol. 35 (3). 쪽. 27–66. [Ким Д. Изменения позиций Северной Кореи, Китая и Советского Союза на переговорах о перемирии] // Корея и Мировая политика. 2019. Т. 35. № 3. С. 27–66. <https://doi.org/10.17331/kwp.2019.35.3.002>
5. Торкунов А.В. Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 годов. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 312 с.
6. Latham C.W.Jr. Cold Days in Hell. American POWs in Korea. Texas : Texas A&M University Press, 2012. 314 p.
7. Ким Н.Н. Американские и британские военнопленные в Северной Корее: из истории движения за мир в годы Корейской войны (1950–1953) // Путь их всегда предо мной... : сб. науч. статей по корееведению к юбилею д-ра ист. наук, проф. Сергея Олеговича Курбанова. СПб. : Изд-во РХГА СПб, 2023. 292 с.
8. Benard C., O'Connell E., Thurston C.Q., Villamizar A., Lored E.N., Sullivan T., Goulka J. Korean war prisoners // The Battle Behind the Wire: U.S. Prisoner and Detainee Operations from World War II to Iraq. RAND Corporation, 2011. Pp. 17–32. <http://www.jstor.org/stable/10.7249/mg934osd.11>
9. Tang X. A study of the Chinese POW repatriation issue of the Korean war focusing on the interactions between the internal situation of the POW Camps & the Process of the Truce Negotiations : Master's Thesis of International Studies. Seoul : Seoul National University, 2021.
10. Barnes R. The US, the UN and the Korean War. Communism in the Far East and the American Struggle for Hegemony in the Cold War. London, New York : I.B. Tauris, 2014. 372 p.
11. Keene J. Lost to public commemoration: American veterans of the forgotten Korean War // Journal of Social History. 2011. Vol. 44. № 4. P. 1095–1113.
12. Wubben H.H. American prisoners of War in Korea: a second look at the “Something new in history” // American Quarterly. 1970. Vol. 22. № 1. P. 3–19.
13. Farber I.E., Harry F.H., West L.J. Brainwashing, conditioning, and DDD (debility, dependency, and dread) // Sociometry. 1957. Vol. 20. № 4. P. 271–285.

Информация об авторе:

Ким Наталья Николаевна — кандидат исторических наук, директор Международного центра корееведения, МГУ имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11/1; доцент Института востоковедения и африканистики, НИУ ВШЭ, Российская Федерация, 190068, Санкт-Петербург, Канала Грибоедова наб., д. 123, e-mail: nkim@iaas.msu.ru ORCID: 0000-0001-7728-7968. SPIN-код: 2804-0219.

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-2-175-185

EDN: WMUXBR

Научная статья / Research article

Женский вопрос и движение за социальную гигиену в американском обществе Прогрессивной эры

Д.Б. Вершинина

Пермский государственный национальный исследовательский университет, *Пермь*,
Российская Федерация

✉ daryapros@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено анализу движения за социальную гигиену в США периода Прогрессивной эры в его связи с женским вопросом. Исследование показывает, как в контексте масштабных социальных реформ и трансформации викторианских идеалов женственности сформировался новый подход к регулированию общественного здоровья и морали. Движение, объединившее религиозных реформаторов, феминисток и медицинских экспертов, одновременно бросало вызов устоявшимся моральным нормам американского общества через критику двойных стандартов и стало инструментом репрессивной биополитики, направленной на контроль над женской сексуальностью. На основе анализа идеологических установок и реальных практик движения продемонстрировано, как проституция была переопределена из моральной проблемы в угрозу общественному здоровью, что позволило оправдать принудительные осмотры и изолирование женщин, обвиненных в распространении опасных заболеваний. Таким образом, сделан вывод, что, несмотря на прогрессивные цели, движение за социальную гигиену воспроизводило патриархальные модели контроля над женщинами.

Ключевые слова: США рубежа XIX–XX вв., социальные болезни, женский активизм, биополитика

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 11.10.2025; принята к публикации 19.12.2025.

Для цитирования: Вершинина Д.Б. Женский вопрос и движение за социальную гигиену в американском обществе Прогрессивной эры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 2. С. 175–185. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-2-175-185> EDN: WMUXBR

© Вершинина Д.Б., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The women's question and the social hygiene movement in American society during the Progressive era

Daria B. Vershinina

Perm State National Research University, *Perm, Russian Federation*

✉ daryapros@yandex.ru

Abstract. The study analyzes the social hygiene movement in the United States during the Progressive Era in its relationship with the women's question. The study demonstrates how, in the context of large-scale social reforms and the transformation of Victorian ideals of femininity, a new approach to regulating public health and morality emerged. The movement, which united religious reformers, feminists, and medical experts, simultaneously challenged established moral norms in American society through a critique of double standards and became an instrument of repressive biopolitics aimed at controlling female sexuality. Based on an analysis of the movement's ideological tenets and actual practices, this article demonstrates how prostitution was redefined from a moral issue to a public health threat, justifying forced examinations and the isolation of women accused of spreading dangerous diseases. Thus, despite its progressive goals, the social hygiene movement reproduced patriarchal models of control over women.

Keywords: the United States at the turn of the 19th and 20th centuries, social vices, women's activism, biopolitics

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 11.10.2025; accepted 19.12.2025.

For citation: Vershinina DB. The women's question and the social hygiene movement in American society during the Progressive era. *RUDN Journal of World History*. 2026;18(2):175–185. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-2-175-185> EDN: WMUXBR

Введение

Период 1890-х — 1920-х гг. вошел в историю США как Прогрессивная эра. Под этим названием в историографии понимается время масштабных общественных дискуссий и реформ, направленных на адаптацию страны и ее населения к новой индустриальной эпохе. Данная трактовка уходит корнями, с одной стороны, в самоопределение самих реформаторов, называвших себя прогрессистами, а с другой — была закреплена в трудах современников эпохи, таких как Артур Шлезингер-старший [1], и сохраняет свою значимость и актуальность как основа для периодизации американской истории.

К концу XIX в. страна стремительно превращалась в индустриального гиганта, а огромные финансово-промышленные корпорации меняли не только экономику, но и повседневность миллионов американцев: массовое производство и потребление создали новую реальность, в которой товары были

доступнее, а города — крупнее и многолюднее. Однако за фасадом прогресса скрывались острые социальные проблемы: углубляющаяся социальная поляризация, рост рабочего класса и обострение его тяжелого положения, коррупция в политике и бизнесе. Все это позволило М. Твену назвать период «позолоченным веком».

В этих условиях в Америке начинается движение за реформы по улучшению условий труда, расширению демократии, борьбе с коррупцией, решению женского вопроса. Последний не только способствовал политическим и экономическим изменениям, но и вызвал бурные дискуссии о моральных границах женского поведения. Одним из центральных движений, возникших среди реформаторов, стало движение за социальную гигиену, которое подвергается нами анализу в контексте концепции биополитики Мишеля Фуко. Под «социальной гигиеной» в исследовании понимается общественное движение Прогрессивной эры, которое, опираясь на дискурсы медицины и морали, стремилось регламентировать сексуальное поведение граждан и искоренить так называемые «социальные болезни» (проституцию, венерические заболевания, алкоголизм и т.д.). Обращение к его опыту представляется особенно актуальным в контексте современных дебатов о границах вмешательства государства в сферу здравоохранения и частной жизни граждан, обострившихся в период пандемии COVID-19.

Цель исследования — выявить ключевые идеи и практики движения за социальную гигиену в США начала XX в. и определить его влияние на формирование дискурсов, конструирующих и контролирующих женское тело и женское поведение в сфере сексуальных отношений. Для реализации этой цели необходимо реконструировать факторы, обусловившие возникновение движения за социальную гигиену, рассмотреть на основе текстов самих активистов движения ключевые концепты движения и их связь с медицинскими и моральными дискурсами эпохи, а также определить конкретные практики социальных гигиенистов в отношении женщин, чтобы сделать вывод об общем характере движения и его месте в идеологии реформаторов Прогрессивной эры.

Источниковой базой исследования стали тексты, порожденные активистами движения за социальную гигиену. Их можно разделить на две ключевые группы. Среди периодических изданий прежде всего стоит выделить публикации в журнале «Социальная гигиена», который начал выходить с 1914 г. и стал рупором Американской ассоциации социальной гигиены. Спектр публикаций в журнале был чрезвычайно широк: от правовых обзоров и педагогических рекомендаций до анализа экономических последствий тех или иных социальных болезней, что демонстрировало стремление социальных гигиенистов к масштабному переустройству общества на новых, рациональных, началах.

Вторую группу источников образуют отдельные брошюры и книги социальных гигиенистов. Среди них фундаментальную роль сыграл труд П.А. Морроу «Социальные болезни и брак: социальная профилактика» (1904 г.) [2], закрепивший базовую терминологию и концептуальные основы движения. Значительный пласт публикаций социальных гигиенистов был посвящен проблем так называемого «белого рабства» (К.Г. Роу [3; 4], Э.А. Белл [5], М. Майнер Хедден [6]), под которым реформаторы понимали проституцию, понимаемую как масштабную организованную торговлю женщинами.

В целом корпус текстов движения за социальную гигиену не просто отражает его деятельность, но является пространством, где формировался специфический язык, вырабатывались ключевые концепты и легитимировались практики, с помощью которых реформаторы стремились изменить американское общество. Через эти тексты социальные гигиенисты конструировали новый дискурс, который и является предметом исследования.

Викторианские идеалы и их трансформация

К концу XIX в. Америка подошла как типично викторианская страна с названным впоследствии историком Б. Уэлтер «культом истинной женственности» [7]. На протяжении большей части XIX в. роль женщины определялась теми, кто имел отношение к так называемому Второму великому пробуждению — росту религиозности в Америке начала XIX в., в соответствии с которым утверждалась особая роль женщины в пуританском обществе. Типичное представление о женском предназначении приводилось в редакционной статье пенсильванской газеты *Public Ledger and Daily Transcript* за 1848 г.: «Наши дамы ... возвышаются, чтобы управлять сердцами своих поклонников и обеспечивать повиновение скипетром привязанности. Разве не всем управляет женское влияние? ... Женщина — никто. Жена — все. Красивая девушка равна десяти тысячам мужчин, а мать, после Бога, все-сильна ... поэтому, под влиянием самых серьезных, трезвых мыслей, полны решимости отстаивать свои права как жен, красавиц, девственниц и матерей, а не как женщин» [8. С. 804].

В центре евангелической концепции женщины были такие идеи, как чистота и непорочность, и таким образом в американском обществе викторианской эпохи сформировалась доктрина сепаратных сфер, представлявшая дом местом бытования женщины. Впрочем, сама же Уэлтер в другой работе — «Феминизация американской религии, 1800–1860» [9] — отмечала, что в Америке XIX в. происходила феминизация христианства и особенно либерального протестантизма: «маскулинизированный» кальвинизм уступил место различным протестантским церквям, в которых доминировали женщины и были представлены новые богословские толкования

заботливого и самоотверженного Христа, воспринимаемые как «женственные». Протестантизм стал средством распространения материнских качеств женщин за пределы семьи посредством их участия в различных реформаторских движениях [9]. Так парадоксальным образом теоретики религиозного возрождения способствовали росту женской социальной активности: поскольку религия играла центральную роль в жизни женщин и помогала некоторым из них выйти за рамки домашней сферы, благодаря возрождению религиозности женщины стали заниматься миссионерской деятельностью, открывать учебные заведения, участвовать в аболиционистском и трезвенническом движениях.

Впрочем, с развитием урбанизации идеи о высокоморальном поведении женщин стали подвергаться коррозии. Как и в любом другом обществе, переезд семей в города ослаблял контроль над частной жизнью со стороны церкви, и постепенно нормой становилось появление независимых женщин, которые представляли себя свободными от социальных, экономических и политических ограничений викторианского общества. Однако даже в городском пространстве сохранялась реальность строгой консервативной модели, которая диктовала общественные и индивидуальные действия женщин, в т.ч. из рабочего класса, тем более что социальная активность женщин была столь тесно связана с христианством и его представлениями о моральной чистоте. В результате столкновения новых и традиционных ценностей на рубеже XIX и XX вв. в США началась масштабная дискуссия об угрозах, связанных с распространением проституции и других форм так называемых «сексуальных девиаций». Важно при этом, что значительную часть тех, кто начал борьбу против проституции, составляли женщины, являвшиеся активистками движений за социальную чистоту и социальную гигиену.

Моральная паника и «крестовый поход» против порока

К началу XX в. в американских городах существенно вырос размах проституции: в 1910 г. почти в каждом крупном городе Соединенных Штатов имелся «квартал красных фонарей», запрещенный законом, но допускаемый полицией и широко известный общественности [10. С. 203]. Реформаторы конца XIX — начала XX вв., как в США, так и в других странах (в первую очередь в породившей борьбу против этой практики Британии) называли этот порядок «регулированием», под которым понималось коммерческой индустрии, когда правительство лицензировало публичные дома и регистрировало проституток, которых врачи регулярно обследовали на венерические заболевания [11. С. 5].

Спустя восемь лет реформатор Дж. Майер отметит, что «примерно 200 городов, включая практически все с населением более 100 000 человек, закрыли свои кварталы» [12. С. 197]. Такие радикальные изменения,

связанные с исчезновением институционализированной проституции в 1910-е гг., стали результатом начатого в Прогрессивную эру общенационального крестового похода против проституции как порока.

Первым термин «крестовый поход» для характеристики действий прогрессистов по отношению к проституции использовал историк Рой Любов, в статье 1962 г. сделавший вывод о том, что борьба против этого занятия в США 1900–1910-х гг. была «экспериментом по социальному контролю, тесно связанным с попытками других реформаторов улучшить условия городской жизни и труда, а также с борьбой за развеивание невежества и заблуждений, связанных с вопросами секса» [13. С. 330]. Так в Америке сформировалось движение за социальную гигиену, сторонники которого от моральных аргументов перешли к медицинским. Сторонники реформ были убеждены: «По гуманным принципам, в интересах добродетельных жен, которые больше не должны быть отравлены отвратительными инфекциями; в интересах детей, которые больше не должны быть лишены ... жизненной силы и энергии; в интересах расы, которая больше не должна уничтожаться и деградировать, ужасное проклятие венерических заболеваний должно быть снято с брачных отношений» [2. С. 385].

Позитивный взгляд Р. Любова на действия активистов и политиков не разделяют другие историки, которые обращают внимание, что в основе этого крестового похода лежала моральная паника американского общества по поводу размывания стандартов сексуальности, принятых в викторианскую эпоху; к примеру, Дэвид Пивар в монографии «Чистота и гигиена: женщины, проституция и „американский план“, 1900–1930», напротив, утверждает, что к началу XX в. феминистский взгляд на проститутку как жертв несправедливой системы сменился медикализированным подходом, в соответствии с которым они считались виновницами распространения опасных болезней, и в результате «проститутки, ранее вызывавшие сочувствие, стали изгоями, которых обвиняли в распространении сифилиса по всей стране» [14. Р. XV]. Так в идеях реформаторов Прогрессивной эры причудливо соединялись идеи евангелического по своей сути движения за социальную чистоту и рациональные аргументы о болезни, которую можно и нужно лечить. При этом переопределение проституции и венерических заболеваний из проблемы морали в проблему общественного здравоохранения стало главным новшеством в движении за социальную гигиену, что вписывается в идеи Фуко о медикализации, и одновременно крестовый поход против проституции и женщин, вовлеченных в нее, был актом биовласти, направленным на устранение того, что, как считалось, приносило вред всему общественному организму.

Движение за социальную гигиену: идеология и практика

Целью движения за социальную гигиену было «способствовать более здоровой и нормальной сексуальной жизни людей в целом и, наоборот, искоренять проституцию, венерические заболевания и любые патологические состояния, связанные с сексом» [15. С. 557]. С одной стороны, представители движения были убеждены, что главным фактором распространения заболеваний, передающихся половым путем, является проституция, но с другой — они уже были под впечатлением от деятельности британской активистки Джозефины Батлер и использовали ее риторику, чтобы обсудить и осудить двойной стандарт сексуальной морали, сложившийся в американском обществе. Они также были убеждены, что пуританское умолчание в вопросах сексуальности и морали чревато негативными последствиями, с которыми хотели бороться в т.ч. путем просвещения, поэтому в их журнале «Социальная гигиена» было немало статей, посвященных сексуальному образованию.

Правда, все же стоит признать правоту тех историков, которые отказываются видеть глубинную революционность в движении за социальную гигиену. Его представители полагали, что целомудрие для мужчин может стать ключом к спасению нации, а потому выступали за консервативные моральные стандарты в области сексуальности. Такая амбивалентность была характерна для движения из-за сосуществования в нем двух групп активистов: врачей-мужчин и активисток-женщин, сосредоточенных на создании домов для малоимущих девушек и развитии сестринского дела. Социальные гигиенисты мужского пола действовали как агенты биовласти, так как были убеждены, что «большинство проституток либо слабоумны, либо психически ненормальны» [15. С. 562], а значит, их тела необходимо дисциплинировать, а последствием проституции считали всеобщее разложение, ведь появление районов проституции «позволило пороку организоваться в огромных масштабах и значительно расширить свой трафик. Появившаяся в результате реклама сделала порок более доступным и стала источником сексуального насилия и разложения. Сегрегация развратила полицию, стимулировала нелегальную продажу спиртного, увеличила преступность и разврат, а также способствовала сексуальным извращениям» [12. С. 197].

Напротив, женщины-активистки обычно настаивали на социальных причинах распространения проституции. К примеру, Мод Э. Майнер Хадден писала, что рост проституции происходит из-за «коммерциализации порока и из-за факторов, глубоко укоренившихся в социальных условиях» [6. Р. IX]. Более того, она была убеждена, что упомянутый выше взгляд на женщин, вовлеченных в проституцию, как на виновных в бедах нации, несправедлив: «Называть их «опустившимися», «падшими» и «потерянными», считать их неспособными к реабилитации и получению помощи — это в такой же степени жестоко и несправедливо, в какой и абсурдно» [6. Р. X]. Поэтому многие из прогрессивных реформаторов сосредоточили свой гнев на тех,

кто, по их утверждениям, развращал и эксплуатировал для личной выгоды естественные сексуальные инстинкты других; и они переключили внимание с проституции как проявления индивидуальной моральной извращенности на «проституцию как бизнес-предприятие, процветающее на невежестве и социально-экономических лишениях» [13. С. 330].

Одной из первых организаций в сфере социальной гигиены стало Нью-Йоркское общество социальной гигиены, которое было основано в 1905 г. доктором П.А. Морроу под названием «Общество санитарной и нравственной профилактики». В 1913 г. на конференции в Буффало несколько организаций, занимающихся борьбой с проституцией и венерическими заболеваниями, объединились и создали Американскую ассоциацию социальной гигиены. Деньги на создание ассоциации дал Дж. Рокфеллер-младший, а ключевыми фигурами на момент ее основания стали видные ученые из Стэнфордского университета. Ассоциация заменила прежний Американский альянс за чистоту в качестве доминирующей организации в разработке политики в отношении проституции, венерических заболеваний и связанных с ними вопросов.

Создатели ассоциации были намерены просвещать население о венерических заболеваниях, равно как и поощрять высокие моральные стандарты. Центральной идеей ассоциации была идея «белого рабства» [3; 4], под которым ее члены подразумевали проституцию: «...этот якобы фундаментальный социальный институт был в высшей степени искусственным продуктом. Он существовал исключительно благодаря политической коррупции, стимулированию торговли с помощью рекламы и торговле белыми рабами для удовлетворения искусственно созданного спроса» [15. С. 554]. Реформаторы были убеждены, что именно путь образования является наиболее действенным инструментом борьбы с социальными пороками, главным из которых считали проституцию: «Во многих странах разворачивается масштабная образовательная кампания против торговли девушками, самой черной тучи, нависшей над современной цивилизацией» [4. С. 5].

Американский план

Опыт европейских стран в Первой мировой войне показал американцам, что распространение проституции в прифронтовых районах пагубно сказывалось на боеспособности военных, заражающихся венерическими заболеваниями, поэтому «как военные, так и гражданские лица в Соединенных Штатах понимали, что армия, которую собирает страна, не должна нести потери из-за болезней, которые можно полностью предотвратить. К ученым страны обратились с просьбой разработать меры, которые позволили бы избежать таких потерь» [15. С. 556].

В своем журнале «Социальная гигиена» руководители Ассоциации описывали так называемый «американский план» — систему мер по борьбе с проституцией, включающий в себя «правоприменительную деятельность, медицинское лечение, половое просвещение и здоровую реакцию» [15. С. 557]. Опыт Британии повлиял на то, что в американском контексте правоприменительные действия планировалось распространить и на мужчин: «Хотя изоляция носителей инфекции является, с медицинской точки зрения, важнейшей мерой по борьбе с распространением венерических заболеваний, и, хотя проститутки, безусловно, являются основными носителями инфекции, Ассоциация настаивает на том, чтобы не было предвзятого отношения к представителям того или иного пола и чтобы к мужчинам относились так же, как и к женщинам» [15. С. 559]. Согласно американскому плану, мужчин, которых застали с проститутками, также должны были проверять на наличие инфекции, и в случае положительного результата они должны были проходить такое же лечение. Более того, в плане предполагались наказания за нарушение уголовного кодекса и проституток, и их клиентов: «Помимо абстрактной справедливости, опыт показывает, что один из самых быстрых и простых способов сократить масштабы проституции и распространение венерических заболеваний — это заставить мужчин осознать, что законы распространяются на оба пола» [15. С. 560].

Однако в реальности «американский план» действовал совсем иначе: он представлял собой свод законов и практик, в соответствии с которыми федеральные, государственные и местные органы власти арестовывали и обследовали любую женщину, которую они обоснованно подозревали в наличии венерического заболевания. Если результат теста на венерическое заболевание был положительным, ее помещали в изоляцию на неопределенный срок до выздоровления или прекращения заражения. Поскольку в то время существовало мало эффективных методов лечения сифилиса или гонореи, женщин иногда держали под стражей месяцами, а то и годами, пока должностное лицо не решало, что этого достаточно. Как отмечает С.В. Стерн, «десятки тысяч женщин были арестованы, и с ними обращались подобным образом» [16], в т.ч. даже в 1940-х гг. продолжались задержания по законам, принятым во время Первой мировой войны. В итоге тела женщин стали объектом контроля под предлогом защиты общественного здоровья, и «американский план» стал не инструментом просвещения, а механизмом репрессивной биополитики. Хотя в риторике официальных документов все происходящее описывалось как гуманная мера профилактики, в реальности тело женщины превращалось в носителя угрозы, требующего постоянного наблюдения.

Заключение

Таким образом, движение за социальную гигиену, возникшее в США Прогрессивной эры, с одной стороны, бросило вызов викторианским табу, а с другой — воспроизвело репрессивные практики биополитики, направленные на контроль над телами и их сексуальными практиками. Под лозунгами защиты общественного здоровья формировалась новая форма власти — биовласть, основанная на регулировании здоровья населения. Медики и государственные деятели вместе определяли границы допустимого поведения, а тело женщины становилось объектом контроля и дисциплинирования.

Ключевым механизмом этого контроля стала медикализация порока: проституция рассматривалась прогрессистами как болезнь, которую государству можно и нужно лечить. Медицинский язык становился ширмой для морализма, так как движение за социальную гигиену не просто боролось с пороком, но само конструировало его, создавая новую категорию девиантности. Дискурсы о спасении нации и расовом здоровье превращали заботу о населении в проявление государственного расизма и евгеники, распространенной в начале XX в. во многих западных странах.

В этом смысле движение за социальную гигиену в США начала XX в. стало примером амбивалентного сочетания прогрессивных устремлений и консервативного социального контроля. Впитав научный рационализм периода, движение пыталось заменить религиозные запреты медицинским просвещением и государственным регулированием, однако реально преуспело только во втором. Его можно рассматривать как пограничный феномен между викторианской моралью и современной биополитикой, так как прогрессисты создали предпосылки для интервенции государства в сферу телесности и интимности, а забота о здоровье нации стала фактором развития политики надзора, основанной на медицинском знании. Движение за социальную гигиену превратило здоровье в фундаментальную категорию социального порядка и сформировало представление о гражданине — прежде всего женщине — как об управляемом теле, тем самым превращая заботу о человеке в форму власти над ним.

Список литературы / References

1. Schlesinger AM. *Political and Social Growth of the United States*. New York: Macmillan; 1936.
2. Morrow PA. *Social Diseases and Marriage: Social Prophylaxis*. New York; 1904.
3. Roe CG. *The Great War on White Slavery or Fighting for the Protection of Our Girls*. Chicago; 1911.
4. Roe CG. *Horrors of the White Slave Trade. The Mighty Crusade to Protect the Purity of our Homes*. London; 1911.
5. Bell EA. *Fighting the Traffic in Young Girls*. Chicago; 1910.
6. Miner Hadden M. *Slavery of Prostitution: a Plea for Emancipation*. Macmillan; 1916.

7. Welter B. The cult of true womanhood: 1820–1860. *American Quarterly*. 1966;18(2–1):151–174. <https://doi.org/10.2307/2711179>
8. Anthony SB, Harper IH, Stanton EC, eds. *History of woman suffrage*. Rochester; 1885.
9. Welter B. The Feminization of American Religion. In Hartman MS, Banner LW, eds. *Clio's Consciousness Raised*. New York: Octagon Books; 1976.
10. Anderson E. Prostitution and Social Justice: Chicago, 1910–15. *Social Service Review*. 1974;48(2):203–228. <https://doi.org/10.1086/643122>
11. Payne E. *Empire of Purity: The History of Americans' Global War on Prostitution*. Princeton University Press; 2024. <https://doi.org/10.1515/9780691257068>
12. Mayer J. The passing of the red light district — vice investigations and results. *Journal of Social Hygiene*. 1918;4(2):197–209.
13. Lubove R. The progressives and the prostitute. *The Historian*. 1962;24(3):308–330. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6563.1962.tb01725.x>
14. Pivar DJ. *Purity and Hygiene: Women, Prostitution, and the "American Plan", 1900–1930*. Westport, Conn.: Greenwood Press; 2002.
15. A History and a forecast. *Social Hygiene*. 1919;4(4):553–566.
16. Stern SW. The long American plan: The U.S. government's campaign against venereal disease and its carriers. *Harvard Journal of Law and Gender*. 2015;38(2). Available from: <https://ssrn.com/abstract=3776570> (accessed 30.09.2025).

Информация об авторе:

Вершинина Дарья Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии, историко-политологический факультет, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Российская Федерация, 614090, Пермь, ул. Букирева, д. 15, e-mail: daryapros@yandex.ru ORCID: 0000-0003-4354-8239. SPIN-код: 5879-5486.

Information about the author:

Daria B. Vershinina — Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of History and Archaeology, Perm State University, 15 Bukirev St., Perm, 614090, Russian Federation, e-mail: daryapros@yandex.ru ORCID: 0000-0003-4354-8239. SPIN-code: 5879-5486.

АНТИЧНЫЙ МИР ANTIQUE WORLD

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-2-186-200

EDN: WFJMWQ

Научная статья / Research article

Политические метаморфозы в Малой Азии во времена Цицерона и Августа, или как пираты и философы становились тиранами

И.А. Гвоздева , В.О. Никишин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, *Москва,*
Российская Федерация

cicero74@mail.ru

Аннотация. Тема пиратства и его роли в военно-политическом противостоянии на просторах Римского Средиземноморья в I в. до н.э. остается актуальной. Во-первых, в это время последние государственные образования эллинистического мира, такие как царства Селевкидов и Птолемеев, окончательно исчезли с политической карты региона, будучи поглощены мировой Римской державой. Во-вторых, в самом Риме на смену сенатской республике в ходе кровопролитных гражданских войн пришло единовластие в форме режима принципата и возникло то, что принято называть Римской империей. И в этих существенных переменах военно-политического характера свою немаловажную роль сыграла «третья сила» — многочисленные пиратские эскадры. В исследовании проанализированы причины и последствия такого феномена, как расцвет средиземноморского пиратства в I в. до н.э., а также то, как римские власти относились к этому явлению: сначала они старались его не замечать, потом начали с ним бороться: до 67 г. до н.э. с переменным успехом, а в дальнейшем иногда даже привлекали пиратов на свою сторону, используя эту «третью силу» в политической борьбе. Здесь авторы обращаются к историческим реалиям римской Малой Азии, где в указанный период были случаи захвата власти в отдельных городах и даже областях удачливыми авантюристами, среди которых попадались не только пираты, такие как Зеникет, Таркондимот, Антипатр и Клеон, но и представители вполне мирных профессий, как, например, философ-эпикурец Лисий. Все эти эпизоды являлись свидетельствами той политической нестабильности, которая сопровождала драматический и болезненный переход от Римской республики к Римской империи.

© Гвоздева И.А., Никишин В.О., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: Киликия, Селевкиды, Митридат VI Эвпатор, Гней Помпей Магн, Секст Помпей, Зеникет, Таркондимот

Вклад авторов. Гвоздева И.А. — разработка концепции статьи, работа с источниками, редактирование текста и подготовка статьи к публикации; Никишин В.О. — написание текста статьи, работа с источниками и историографией.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 17.11.2025; принята к публикации 27.01.2026.

Для цитирования: Гвоздева И.А., Никишин В.О. Политические метаморфозы в Малой Азии во времена Цицерона и Августа, или как пираты и философы становились тиранами // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 2. С. 186–200. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-2-186-200> EDN: WfJMWQ

Political metamorphoses in Asia Minor during the time of Cicero and Augustus, or how pirates and philosophers became tyrants

Inna A. Gvozdeva , Vladomir O. Nikishin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 cicero74@mail.ru

Abstract. The authors devoted their study to a topic that has remained relevant over the past several decades: piracy and its role in the military and political confrontation in the Roman Mediterranean in the first century BC. Firstly, at this time the last state formations of the Hellenistic world, such as the Seleucid and Ptolemaic kingdoms, finally disappeared from the political map of the region, being absorbed by the world Roman Empire. Secondly, in Rome itself, the senatorial republic was replaced by autocracy in the form of the principate regime during the bloody civil wars, and what is commonly called the Roman Empire arose. And in these significant changes of a military-political nature, the “third force” — numerous pirate squadrons — played a significant role. The authors analyze the causes and consequences of the rise of Mediterranean piracy in the 1st century BC, as well as how the Roman authorities responded to this phenomenon: at first, they tried to ignore it, then they began to fight it — until 67 BC with varying success, and later they sometimes even attracted pirates to their side, using this “third force” in the political struggle. Here the authors turn to the historical realities of Roman Asia Minor, where during the specified period there were cases of seizure of power in individual cities and even regions by successful adventurers, among whom were found not only pirates, such as Zeniketus, Tarcondimotus, Antipater and Cleon, but also representatives of quite peaceful professions, such as, for example, the Epicurean philosopher Lysias. All these episodes were evidence of the political instability that accompanied the dramatic and painful transition from the Roman Republic to the Roman Empire.

Keywords: Cilicia, Seleucids, Mithridates VI Eupator, Gnaeus Pompeius Magnus, Sextus Pompeius, Zeniketus, Tarcondimotus

Contribution. Gvozdeva I.A. — developing the concept of the article, editing the text and preparing the article for publication; Nikishin V.O. — writing the text of the article, working with sources and historiography.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Article history: received 17.11.2025; accepted 27.01.2026.

For citation: Gvozdeva IA, Nikishin VO. Political metamorphoses in Asia Minor during the time of Cicero and Augustus, or how pirates and philosophers became tyrants. *RUDN Journal of World History*. 2026;18(2):186–200. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-2-186-200> EDN: WFJMWQ

Введение

Всемирная история знает несколько довольно ярких и показательных примеров того, как отъявленные пираты, грабители и убийцы — люди без чести и совести, но, безусловно, по-своему харизматичные и талантливые личности, — достигали завидных высот в обществе, а порой даже добивались огромной власти и влияния. Так, тираном и пиратом был легендарный правитель Самоса Поликрат (ок. 537–522 гг. до н.э.); бывший неаполитанский пират Бальтазар Косса стал папой римским под именем Иоанна XXIII (1410–1415 гг.); в 1533 г. по воле султана Сулеймана I знаменитый алжирский пират Хайреддин Барбаросса стал бейлербеем Алжира и капудан-пашой, т.е. главнокомандующим всем османским флотом; в 1581 г. королева Елизавета I посвятила в рыцари пирата Фрэнсиса Дрейка, а в 1674 г. король Карл II посвятил в рыцари и назначил на пост вице-губернатора Ямайки пирата Генри Моргана. Гораздо меньше мы знаем случаев, когда тиранами становились философы. В античности это, разумеется, Периандр, тиран Коринфа (ок. 627–587 гг. до н.э.), попавший в один из списков «семи мудрецов», а также прославленный перипатетик Деметрий Фалерский, при поддержке правителя Македонии Кассандра ставший эпимелетом Афин (317–307 гг. до н.э.)¹. Мы обратимся к политическим реалиям римской Малой Азии в конце Республики — начале Империи и рассмотрим несколько примеров того, как несколько пиратов и один философ сумели не просто захватить политическую власть в местных гражданских общинах, но и удержать ее, а также на протяжении какого-то времени проводить свой собственный политический курс.

¹ Впоследствии Деметрий стал инициатором создания в Александрии Мусейона и знаменитой библиотеки.

Расцвет пиратства в Средиземноморье в I в. до н.э.

Начнем с общей характеристики политической обстановки в Малой Азии I в. до н.э. Выдающийся греко-римский историк и географ Страбон охарактеризовал этот период как время авантюристов и разбойников, когда «многочисленные тираны пытались завладеть страной и там возникли разбойничьи шайки» (XIV. 5. 10. Здесь и далее пер. Г.А. Стратановского). У Страбона речь идет о переходном периоде или своего рода исторической «пересменке», когда эллинистические монархии либо вовсе исчезли, либо пришли в упадок и уже не контролировали ситуацию в регионе, тогда как римское господство еще не полностью в нем утвердилось. В этих своеобразных условиях в Средиземноморье появилась третья сила — пиратство. Многочисленные разбойники, промышлявшие на суше и на море, прекрасно организованные и вооруженные, за короткий срок превратились в мощный военный фактор, серьезно влиявший на политическую ситуацию в регионе [1. С. 87]. С этой силой не всегда удавалось справиться даже тем римским военачальникам, которые получали чрезвычайные полномочия именно для борьбы с пиратством. Пожалуй, самый яркий тому пример — претор Марк Антоний Критский, дед триумвира, который в 74–71 гг. до н.э. без особых успехов воевал с пиратами не только в Западном, но и в Восточном Средиземноморье и умер в ходе этой войны (Cic. Verr. II. 2. 8; 3. 213; Vell. II. 31. 3; Ps.-Asc. 202; 259 St.; Sall. Hist. III. 2 Maur.; App. Sic. 6. 1–2; Flor. I. 42. 2–3; Liv. Per. 97) [2. С. 113–118]. Символично, что в 67 г. до н.э. Средиземноморье очистил от пиратов Гней Помпей Магн, а спустя 25 лет его сын, Секст Помпей, создал на Сицилии, Сардинии и Корсике пиратскую республику (42–36 гг. до н.э.).

Даже если местные династы и парадинасты никак не были связаны с разбойничьими или пиратскими шайками, но имели несчастье своими действиями навлечь на себя недовольство римских властей, то последние старались «обесценить» их в публичном праве как *latrones* или *leistai*, т.е. «разбойников» [3. С. 76]. Между тем деградация, политический упадок и прогрессирующий распад государства Селевкидов привели к тому, что на рубеже II–I вв. до н.э. в Восточном Средиземноморье возник политический вакуум в том смысле, что прежнего гегемона (Селевкиды) не стало, а новый (Рим) еще не добился абсолютного господства в регионе. Благодаря этому обстоятельству невероятного могущества здесь достигло организованное пиратство, чьи эскадры базировались в основном в портах Киликии. В период Митридатových войн (89–63 гг. до н.э.) размах пиратства достиг беспрецедентных масштабов, охватив также Западное Средиземноморье, во многом благодаря активной поддержке пиратских объединений со стороны Митридата VI Эвпатора. Как пишет Аппиан в «Митридатике», в самом начале военного противостояния с Римом царь

«на море допустил морских разбойников, которые вначале плавали, как обычно у пиратов, на небольших и немногочисленных быстроходных судах и грабили; когда же война стала затягиваться, их стало появляться больше, плавали они уже на больших кораблях. Испробовав сладость больших доходов, они не прекратили этого дела и тогда, когда Митридат был побежден, заключил мир и удалился в своё царство. Люди, лишённые вследствие войны средств к жизни, оторвавшиеся от родины и впавшие в жестокую нужду, стали искать себе пропитания не на суше, а на море, вначале на легких разбойничьих судах и полуторках, а затем стали плавать уже на биремах и триерах, причем у них были разбойничьи военачальники, как в настоящей войне. Они нападали на неукрепленные города, стены других городов они или подкапывали, или разбивали, или брали штурмом и разграбляли, а людей побогаче отвозили до пристаней в расчете на выкуп². И эти доходы, обижаясь уже на прозвание пиратов, они называли военным жалованьем. Они имели ремесленников, насильно приставленных, и постоянно заготавливали лес, медь, железо, свозя все это вместе. Их дух поднимался от получаемой прибыли; уже не считая своего занятия разбоем, они приравнивали себя к царям и тиранам, считали себя большим военным лагерем и полагали, что, объединившись, они будут непобедимыми; они сами себе строили корабли и производили оружие. Главным местом стоянки для них всех или их лагерем была так называемая Суровая Киликия; но они имели повсеместно гарнизоны и укрепленные пункты, пустынные острова и пристани; но самыми важными пунктами они считали те, которые находились около этой Киликии, скалистой, не имевший гаваней и вздымающейся высокими вершинами. Поэтому они все стали называться общим именем киликийцев, так как это зло, по-видимому, пошло вначале от жителей Суровой Киликии, а потом к ним присоединились сирийцы, жители Кипра, Памфилии, прибрежных стран Понта — одним словом, почти все восточные племена. Видя, что война с Митридатом становится серьезной и затяжной, эти люди, предпочтя действовать, а не страдать, избрали себе для жизни море вместо земли. Таким образом, вскоре из них образовались многие десятки тысяч, и они господствовали не только в восточной части моря, но и над всем морем вплоть до Геркулесовых столбов; и уже они были победителями в морском бою над некоторыми из римских полководцев, в том числе над наместником Сицилии, у самых берегов Сицилии. Все пути оказались непроезжими, а вследствие отсутствия обмена страна стала нуждаться в изделиях ремесла. Сами римляне испытывали особенно много бедствий: их провинции находились в тяжелом положении, и сами они, при своей многочисленности, терпели тяжкую нужду» (Mithr. 92–93. Здесь и далее пер. С.П. Кондратьева).

Расцвет пиратства объяснялся, во-первых, упомянутым политическим вакуумом в Восточном Средиземноморье и, во-вторых, экономической выгодой работорговли [4. Р. 196–198]. Касаясь причин необычайно широкого распространения пиратства в средиземноморском регионе, Страбон пишет:

«Восстание Трифона вместе с ничтожеством царей, преемственно правивших Сирией и одновременно Киликией, послужили киликийцам первым толчком для организации пиратских шашек. Ибо вслед за его восстанием подняли восстание и другие... В особенности побуждал к насилиям приносивший огромные выгоды вывоз рабов; ибо поимка рабов производилась легко, а рынок, большой и богатый, находился не особенно далеко, именно Делос, который был способен в один день принять и продать десятки

² Как известно, в 78 или 76 г. до н.э. сам Гай Юлий Цезарь (будущий диктатор) побывал в плену у пиратов (Plut. Caes. 1. 4–2. 4; Vell. II. 41. 3–42. 3; Suet. Iul. 4. 1–2; 74. 1; Val. Max. VI. 9. 15; Poliaen. VIII. 23. 1).

тысяч рабов. Отсюда пошла даже поговорка: „Купец, приставай и выгружай корабль, все продано“. Причина этого в том, что после разрушения Карфагена и Коринфа римляне разбогатели и нуждались в большом числе рабов. Ввиду такой легкости сбыта пираты появились в огромном количестве, они сами охотились за добычей и продавали рабов. Цари Кипра и Египта помогали им в этом, будучи врагами сирийцев. И родосцы не были друзьями с сирийцами, поэтому не оказывали им поддержки. Вместе с тем пираты под видом работорговцев непрерывно продолжали творить свои злодеяния. Римляне тогда еще мало обращали внимания на племена за Тавром» (XIV. 5. 2).

Делос стал порто-франко по решению римского сената в 167 г. до н.э. и оставался центром работорговли для всего Средиземноморья до тех пор, пока Митридат VI Эвпатор не положил этому конец в 88 г. до н.э.

Почему же римские власти на протяжении довольно длительного времени не обращали внимания на проблему пиратства? Во-первых, благодаря работорговле загружались производственные мощности Римской республики в рабовладельческих поместьях, ремесленных мастерских и на рудниках, а киликийские пираты со временем стали доминировать в этом на редкость прибыльном бизнесе и сделались основными поставщиками рабочей силы для римской экономики. Во-вторых, порабощение людей в провинциях, зависимых и союзных царствах также осуществлялось в огромных масштабах римскими публиканами — откупщиками, банкирами и коммерсантами, которые нередко действовали в сговоре с провинциальными властями. Дело дошло до того, что вифинский царь Никомед III Эвергет в 104 г. до н.э. в ответ на просьбу о присылке вспомогательных войск заявил, что множество его подданных, способных носить оружие, томятся в рабстве, будучи проданы публиканами (Diod. XXXVI. 3. 1). То, что в рабство продавали свободных людей из числа провинциалов, видимо, никого в Риме особо не волновало. По сообщению Страбона, в памфилийском городе Сиде киликийцы продавали «пленников с аукциона, хотя и признавали их свободными» (XIV. 3. 2). Временами города, где продавали в рабство похищенных людей, находились под контролем пиратов, так, Олимп, Корик и Фаселис попали под власть пирата Зеникета, создавшего свое собственное государство.

Важно отметить, что базы пиратов находились не только в Киликии³, но и в Ликийи, и в Памфилии, несмотря на это, словосочетание «килийские пираты» стало настолько расхожим, что превратилось в своего рода литературный штамп (Strabo. XIV. V. 2; App. Mithr. 92; Plut. Pomp. 24). Как пишет М.Г. Абрамзон, «бедность горного региона Киликии заставляла жителей либо становиться разбойниками и пиратами, либо покидать страну и служить наемниками» [1. С. 37]. Поэтому римляне всех пиратов называли киликийцами [1. С. 8]. Между тем, по сведениям Аппиана, среди пиратов, помимо киликийцев, были сирийцы, киприоты, памфилийцы и понтийцы (Mithr. 92). В массе своей это были бывшие наемники Митридата

³ Она, как сообщает Страбон (XIV. 5. 1), делилась на две области — Трахею и Педиаду.

VI Эвпатора, нашедшие для себя, как им, очевидно, представлялось, менее опасное и более прибыльное ремесло, нежели воевать с римскими legionами. Пираты контролировали множество портов, располагали более чем тысячей кораблей и имели сотни баз по всему Средиземному морю (Plut. Pomp. 24). В итоге к началу I в. до н.э., как пишет Плутарх, «могущество пиратов распространилось почти что на все Средиземноморье, так что море стало совершенно недоступным для мореходства и торговли» (ibid. 25. Здесь и далее пер. Г.А. Стратановского. Ср.: Cic. Leg. Manil. 32–33). Как сообщает Аппиан, в конце первой войны римлян с царем Митридатом VI Эвпатором на побережье Малой Азии «совершенно открыто нападали многочисленные разбойничьи шайки, что напоминало скорее военные походы, чем разбойничьи налеты. В прежнее время их выпустил в море Митридат, когда он опустошил все, что он не надеялся удержать в своей власти на долгое время; тогда же их развелось огромное количество, и они открыто нападали не только на плывущих, но и на гавани, местечки и даже города. На глазах у Суллы они захватили Наксос, Самос, Клазомены и Самофракию, а святилище Самофракии ограбили они, как считают, на сто талантов» (Mithr. 63).

Пираты долго испытывали терпение римских властей (Dio Cass. XXXVI. 23. 2), словно издеваясь над ними и бравируя собственной безнаказанностью. «Подвиги» морских разбойников ярко живописует Плутарх в биографии Помпея Магна:

«Чаще всего пираты совершали злодеяния против римлян; высаживаясь на берег, они грабили на больших дорогах и разоряли имения вблизи от моря. Однажды они похитили и увезли с собой даже двух преторов, Секстилия и Беллина — в окаймленных пурпуром тогах, со слугами и ликторами. Они захватили также дочь триумфатора Антония, когда она отправлялась в загородный дом; Антонию пришлось выкупить ее за большую сумму денег. Однако самым наглым их злодеянием было вот какое. Когда какой-нибудь пленник кричал, что он римлянин, и называл свое имя, они, притворяясь испуганными и смущенными, хлопали себя по бедрам и, становясь на колени, умоляли о прощении. Несчастный пленник верил им, видя их униженные просьбы. Затем они надевали ему башмаки, другие облачали в тогу, для того-де, чтобы опять не ошибиться. Вдоволь поиздевавшись над ним таким образом и насладившись его муками, они, наконец, спускали среди моря сходни и приказывали высаживаться, желая счастливого пути, если же несчастный отказывался, то его сталкивали за борт и топили» (Pomp. 24. Ср.: Cic. Leg. Manil. 31–33; Dio Cass. XXXVI. 20. 1–23. 1; App. Mithr. 93).

Некоторые города на побережье активно сотрудничали с пиратами, получая свою долю прибыли от криминального промысла [5. С. 223]. По словам Страбона, «они или сами занимались пиратством, или же предоставляли пиратам свои гавани для сбыта добычи и в качестве якорных стоянок» (Strabo. XIV. 3. 2. Ср.: Dio Cass. XXXVI. 20. 4; Cic. Verr. II. 4. 21). Другие общины, как могли, боролись с пиратами в одиночку, своими силами [4. Р. 199–200]. Тираны вроде Диодота-Трифона (Strabo. XIV. 5. 2), Антипатра из Дербы (Strabo. XII. 1. 4; 6. 3; Cic. Fam. XIII. 73. 2) или Зеникета [6. Р. 40–42], сколотившего

собственное государство на землях Ликий и Памфилии (Strabo. XIV. 5. 7. Ср.: Cic. Verr. II. 4. 21; Plut. Pomp. 24), располагали значительными воинскими формированиями, угрожая безопасности соседних областей.

Борьба Рима с пиратством

Первые мероприятия Рима против пиратов — военные акции Марка Антония Оратора в 102–100 гг. до н.э., его сына Марка Антония Критского (Creticus) в 74–71 гг. до н.э., Луция Лициния Мурены в 84 г. до н.э., Гнея Корнелия Долабеллы и Гая Корнелия Верреса в 80 г. до н.э. — особого успеха не имели. Так, несмотря на победы Марка Антония Оратора (Liv. Per. 68; Cic. De orat. I. 82; Tac. Ann. XII. 62), морские разбои не прекратились. В 78–74 гг. до н.э. проконсул Киликий Публий Сервилий Ватия Исаврик (Isauricus) провел ряд победоносных кампаний против пиратов и сделал римскими данниками киликийцев и исавров (Cic. Verr. II. 1. 56–57; 5. 66; 79; Leg. agr. I. 5; II. 50; Sall. Hist. I. 129–130; Liv. Per. 90; 93; Strabo. XII. 6. 2; XIV. 3. 3; 5. 7; Vell. II. 39. 2; Eutrop. VI. 3; Oros. Hist. V. 23. 21–22; Amm. Marc. XIV. 8. 4; Flor. I. 41. 4–5). Впрочем, по мнению Аппиана, акция Сервилия Исаврика [6. Р. 35–56; 7. С. 1169–1176] особо ничего не дала, поскольку в дальнейшем пираты стали нападать на побережье Италии и Сицилии (App. Mithr. 93. Ср.: Cic. Leg. Manil. 33; Plut. Pomp. 24; Vell. II. 32. 2; Flor. I. 41. 6; Dio Cass. XXXVI. 22. 1–2). Вскоре под угрозой оказались и морская торговля, и продовольственное снабжение Рима [4. С. 206].

Наиболее мощный удар по пиратским объединениям нанес в 67 г. до н.э. Гней Помпей Магн, получивший на основании закона Габиния экстраординарный империй с чрезвычайными полномочиями. Под его командование перешло все Средиземное море и прибрежные районы примерно на 75 км вглубь материка. Кроме того, он получил в свое распоряжение практически неограниченные материальные средства, право осуществлять набор войск и флот из 500 кораблей. За несколько недель благодаря смелым и решительным действиям Помпею удалось разгромить пиратские эскадры и восстановить безопасность морских коммуникаций в Средиземноморье (Cic. Leg. Manil. 34–35; Flac. 29; App. Mithr. 95; Vell. II. 32. 4–5; Flor. I. 41. 15; Strabo. XIV. 3. 3). Мало того: великий полководец боролся с пиратством не только военными, но и вполне мирными методами. Как пишет Веллей Патеркул, Помпей «свел остатки пиратов в отдаленные от моря города, назначив им определенные места обитания... Ведь дав возможность пиратам жить без грабежа, он удержал их от разбоев» (Vell. II. 32. 5–6. Пер. А.И. Немировского и М.Ф. Дашковой. Ср.: Dio Cass. XXXVI. 37. 5; Plut. Pomp. 28). Действия Помпея вполне можно рассматривать как образец «примирительной социальной политики» Рима [3. Р. 77–78]. Однако в дальнейшем местные римские власти стали сгонять бывших пиратов с земли (Cic. Att. XVI. 1. 3), и постепенно пиратский

промысел в Средиземноморье вновь расцвел пышным цветом (Cic. Leg. agr. II. 80; Dio Cass. XXXIX. 56. 1; 56. 5; 59. 2). Таким образом, даже грандиозная по своему размаху и задействованным в ней силам и средствам акция Помпея Магна не пресекла на корню застарелое зло. По иронии судьбы 25 лет спустя благодаря действиям сына великого полководца, Секста Помпея Магна, создавшего пиратское государство на Сицилии, Сардинии и Корсике, «открытое пиратство вновь распространилось по морю» (App. Bell. Civil. V. 77. Пер. А.И. Тюменева. Ср.: Vell. II. 73. 3; Flor. II. 18. 2; Manil. Astron. I. 919–921).

Как пираты и философы становились тиранами

Одним из тех «многочисленных тиранов», о которых упоминает Страбон (XIV. 5. 10), был Зеникет [8. S. 1200–2502]. Этот удачливый и дерзкий предводитель киликийских пиратов где-то на рубеже II–I вв. до н.э. сумел подчинить своей власти все восточное побережье Ликии — как пишет Страбон, «ему были подвластны Корик, Фаселида и много местностей в Памфилии» (XIV. 5. 7), — и даже принял царский титул [9. С. 133, прим. 9]. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что Зеникет позиционировал себя как суверенного правителя, и тому были веские основания: какое-то время при помощи подвластных ему пиратских эскадр этому новоявленному «царю» удавалось контролировать важнейшие торговые пути на море от Кипра до Киклад. «Столицей» пиратской империи Зеникета стал захваченный им город Олимп — один из шести главных городов Ликийского койнона, традиционно являвшегося весьма влиятельным в регионе политическим и религиозным объединением (Strabo. Loc. cit.). Став резиденцией Зеникета, Олимп вышел из состава Ликийского койнона. По мнению М.Г. Абрамзона, «владея горой Солимой, Зеникет обезопасил себя от нападения с суши; с другой стороны, его безопасность гарантировалась союзом с киликийскими пиратами на море» [1. С. 69].

Из-за того, что в ходе противостояния Рима и Митридата VI Эвпатора Зеникет принял сторону последнего, его владения стали одним из приоритетных объектов для карательных действий римских войск в ходе упомянутой военной акции проконсула Киликии Публия Сервилия Ватии. В 78/77 г. до н.э. Сервилий взял штурмом, разграбил и разрушил Олимп, а сам Зеникет, исчерпав все возможности к сопротивлению, покончил с собой. Страбон сообщает на сей счет кое-какие подробности: «На горных вершинах Тавра лежат пиратское укрепление Зеникета и Олимп — гора⁴ и одноименная крепость, откуда можно видеть всю Ликию, Памфилию, Писидию и Милиаду. После взятия горы Сервилием Исаврийским Зеникет сжег себя и весь свой

⁴ Гора Олимп, или Ликийский Олимп (совр. Тахталы-Даг) также называлась Феникунт (высота — 2375 м).

дом (πανοίκιον)» (loc. cit.). Здесь πανοίκιον означает «со всем своим окружением», т.е. имеются в виду соратники Зеникета, которые, как пишет Плутарх, «справляли в Олимпе странные, непонятные празднества и совершали какие-то таинства; из них до сих пор еще имеют распространение таинства Митры, впервые введенные ими» (Rompr. 24). Видимо, в данном случае имело место ритуальное самоубийство, ведь известно, что в обрядовой практике митраизма присутствовали мотив ритуальной смерти, «очищения огнем» и даже т.н. «мужской экстремизм», ведь женщины к участию в митраистских таинствах не допускались [10. С. 67–68, 74–75].

Современником пирата Зеникета был философ Лисий, захвативший власть в Тарсе и правивший этим городом примерно в 83–69 гг. до н.э. За исключением той информации, которую сообщает о Лисии Афиней (V. 54. b–c), мы ничего о нем не знаем. Что же пишет Афиней? По его словам, «в Тарсе тираном стал [другой] философ, эпикуреец по имени Лисий. Когда родной город избрал его „венценосцем“ (так называли жрецов Геракла), он не сложил [по истечении срока] свои полномочия, но захватил власть и прямо из плаща переоделся в пурпурный хитон с белыми полосами, набросил поверх дорогую всадническую накидку, обулся в белые лаконские башмаки, голову увенчал золотым лавровым венком. Имущество богатых он раздавал беднякам и многих сопротивлявшихся казнил» (loc. cit. Пер. Н.Т. Голинкевича). Тарс был богатым и многолюдным городом (Strabo. XIV. 5. 13). Возникает закономерный вопрос: каким образом не пират и военачальник, а жрец и философ сумел захватить и, главное, удержать власть в городе? Во-первых, несомненно, еще до переворота Лисий, занимая жреческую должность, обладал — благодаря своей знатности и богатству — тем авторитетом и влиянием, которые снискали ему поддержку горожан. Во-вторых, проводимая Лисием социальная политика, о которой вскользь упомянул Афиней, должна была обеспечить ему популярность среди беднейших слоев населения. Если Зеникету хватило наличных сил для создания небольшого пиратского государства, царем которого он стал, то Лисий ограничился Тарсом с пригородами, где он провел ряд социальных преобразований в духе преданий о «золотом веке», когда не было богатых и бедных [11. Bd. I.S. 429–430; Bd. II. S. 723]. Правление Лисия в Тарсе — редкий в античной истории пример того, как философ сумел не только оказаться на вершине власти, но и удержаться там на несколько лет.

Весьма активную роль в малоазийской политике Рима с 64 г. до н.э. играл киликиец Таркондимот, сын Стратона, ставший по милости римлян правителем Киликии Педиады [12. S. 195–211; 13. С. 187–191; 14. Р. 161–162; 15. С. 381–384]. По мнению М.Г. Абрамзона, его происхождение «было связано либо с землевладельческой аристократией, либо с жречеством, либо же с династией, правившей на Амане с незапамятных времен» [1. С. 166]. В молодости Таркондимот был пиратом (Lucan. IX. 222–224). Видимо, в 67 г. до н.э., когда Помпей разгромил эскадры и базы киликийцев, Таркондимот сдался

в плен и стал клиентом великодушного победителя, который имел полное право распять всех пленных на крестах: равными себе противниками римляне пиратов не считали. Во всяком случае, уже в 64 г. до н.э. Таркондимот получил от щедрот Помпея титул топарха (Plin. Nat. Hist. V. 93), т.е. правителя сравнительно небольшой области. Как отмечает М.Г. Абрамзон, «Таркондимот управлял северной частью Амана; его владения включали в себя также порты, расположенные где-то на побережье Исского залива» [1. С. 95]. Цицерон характеризует этого вассального правителя как «*fidelissimus socius trans Taurum amicissimusque populi Romani* (самого верного союзника по ту сторону Тавра и самого большого друга римского народа)» (Fam. XV. 1. 2. Пер. В.О. Никишина). Разумеется, Таркондимоту приходилось менять покровителей в зависимости от изменений политической конъюнктуры. Будучи клиентом Помпея, во время войны последнего с Цезарем он привел на помощь своему патрону сильный флот (Dio Cass. XLI. 63. 1). Несмотря на это, после поражения и гибели Помпея Цезарь простил Таркондимота, сохранив за ним его владения.

В 42 г. до н.э. Гай Кассий Лонгин вынудил топарха заключить с ним союз (Dio Cass. XLVII. 26. 2). После разгрома республиканцев при Филиппах триумвиры по непонятной причине не стали мстить Таркондимоту: в 39 г. до н.э. Марк Антоний сделал его царем (Strabo. XIV. 5. 18). Вероятно, в целом распорядительность нового вассального царя как администратора вполне устраивала нового хозяина римского Востока; кроме того, надо полагать, опытный политик, каковым, несомненно, являлся Таркондимот, сделал все от него зависящее для того, чтобы уверить Антония в полной своей лояльности. Итогом всей этой дипломатии стало официальное наречение царя Таркондимота «Филантонием» (т.е. «приятелем Антония»), о чем свидетельствует легенда на его бронзовой монете (RPC I. 3871)⁵. Столицей царства Таркондимота I Филантония стал город Гиераполис-Кастабала. Вассальный царь и его сыновья поддержали Антония в его борьбе с Октавианом (Dio Cass. LI. 7. 4). В 31 г. до н.э. Таркондимот привел свой флот на помощь Антонию и погиб в стычке накануне битвы при Акции (Flor. II. 13. 5; Dio Cass. XLI. 63. 1; L. 14. 2; Plut. Ant. 61).

Сыном и наследником Таркондимота I Филантония был Таркондимот II Филопатор⁶. После битвы при Акции Октавиан не позволил ему

⁵ RPC I — Roman Provincial Coinage. Vol. I. From the death of Caesar to the death of Vitellius (44 BC — AD 69). London, 1992.

⁶ Существует множество вариантов генеалогической стеммы династии Таркондимота I [16. Р. 91, п. 64]. Так, М.Г. Абрамзон считает, что Таркондимоту I наследовали его сыновья, Филопатор I и Таркондимот II, после которых престол занял Филопатор II — племянник Таркондимота II (сын Юлии, дочери Таркондимота I). Вместе с тем исследователь допускает, что Филопатор I и Филопатор II — это одно и то же лицо [1. С. 177]. Последней версии придерживаемся и мы.

унаследовать отцовский престол (Dio Cass. LI. 2. 2). Бывшими владениями Таркондимота I управлял, скорее всего, наместник Сирии. В 20 г. до н.э. благодаря дипломатическому компромиссу произошло политическое урегулирование между Римом и Парфией: царь Фраат IV вернул римские знамена и пленных, признав Армению зоной римского влияния. В результате на Востоке воцарился прочный мир. К тому времени Август давно уже убедился в лояльности Таркондимота II Филопатора, поэтому, восстановив царство Таркондимота I, он разрешил сыну занять отцовский трон [1. С. 85; 17. С. 20. О Таркондимоте II см.: 12. S. 209–211; 13. P. 191; 14. С. 162–163; 15. P. 384–385]. По сообщению Диона Кассия, Август передал Таркондимоту II «царскую власть в Киликии, которой владел его отец, за исключением отдельных приморских областей» (Dio Cass. LIV. 9. 2. Пер. под ред. А.В. Махлаюка). «Приморские области» — это, вероятно, территории в Горной Киликии и прилегающие острова [18. С. 173, прим. 87]. Новый вассальный царь получил от Августа римское гражданство [16. С. 92]. Он, как и его отец, чеканил бронзовую монету (RPC I. 3872). После смерти Таркондимота II Филопатора (20 г. до н.э. — 17 г. н.э.) его царство перестало существовать (Dio Cass. LIV. 9. 2; LI. 2. 2; Tac. Ann. II. 42) [18. С. 173, прим. 87].

О происхождении исавра Антипатра, сына Перелая, нет достоверных сведений: возможно, он принадлежал к местной знати [1. С. 120]. Вместе с тем, как сообщает Страбон, Антипатр был пиратом (XII. 1. 4) и тираном (XII. 6. 3). Таким образом, перед нами еще один малоазиатский разбойник (греч. ὁ ληϊστής, лат. *leistes*), добившийся политической власти. И вот с этим-то разбойником узами дружбы (*familiaritas*) и гостеприимства (*hospitium*), как оказывается, был связан сам Цицерон (Cic. Fam. XIII. 73. 2)! Возникает резонный вопрос: мог ли Цицерон, респектабельный римский политик и адвокат, водить дружбу с пиратом и тираном? Разумеется, нет. Поэтому дело, по всей видимости, обстояло следующим образом: захватив Дербу и Ларанду — города, расположенные между Исаврией и Кибистрами в Южной Ликаонии (Cic. Fam. XIII. 73. 2; Strabo. XII. 1. 4; XIV. 5. 24), Антипатр взял под свой контроль торговый путь из Азии в Сирию [1. С. 121]. После этого римский сенат вступил с ним в переговоры, в результате чего пират и тиран Антипатр стал «другом и союзником» Рима. Насколько можно судить, правление Антипатра продолжалось не менее двух десятилетий. В 36 г. до н.э. внук галатского царя Дейотара I, Аминта, тоже «друг и союзник римского народа», захватил Дербу, взял Антипатра в плен и казнил его (Strabo. XII. 1. 4; 6. 3).

Клеон, «главарь разбойничьих шаяк» (Strabo. XII. 8. 8), занимался разбоем в районе Малого Олимпа на границе Мизии и Вифинии. Со временем «от разбойника Клеон возвысился до положения властителя» (*ibid.* 9). Сначала он поддерживал Антония, но в битве при Акции перешел на сторону Октавиана, который осыпал его своими милостями [17. С. 50]. В итоге Клеон «был не только жрецом Абреттенского Зевса (мисийского божества),

но владел также частью Морены (эта местность относится к Мисии, как и Абреттена), а под конец получил даже жреческую должность в Команах на Понте» (loc. cit.). Речь идет об исключительно почетном сане теократа Команы Понтийской, т.е. верховного жреца культа богини Ма. Через месяц после вступления в должность Клеон скоропостижно скончался (loc. cit.). Успел ли он получить от Августа римское гражданство, остается под вопросом [16. С. 95].

Заключение

То, что в I в. до н.э. «разбойничьи государства» одно за другим возникали в Малой Азии, неслучайно: этому благоприятствовал в первую очередь местный ландшафт — к примеру, горы Тавра. Кроме того, такие области, как Киликия, Памфилия, Исаурия и Ликаония, в эту эпоху расцвета пиратства пользовались сомнительной славой самых «разбойничьих» районов греко-римского Средиземноморья. В целом ряде случаев предводители пиратов захватывали города с сельской округой, создавали буферные государства, становились тиранами и даже порой провозглашали себя царями. В глазах римских политиков все эти «цари» и династы были «разбойниками», *latrones*, поскольку опирались на частные вооруженные формирования. Однако отношение Рима к таким персонажам зависело главным образом от того, чью сторону они выбрали во время гражданской войны. То же можно сказать и об эпикурейце Лисии — единственном интеллектуале, оказавшемся в этой довольно пестрой «компании» авантюристов, разными способами пришедших к власти в малоазийских гражданских общинах в переломный для Римской средиземноморской державы период.

Список литературы

1. *Абрамзон М.Г.* Римское владычество на Востоке: Рим и Киликия (II в. до н.э. — 74 г. н.э.) : монография. СПб. : Акра, ИЦ «Гуманитарная Академия», 2005. EDN: RTFFDP
2. *Смыков Е.В.* Марк Антоний Критский — ординарный человек с неординарными полномочиями // *Studia historica, historia medieval*. 2012. Т. 12. С. 105–118. EDN: XWSDBJ
3. *Grünwald Th.* Bandits in the Roman Empire: myth and reality. London ; New York : Routledge, 2004.
4. *Arslan M.* Piracy on the Southern Coast of Asia Minor and Mithridates Eupator // *Olba*. № 8. 2003. P. 189–213.
5. *Ormerod H.A.* Piracy in the Ancient World. An Essay in Mediterranean History. Liverpool : Liverpool University Press, 1924.
6. *Ormerod H.A.* The Campaigns of Servilius Isauricus against the Pirates // *The Journal of Roman Studies*. 1922. Vol. 12. P. 35–56. <https://doi.org/10.2307/296170>
7. *Magie D.* Roman rule in Asia Minor to the end of the Third Century after Christ. Vol. II. Princeton : Princeton University Press, 1950.
8. *Gundel H.S.v.* Zeniketes // *Paulys Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft*. 1967. Bd. IX A. 2. Hbd. 18. S. 2500–2502.

9. Приходько Е.В. Сура — ликийское поселение с оракулом по рыбам. Ч. 1. Миры и Сура: история и руины // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2016. Т. 13. С. 127–192. EDN: YACQCN
10. Иванов П.В. Распространение митраизма как проявление маскулинных тенденций в религиозной жизни поздней Римской империи // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2004. № 4 (36). С. 64–75. EDN: NDEIJV
11. Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. Bd. I–II. München : Verlag C.H. Beck, 1967.
12. Hoben W. Untersuchungen zur Stellung kleinasiatischer Dynasten in den Machtkämpfen der ausgehenden römischen Republik. Diss. Mainz, 1969.
13. Sullivan R.D. Near Eastern Royalty and Rome, 100–30 B.C. Toronto : University of Toronto Press, 1990.
14. Syme R. Tarcondimotus // Anatolica. Studies in Strabo / ed. by A.R. Birley. Oxford : Clarendon Press, 1995.
15. Tobin J. The Tarcondimotid Dynasty in Smooth Cilicia // La Cilicie. Espaces et pouvoirs locaux (IIe millénaire av. J.-C. — IVe siècle ap. J.-C.). Actes de la Table Ronde d'Istanbul, 2–5 Novembre 1999 / ed. by É. Jean, A.M. Dinçol, S. Durugönül. Istanbul, 2001. P. 381–387.
16. Raggi A. The First Roman Citizens Among Eastern Dynasts and Kings // Kingdoms and Principalities in the Roman Near East / ed. by T. Kaizer and M. Facella. Stuttgart, 2010. P. 81–97.
17. Федина Ю.А. Восточные союзники и amici Октавиана в гражданских войнах 40–30-х гг. до н.э // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 2 (32). С. 18–24. EDN: NZVHNF
18. Кассий Дион Коккейан. Римская история. Кн. LI–LXIII / пер. с древнегреч. под ред. А.В. Махлаюка. СПб. : Нестор — История, 2014.

References

1. Abramzon MG. *Rimskoe vladychestvo na Vostoke: Rim i Kilikiya (II v. do n.é. — 74 g. n.é.)* [Roman rule in the East: Rome and Cilicia (2nd century BC — 74 AD)]. Saint Peterburg: Akra, IC Gumanitarnaya Akademiya publ., 2005. (In Russ.). EDN: RTFFDP
2. Smykov EV. Mark Antony of Crete — an ordinary man with extraordinary powers. *Studia Historica, Historia Medieval*. 2012;12:105–118. (In Russ.). EDN: XWSDBJ
3. Grünewald Th. *Bandits in the Roman Empire: Myth and Reality*. London; New York: Routledge; 2004.
4. Arslan M. Piracy on the Southern Coast of Asia Minor and Mithridates Eupator. *Olba*. 2003;(8):189–213.
5. Ormerod HA. *Piracy in the Ancient World. An Essay in Mediterranean History*. Liverpool: Liverpool University Press; 1924.
6. Ormerod HA. The Campaigns of Servilius Isauricus against the Pirates. *Journal of Roman Studies*. 1922;12:35–56. <https://doi.org/10.2307/296170>
7. Magie D. *Roman rule in Asia Minor to the end of the Third Century after Christ*. Vol. II. Princeton: Princeton University Press; 1950.
8. Gundel H.S.v. Zeniketes. In: *Paulys Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft*. 1967. Bd. IX A. 2. Hbd. 18: 2500–2502.
9. Prikhodko EV. Sura — the Lycian settlement with a fish oracle. Part 1. Myra and Sura: the history and the ruins]. *Aristeas. Vestnik klassicheskoy filologii i antichnoy istorii*. 2016;13:127–192. (In Russ.). EDN: YACQCN
10. Ivanov PV. Spreading Mithraism as a Manifestation of Masculine Tendencies in the Late Roman Empire. *Tamov University Review. Series: Humanities*. 2004;(4):64–75. (In Russ.). EDN: NDEIJV
11. Berve H. *Die Tyrannis bei den Griechen*. Bd. I–II. München: Verlag C.H. Beck; 1967.

12. Hoben W. *Untersuchungen zur Stellung kleinasiatischer Dynasten in den Machtkämpfen der ausgehenden römischen Republik*. Diss. Mainz; 1969.
13. Sullivan RD. *Near Eastern Royalty and Rome, 100–30 B.C.* Toronto: University of Toronto Press; 1990.
14. Syme R. Tarcondimotus. In: Birley AR, ed. *Anatolica. Studies in Strabo*. Oxford: Clarendon Press; 1995:162–163.
15. Tobin J. The Tarcondimotid Dynasty in Smooth Cilicia. In: É. Jean, A.M. Dinçol, S. Durugönül, editors. *La Cilicie. Espaces et pouvoirs locaux (IIe millénaire av. J.-C. — IVe siècle ap. J.-C.). Actes de la Table Ronde d'Istanbul, 2–5 Novembre 1999*. Istanbul, 2001: 381–387.
16. Raggi A. The First Roman citizens among Eastern Dynasts and Kings. In: T. Kaizer and M. Facella, eds. *Kingdoms and Principalities in the Roman Near East*. Stuttgart, 2010: 81–97.
17. Fedina YuA. Eastern allies and amici of Octavian in the civil wars of the 40–30s BC]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2011;32(2):18–24. (In Russ.). EDN: NZVHNF
18. Cassius Dio Coccaeanus. *Rimskaya istoriya* [Roman History]. Books LI–LXIII. Translation from ancient Greek edited by A.V. Mahlayuk. Saint Peterburg: Nestor — Istoriya publ.; 2014. (In Russ.).

Информация об авторах:

Гвоздева Инна Андреевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира, исторический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119234, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, e-mail: innagvozdeva44@mail.ru ORCID: 0000-0001-6075-9033. SPIN-код: 9189-1625.

Никишин Владимир Олегович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира, исторический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119234, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, e-mail: cicero74@mail.ru ORCID: 0000-0003-2209-5357. SPIN-код: 8961-2880.

Information about authors:

Inna A. Gvozdeva — PhD in Historical Sciences, Associate professor, Department of History of the Ancient World, Faculty of Historical Sciences, Lomonosov Moscow State University, 27 Lomonosovsky Avenue, bldg. 4, Moscow, 119234, Russian Federation, e-mail: innagvozdeva44@mail.ru ORCID: 0000-0001-6075-9033. SPIN-code: 9189-1625.

Vladimir O. Nikishin — PhD in Historical Sciences, Associate professor, Department of History of the Ancient World, Faculty of Historical Sciences, Lomonosov Moscow State University, 27 Lomonosovsky Avenue, bldg. 4, Moscow, 119234, Russian Federation, e-mail: cicero74@mail.ru ORCID: 0000-0003-2209-5357. SPIN-code: 8961-2880.

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-2-201-210

EDN: WEFBWX

Научная статья / Research article

Почитание императора в образе Собека-Сухоса в римском Египте

С.А. Качан

Независимый исследователь, Москва, Российская Федерация

✉ sergey-md@list.ru

Аннотация. Исследование посвящено изучению проблемы отождествления римского императора и бога Собека. Актуальность этого вопроса заключается в отсутствии специального исследования, отражающего указанную проблему. Основным методом стало сравнение папирусных и храмовых текстов, а также визуальной репрезентации римских правителей и бога Собека, в которых отражается проблема отождествления императора и крокодилового бога. Данный материал показывает, что, согласно представлениям египтян, римский император в образе солярного божества Собека способствовал пере рождению мира, умиротворению населения, выступал как защитник Египта. При этом в I–II вв. культ императора, почитавшегося в образе Собека, эволюционировал от сложившегося при Августе образа правителя, утверждающего вечность своего правления, до представления о том, что Египтом правит бог Собек, который утверждает свою власть через образ императора.

Ключевые слова: Хор, Гелиос-Ра, Осирис, римский императорский культ, Pax Romana, Октавиан Август, Клавдий

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 19.08.2025; принята к публикации 13.12.2025.

Для цитирования: Качан С.А. Почитание императора в образе Собека-Сухоса в римском Египте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 2. С. 201–210. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-2-201-210> EDN: WEFBWX

© Качан С.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The worship of the emperor in the image of Sobek-Souchos in Roman Egypt

Sergey A. Kachan

Independent Researcher, *Moscow, Russian Federation*

✉ sergey-md@list.ru

Abstract. This study is devoted to the problem of the identification of the Roman emperor and god Sobek. The relevance of this issue lies in the fact that there is still no special scientific research devoted to this problem in academia. The main method was the comparison of papyrus and temple texts, as well as the visual representation of Roman rulers and the god Sobek which reflect the issue of identifying the emperor with the crocodile-headed deity. The material presented demonstrates that, according to the beliefs of the Egyptians, the Roman emperor, portrayed in the image of the solar god Sobek, was believed to facilitate the rebirth of the world, pacify the population, and act as the protector of Egypt. Furthermore, during the 1st and 2nd centuries, the cult of the emperor, venerated in the form of Sobek, underwent an evolution. It shifted from the image of a ruler affirming the eternity of his reign under Augustus to the notion that Egypt was governed by the god Sobek, who asserted his authority through the emperor's image.

Keywords: Horus, Helios-Ra, Osiris, Roman imperial cult, Pax Romana, Octavian Augustus, Claudius

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 19.08.2025; accepted 13.12.2025.

For citation: Kachan SA. The worship of the emperor in the image of Sobek Souchos in Roman Egypt. *RUDN Journal of World History*. 2026;18(2):201–210. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-2-201-210> EDN: WEFBWX

Введение

В греко-римском Египте на образы традиционных египетских божеств оказывали влияние культы божеств Греции и Рима. Эти метаморфозы происходили и с образом крокодилового бога Собека-Сухоса, с которым традиционно правитель Египта отождествлялся или сопоставлялся. В греко-римскую эпоху Собека контаминировался с другими богами, пока не стал вселенским божеством [1. С. 1010]. В Египте римского времени прослеживалась связь образов вселенского крокодилового бога и императора, оказывающего воздействие на иконографию этого божества и сопоставляющегося с ним. Это обстоятельство подводит нас к исследованию вопросов: образы каких божеств оказали влияние на иконографию Собека-Сухоса, которому придавались императорские черты и какие египетские религиозные представления вошли в основу и какие новшества в почитании правителя в образе Собека появились в I–II вв. в римском Египте?

Римский император в образе Собека-Сухоса

В римском Египте Собе́к-Сухос мог быть изображен с иконографическими чертами императора. На терракотовом панно из Фаюма II в. указанное божество представлено в антропоморфном образе фронтально с солнечным гало вокруг головы, правая рука поднята в знак приветствия, левая — держит крокодила. На голове божества помещен головной убор в виде бараньих рогов, на которые водружены солнечный диск и два пера. Над головой Собека находится венки. Фигура бога одета в хлами́ду, которая застегнута пряжкой на правом плече (Египетский музей, Берлин. Инв. № 10314) [2. Taf. 13. Abb. 2; 3. Fig. 9]. Параллелью этому изображению может служить известняковая статуэтка Хора в римской униформе: на голове у бога корона царя Верхнего и Нижнего Египта и венки, за головой расположено лучистое солнечное гало (Египетский музей, Каир; инв. № JE 66143) [4. Fig. 24.3]. Наличие римской военной униформы в иконографии сокологолового бога говорит об отождествлении этого божества с императором, который мыслился в качестве земного воплощения бога Хора [5]. Собе́к отождествлялся с Хором, начиная со Среднего Царства вплоть до греко-римской эпохи, когда оба бога рассматривались как единое божество с именем «Собе́к Шедитский (Šd.tj) — Хор, находящийся в Шедит (ḥrj-jb Šd.t)», присутствующим в текстах храмов Ком-Омбо и Фаюма [2. S. 229–230]. Бог Собе́к, перенимая черты Хора, воспринимал его царственную сущность и проявлял себя как божественное олицетворение государя [2. S. 267]. Поэтому наделение Собе́ка солярной иконографией, обнаруживающей сходство с образом Хора, становится проявлением царских черт в изображении крокодилового бога, который, наряду с Хором, выступает в качестве божества военной победы. Так, в храме Ком-Омбо в надписях римского времени крокодиловоглавый бог выступал как «Собе́к, господин Омбоса, великий бог, господин войска» (Sbk nb Nbj.t ntr ʿ nb mšʿ) [6. Pl. 62]. А в изображении птолемеевского времени в этом же храме Собе́к был в качестве «господина Омбоса, сына Нуна, сына Ра, возлюбленного им и людьми, Хора прекрасного, низвергающего врагов своих» (nb Nbj.t sʿ Nwn sʿ Rʿ mrjʿf rhj.t Ḥr nfr šhr ḥftj.wʿf) [6. Pl. 544]. Таким образом, отождествление Собе́ка и Хора, тесно связанное с военными функциями этих божеств, повлияло на иконографию крокодилового бога с императорскими чертами и стало формой легитимизации власти римского правителя в Египте.

Наличие хлами́ды в образе Собе́ка на фаюмском панно также могло указывать на военный характер этого божества. Многие греческие авторы использовали термин «хлами́да» (χλαμίδα τὴν βασιλικήν) (Herod. III.7.3; Dio Cass. LXXVI.6.7) как простой перевод слова «палудаментум» — военный плащ, который с начала принципата был неременным атрибутом императорского образа [7. С. 80]. Также пряжка и поднятая рука, имитирующая приветствие *adlocutio*, являлись компонентами иконографии римского владыки. Все эти черты указывали на тесную связь образов императора и Собе́ка,

через которого утверждалось господство римского правителя как верховного носителя военной власти (*imperiū*).

Солярный образ Собека на фаюмском панно мог быть связан с влиянием иконографии бога Гелиоса, изображения которого были широко представлены в Египте [8. Р. 860–864. Fig. A.1–A.5] и обнаруживают сходство с антропоморфным Собеком иконографические черты (например, бюст Гелиоса из Оксириха с солнечным гало вокруг головы (Бруклинский музей. Инв. № 62.148 [8. Fig. A.1. 23])). Появлению солнечных черт в изображении Собека мог способствовать образ солярного бога Ра, с которым в римское время отождествлялся крокодилоголовый бог (PGM. XII. 236; Clem. Alex. Strom. V. 7. 41. 2–3), выступающий как «Собек-Ра, господин кожи (крокодила)» (Sbk-R' nb jnm) [6. Pl. 109].

В солярную иконографию Собека-Сухоса свой вклад мог внести также образ Осириса, который традиционно выступал как потустороннее солнце [9. С. 62], а в греко-римское время отождествлялся с Собеком, образуя синкретическое божество — Осирис-Сухос (Ὁσὶρσοῦχεωϝ) (Р. Kellis. 96.150.7) [10. С. 602]. Образ Осириса как солярного божества в гробницах римского времени влиял на иконографию покойных, которые традиционно отождествлялись с Осирисом и изображались с солнечным диском вокруг головы [11. Р. 223. Fig. 110]. Отождествление Собека и Осириса уходит корнями в заупокойные тексты фараоновского времени, в котором покойный, называя себя именем Собека, приобретал его функции [2. S. 272–273], и крокодилоголовый бог становился помощником усопшего. Таким образом, солярная иконография Собека, связанного с Осирисом, на фаюмском панно могла указывать на загробные функции этого божества, а его отождествление с образом императора делало римского правителя защитником египетских подданных в Загробном мире.

Придание императорских черт солярному образу Собека уходило корнями в древнеегипетскую традицию почитания царя как сына бога Ра или как живого воплощения солнечного божества на земле. В храмах Египта римские императоры носили титул «сын Ра» (s' R'), а их функции были тесно связаны с солнечными божествами — Хором, Ра и др. Отождествление Собека на фаюмском панно с Ра-Гелиосом, Хором и Осирисом говорит о вселенском характере этого бога, что сочеталось с представлением об императоре как правителе всей ойкумены (Verg. Aen. 1. 286–287), объединяющем под своей властью покоренные народы (Strabo. I. 1. 16).

Солярный образ Собека-Сухоса схож с солнечной иконографией императоров. Например, на 3-м году правления Калигулы (38/39 г.) в Александрии были выпущены монеты: на аверсе — бюст императора с лучистой короной на голове (легенда — ΓΑΙΟΥ), реверс — изображение месяца (RPC. I. 5106) [12. С. 699]. При Нероне в Александрии также были выпущены бронзовые тетрадрахмы (14-й год правления — 67/68 г.):

аверс — бюст римского правителя с лучистой короной на голове и эгида (легенда — ΝΕΡΩ(N) ΚΛΑΥ(ΔΙΟΣ) ΚΑΙΣ(ΑΡ) ΣΕΒ(ΑΣΤΟΣ) ΓΕΡ(MΑΝΙΚΟΣ) ΑΥ(ΤΩΚΡΑΤΩΡ)), реверс — речная барка (легенда — ΣΕΒΑΣΤΟΦΟΡΟΣ) (RPC. I. 5306) [12. С. 710]. Солярная иконография императоров отражала претензии Калигулы и Нерона на их прижизненное обожествление [13. С. 166] и могла стать образцом для изображения антропоморфного Собека, отождествленного с образом императора, на фаюмском панно.

Итак, изображение антропоморфного Собека-Сухоса с солярными чертами на терракотовом панно из Египетского музея Берлина могло находиться под влиянием черт Гелиоса-Ра, солнечного божества, Осириса, воплощения потустороннего солнца, и Хора, являющегося солярным божеством, отождествляемым с императором и включающим в свой образ римскую военную униформу. Изображение Собека демонстрирует победоносный характер этого божества, соответствует победному образу римского правителя (Р. Оху. XII. 1449), проявляет общие черты с солярной иконографией императоров на александрийских монетах. Образ Собека на фаюмском панно также, вероятно, испытал на себе влияние иконографии Зевса: Собек представлен в полностью антропоморфном виде, а вместо молнии, атрибута Зевса, он держит крокодила [3. С. 143].

Появление изображения Собека, включавшее египетские и греко-римские элементы, стало результатом циркуляции культурных идей в рамках общеримского койне, в котором при участии провинциальных элит Римской империи [14] происходил синтез местных и греко-римских культурных элементов [15]. В этих условиях в Египет проникали греко-римские культы, которые сочетались с египетскими верованиями, что приводило к появлению синкретических богов [16], черты которых уходили корнями в разные религиозные традиции. Религия, таким образом, становилась носителем «культурной памяти» народов, подчиненных Риму [17], и влияла на имперскую идеологию. В условиях «живой религии» группы или отдельные индивиды сами выбирали способы почитания божеств, адаптируя знакомые им формы поклонения богам, имевшие разное религиозное происхождение [18. Р. 272–295], и формировали победоносный образ римского правителя [19], отождествленного с богом Собеком.

Взаимосвязь образов императора и Собека обнаруживается в начале эпохи принципата. Несмотря на то, что император Август, находясь в Египте, отказался почитать священных животных (Dio Cass. LI. 16.), он в Хоровом имени представлен как «защитник священных животных»: «Совершил он (т.е. Август) жертвоприношения перед богами и защитил он всех священных животных» (rdj.n=f ḥtp.w-ntr n ntr.w ḥwj.n=f 'w.t nb.t ntrj.t) (храм Калабши) [20. S. 416. Н7]. Образ императора, совершающего ритуал перед богом Собеком, представлен в храме Ком-Омбо, в котором римский правитель выступал в традиционной роли фараона как посредника между богами и людьми:

«Прекрасные деяния царя Верхнего и Нижнего Египта, господина Двух Земель, Автократора (императора), сына Ра, господина воссияний, Цезаря, для отца его благородного, Собека, господина Омбоса» (nfr jrj n nsw-bjty nb tꜥ.wy 3wtkrtr sꜣ Rꜥ nb ḥꜥ(w)¹ Kysꜣrs n jtfꜥf šps Sbk nb Nbj.t) [6. Pl. 96]. В этом тексте обыгрывается представление о богосыновстве императора, божественным отцом которого выступает бог Собе́к.

В Фаюме на стеле (I. Fayum I. 73), воздвигнутой в знак завершения строительства храмовой стены, император Август изображен в смешанном образе — в антропоморфном виде с головой барана — и представлен совершающим ритуал перед богом Собеком-Сухосом, у которого тело крокодила и голова сокола [21. Abb. 2]. Посвятительная надпись к этому изображению гласит: «ὕπερ Καίσαρος Ἀυτοκράτορος θεοῦ ἐκ θεοῦ ἡ οἰκοδομή τοῦ περιβόλου τῷ θεῷ καὶ κυρίῳ Σοκνοπαίῳ παρὰ τῶν ἐκ Νείλου πόλεως προβατοκτηνοτρόφων καὶ τῶν γυναικῶν καὶ τῶν τέκνων εὐχὴν ἔτους ζ' Καίσαρος, Φαμενὼθ κ'» (Ради императора Цезаря, бога и сына бога, строительство этой окружной стены (было посвящено) богу и владыке Сокнопею скотоводами из Нилополя, их женами и детьми. 6-й год правления Цезаря, 20-й день (месяца) Фаменот) (OGIS 655). Август на фаюмской стеле изображен с головой барана, что могло быть отсылкой к образу греко-египетского бога Аммона [21. S. 72], а также к образу Собека Шедитского, который в период Нового царства изображался в храме Мединет Хабу с головой барана и даровал, наряду с Хатхор Шедитской, вечность правления царю Рамзесу III: «Дается тебе вечность жизни и власти» (dj.(tw) nꜥk ḥḥ m 'nh wꜣs) [2. Taf. 7. Abb.2]. Итак, иконография Августа на фаюмской стеле могла указывать на уподобление первого императора богу Собеку-Аммону, который обеспечивал вечность правления владыке Рима, совершающему ритуал перед этим божеством. Это представление продвигалось членами частной религиозной ассоциации, которые установили эту стелу, и было проявлением лояльности жителей Египта, инкорпорирующим образ правителя в религиозную систему долины Нила. Возможно, что в такие религиозные ассоциации входили традиционные египетские жрецы, которые почитали «бога дважды величайшего (т.е. Сухоса) в Сокнопаиу» (Σοκνοπαίου θεοῦ μεγάλου μεγάλου) и были одновременно жрецами «святилища Цезаря, бога Августа» (ναοῦ Καίσαρος θεοῦ Σεβαστοῦ) (SB 12. 10883. 3–17). Необходимо отметить также, что изображение первого императора, совершающего ритуал перед священным крокодилом Собеком-Сухосом, было подражанием Александру Македонскому [21. S. 72–73], который принес жертвы священному быку Апису (Arr. Anab. III. 1. 3–4) и почитал бога Аммона.

¹ Необходимо отметить, что термин «воссияние» (ḥꜥ(w)) выписан знаком крокодила, что подчеркивает солярную сущность Собека и ее связь с образом императора.

Собеку, который фактически провозглашается правителем Египта. И уже через образ крокодилового бога передаются императору Клавдию. Идея вечности правления царя могла быть связана с праздником Хеб-Сед, в ходе которого происходило ритуальное обновление царствования фараона и восстановление его сил, а бог Собека обеспечивал «миллион лет правления» царю. Так, в эпоху Среднего царства божества Рененутет и Собека даруют царю Аменемхету III «празднества Сед, подобно (Ра)», а в Новом царстве юному Тутанхамону желают «миллионы лет и сотни тысяч праздников Сед» [26. S. 10]. Итак, Собека выступал в качестве божества, обеспечивающего «миллионы» лет правления императору, царствование которого вечно и которому покровительствует крокодиловый бог. При этом утверждалась идея, что Египтом на самом деле правят египетские боги, в т.ч. Собека, который обеспечивает свою власть через образ императора.

Идея вечности правления, обеспеченного Собеком, соприкасалась с представлением об умиротворении населения, которое гарантирует этот бог. В храме Дендеры имеется сцена предстояния, появившаяся в период правления Клавдия. На ней изображены Хор Бехдетский и Собека (Сухос), сидящие друг напротив друга и пожимающие руки (фигура Собека заменила собой изображение Хатхора), позади богов стоит император Клавдий, преподносящий Маат. Появление этой сцены в храме Дендеры стало результатом примирения между враждовавшими между собой жрецами Омбоса, поклонявшимся крокодиловому Собеку и богу Гебу, и жрецами Дендеры, почитавшими соколового Хора и Осириса-Неферхотепа (Strabo VII, 38–44) [27. P. 424–426. Fig. 26.2]. В храме Эдфу также был высечен рельеф, изображающий Собека и Хора Бехдетского, которые стоят лицом друг к другу и пожимают руки (сзади них стоит (слева) император Клавдий с поднятыми вверх руками в знак адорации) [28. P. 39. Fig. XI]. Таким образом, Собека становится богом, который умиротворяет население и через которого утверждается *Pax Romana*, установленный императором.

Заключение

Начиная с правления Августа в Египте происходит отождествление (или уподобление) римского правителя богу Собеку. Август, образ которого был инкорпорирован в религиозную систему Египта, через бога Собека обеспечивал вечность своего правления, что было связано со способностью крокодилового бога обеспечивать перерождения мира. В эпоху Клавдия утвердилась идея о том, что Египтом правит на самом деле бог Собека, который обеспечивает свою власть через образ императора и способствует умиротворению населения, утверждая *Pax Romana*. Ко II в. отождествление императора и Собека, на солярный образ которого повлияли черты Хора, Гелиоса-Ра, Осириса, продвигало идею о римском правителе как защитнике Египта;

оно было продолжением египетской традиции почитания царя как земного воплощения солярного божества. Изображение Собека-Сухоса на фаюмском панно не было связано с образом конкретного императора, но демонстрировало лояльность населения Египта институту императорской власти в целом.

Список литературы / References

1. Brovarski E. Sobek. In: Helck W, Otto E, editors. *Lexikon der Ägyptologie*. Bd.V. Wiesbaden: Otto Harrassowitz; 1984. p. 995–1031.
2. Kockelmann H. *Der Herr der Seen, Sümpfe und Flußläufe: Untersuchungen zum Gott Sobek und den ägyptischen Krokodilgötter-Kulten von den Anfängen bis zur Römerzeit*. Teil I: Ikonographie und theologische Konzeption. Wiesbaden: Otto Harrassowitz; 2017.
3. Veymiers R. Nouveaux visages des dieux en Égypte gréco-romaine. In: Quertinmont A, editor. *Dieux, génies et démons en Egypte ancienne: A la rencontre d'Osiris, Anubis, Isis, Hathor, Ré et les autres*. Paris: Somogy éditions d'art; 2016. p. 135–145.
4. Tallet G. Oracles. In: Riggs C, editor. *The Oxford Handbook of Roman Egypt*. Oxford: Oxford University Press; 2012. p. 398–418.
5. Качан СА. Emperor in the image of horus: Influence of the Egyptian traditions and Greco-Roman believes on worshipping of the ruler in Roman Egypt. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2020;(1):76–98. (In Russ.). <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2020-1-67-76-98> EDN: USJFPB
Качан С.А. Император в образе Хора: продолжающиеся традиции и греко-римские влияния в поклонении правителю в римском Египте // Проблемы истории, филологии, культуры. 2020. № 1 (67). С. 76–98. <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2020-1-67-76-98> EDN: USJFPB
6. Morgan J de, Bouriant U, Legrain G. *Catalogue des monuments et inscriptions de l'Égypte antique. Haute Égypte. Kom Ombos*. Sér. I–II, Vol. II–III. Vienna: Adolphe Holzhausen; 1902.
7. Hekster O. *Caesar Rules. The Emperor in the Changing Roman World* (c. 50 BC — AD 565). Cambridge: Cambridge University Press; 2023.
8. Tallet G. *La splendeur des dieux. Quatre études iconographiques sur l'hellénisme égyptien*. Vol. I. Leiden, Boston: Brill; 2021.
9. Budge EAW. *Egipetskaya religiya. Egipetskaya magiya* [Egyptian Religion. Egyptian Magic]. Moscow: Aleteya publ.; 2004. (In Russ.).
Бадж У. Египетская религия. Египетская магия / пер. с англ. М. : Алетея, 2004. 416 с.
10. Hoogendijk FAJ. Page of an oracle book: Papyrus Kellis 96.150. In: Derda T, Łajtar A, Urbanik J, editors. *Proceedings of the 27th International Congress of Papyrology*; 2013 Jul 29 — Aug 3; Warsaw, Poland. Warsaw: Journal of Juristic Papyrology; 2016. p. 595–622.
11. Riggs C. *The Beautiful Burial in Roman Egypt: Art, Identity and Funerary Religion*. Oxford: Oxford University Press; 2008.
12. Burnett A, Amandry M, Ripollès PP, editors. *Roman Provincial Coinage*. Vol. I: From the Death of Caesar to the Death of Vitellius (44 BC — AD 69). Part I: Introduction and Catalogue. London: British Museum Press; 1992.
13. O'Neill SJ. *The Emperor as Pharaoh: Provincial Dynamics and Visual Representations of Imperial Authority in Roman Egypt, 30 B.C. — A.D. 69* [PhD Thesis]. Cincinnati, OH: University of Cincinnati; 2011.
14. Bendlin A. Peripheral Centres — central peripheries: Religious Communication in the Roman Empire. In: Cancik H, Rüpke J, eds. *Römische Reichsreligion und Provinzialreligion*. Tübingen: Mohr Siebeck; 1997. p. 35–68.
15. Versluys MJ. Understanding objects in Motion. An Archaeological Dialogue on Romanization. *Archaeological Dialogues*. 2014;21(1):1–20.

16. Tallet G, Zivie-Coche C. Imported Cults. In: Riggs C, editor. *The Oxford Handbook of Roman Egypt*. Oxford: Oxford University Press; 2012. p. 436–456.
17. Galinsky K. Introduction. In: Galinsky K, Lapatin K, editors. *Cultural Memories in the Roman Empire*. Los Angeles: J. Paul Getty Museum; 2015. p. 1–22.
18. Rüpke J. *Pantheon: A New History of Roman Religion*. Richardson DMB, translator. Princeton: Princeton University Press; 2018.
19. Weisweiler J. Making masters, making subjects: Imperial ideology and memory policy in the Early Roman Empire and in the Later Roman State. In: Galinsky K, Lapatin K, eds. *Cultural Memories in the Roman Empire*. Los Angeles: J. Paul Getty Museum; 2015. p. 66–85.
20. Herklotz F. *Prinzeps und Pharao: der Kult des Augustus in Ägypten*. Frankfurt-am-Main: Verlag Antike; 2007.
21. Minas-Nerpel M. Augustus, Prinzeps und Pharao zwischen politischer Realität und ideologischem Anspruch. In: Moosbauer G, Wiegels R, eds. *Fines imperii, imperium sine fine?* Rahden: Verlag Marie Leidorf; 2011. p. 131–143.
22. Betz HD. *The Greek Magical Papyri in Translation, Including the Demotic Spells*. Vol. I: Texts. Chicago: University of Chicago Press; 1986.
23. Volkov IM. *Drevneegipetskii bog Sebek* [The Ancient Egyptian God Sobek]. Petrograd: Tipografiya Rossiiskoi Akademii Nauk publ.; 1917. (In Russ.).
Волков И.М. Древнеегипетский бог Себек. Петроград : Типография Российской Академии Наук, 1917. 80 с.
24. Gutbub A. *Textes fondamentaux de la théologie de Kom Ombo*. Vol. I. Cairo: Institut français d'archéologie orientale; 1973.
25. Lepsius KR. *Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien*. Vol. IX. Abth. IV. Berlin: Nicolaische Buchhandlung; 1849–1858. 90 Bl.
26. Hornung E, Staehelin E. *Neue Studien zum Sedfest*. Basel: Schwabe Ag; 2006.
27. Vanderpe K, Clarysse W. Cults, Creeds, and Clergy in a Multicultural Context. In: Vanderpe K, editor. *A Companion to Greco-Roman and Late Antique Egypt*. Hoboken: Wiley Blackwell; 2019. p. 407–427.
28. Cauville S. L'impossible serrement de main ou la Pax Romana à Dendara. *Revue d'Égyptologie*. 2007;58:29–39.

Информация об авторе:

Качан Сергей Александрович — независимый исследователь, Москва, Российская Федерация, e-mail: sergey-md@list.ru ORCID: 0000-0003-2390-0637. SPIN-код: 8463-1561.

Information about the author:

Sergey A. Kachan — independent researcher, Moscow, Russia Federation, e-mail: sergey-md@list.ru ORCID: 0000-0003-2390-0637. SPIN-code: 8463-1561.

ВОСТОК — ЗАПАД: КОНТАКТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ EAST AND WEST: CONTACTS AND CONTRADICTIONS

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-2-211-223

EDN: WDNNLC

Научная статья / Research article

Особенности формирования внешнеполитической стратегии ЕС в отношении Африки южнее Сахары

Н.В. Ивкина , А.Е. Судоргин

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 Ivkina-nv@rudn.ru

Аннотация. Повышенное внимание развитых стран к Африке южнее Сахары обосновывает актуальность темы. В условиях геополитической и экономической неопределенности мировые лидеры стремятся выстроить выгодные для себя отношения с Африкой, активно включая данное направление во внешнеполитические стратегии. Одним из значимых игроков в этой новой «борьбе за Африку» является Европейский Союз (ЕС), который с начала своего формирования стал обращать внимание на проблемы развития африканских регионов, которым в российской историографии уделяется недостаточно внимания. Цель исследования — определить место и роль Африки во внешнеполитической стратегии ЕС. Предполагается изучить роль ЕС в развитии новой «борьбы за Африку» — попытки неокOLONIALИЗМА. Сделан вывод: причины, побудившие ЕС включиться в «борьбу за Африку», зиждутся одновременно на внешних и внутренних потребностях — проблемах безопасности, доступа к ресурсам и сохранении политического влияния в регионе.

Ключевые слова: постколониальные подходы, panaфриканизм, общая внешняя политика, политика безопасности ЕС, АКТ, саммитовая дипломатия, борьба за Африку, Сахель, Африканский Рог

Вклад авторов. В разработку концепции, сбор данных и их интерпретацию, подготовку статьи к публикации авторы внесли равный вклад.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 20.03.2025; принята к публикации 26.12.2025.

© Ивкина Н.В., Судоргин А.Е., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Ивкина Н.В., Судоргин А.Е. Особенности формирования внешнеполитической стратегии ЕС в отношении Африки южнее Сахары // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 2. С. 211–223. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-2-211-223> EDN: WDNLC

Features of the formation of the EU foreign policy strategy towards Sub-Saharan Africa

Natalia V. Ivkina , Aleksei E. Sudorgin

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 Ivkina-nv@rudn.ru

Abstract. The relevance of the topic is driven by the heightened attention that developed countries are paying to Sub-Saharan Africa. In conditions of geopolitical and economic uncertainty, global leaders seek to build relationships with Africa that are advantageous to themselves, actively incorporating this vector into their foreign-policy strategies. One of the major players in this new “scramble for Africa” is the European Union (EU), which, from the beginning of the formation of this economic and political association, has paid attention to the development problems of African regions. However, this issue has received insufficient attention in Russian historiography. Accordingly, the aim of the study is to determine the place and role of Africa in the EU’s foreign-policy strategy. The study employs the principle of historicism, systems analysis, and analysis of the texts of foreign-policy doctrinal documents and official publications of the EU in order to identify the contradictory path of relationship formation between the parties and the key prerequisites for incorporating Africa into the EU’s foreign policy. The article also proposes to analyze the role of the European Union in the development of the new “scramble for Africa” and attempts at neocolonialism. The study concludes by identifying the reasons that prompted the EU to join the “scramble for Africa” and the efforts the Union has made to address the stated problems.

Keywords: postcolonial approaches, Pan-Africanism, EU Common Foreign and Security Policy, ACP, summit diplomacy, Scramble for Africa, Sahel, Horn of Africa

Contribution. The authors have made an equal contribution to the development of the concept, collection of data and their interpretation, and preparation of the article for publication.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Article history: received 20.03.2025; accepted 26.12.2025.

For citation: Ivkina NV, Sudorgin AE. Features of the formation of the EU foreign policy strategy towards Sub-Saharan Africa. *RUDN Journal of World History*. 2026;18(2):211–223. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-2-211-223> EDN: WDNLC

Введение

Под феноменом «борьбы за Африку» понимают колониальную политику европейских стран в отношении многих африканских территорий в эпоху «нового империализма» (1833–1914 гг.), завершившуюся после двух

мировых войн, когда большинство африканских колоний обрели независимость. Благодаря крушению колониальной системы, а также опережающему экономическому развитию африканского континента и движению panaфриканизма [1], интерес крупнейших экономик мира к Африке южнее Сахары значительно возрос. Это проявляется как в увеличении прямых иностранных инвестиций, налаживании дипломатических связей и оказании гуманитарной помощи, так и в желании установить новое геополитическое и экономическое влияние. В этом отражается неоднозначность экономических и политических интересов развитых стран в отношении современной Африки южнее Сахары. С одной стороны, после распада колониальной системы Африка стала «континентом конфликтов» [2. С. 91], с другой — несмотря на то, что большинство африканских стран имеют статус беднейших, континент признается наиболее динамично развивающимся регионом мира [3].

Вместо прямых методов установления политического и экономического влияния путем открытого колониализма, захвата территорий и завоевания народов, характерных для XIX и начала XX в., ключевым способом укрепления международного влияния на данном этапе стали внешнеполитические стратегии, в соответствии с которыми западные страны выстраивают сотрудничество с африканскими государствами. Особенно актуально это для Европейского Союза (ЕС), который уже на заре своего становления стремился сформировать имидж крупного геополитического и экономического актора, в т.ч. через взаимодействие с внешними игроками, среди которых и африканские страны. Однако внешняя политика ЕС реализовывалась путем односторонних санкций, военно-политических вмешательств, а также информационного неоколониализма [2], что привело к формированию неоднозначного характера сотрудничества объединившихся европейских стран с Африкой.

Цель исследования — выявление места и роли Африки южнее Сахары во внешнеполитической стратегии ЕС. В контексте современных глобальных изменений и стратегических интересов ЕС изучение данного вопроса представляется необходимым для понимания особенностей формирования внешней политики.

В качестве теоретической базы исследования выступают постколониальные подходы к изучению отношений между развитыми и развивающимися странами. Тема, посвященная политике ЕС в Африке южнее Сахары, расширяет указанную теоретическую базу. Это связано с тем, что в постколониальных исследованиях преимущественно рассматривается колониальное наследие Великобритании, Франции, Испании, Португалии и Германии — наиболее сильных метрополий XIX в. Однако в последнее десятилетие становится все более очевидным, что отдельные европейские страны теряют свое влияние на африканском континенте. В связи с этим особую актуальность

приобретает исследование политики ЕС как интеграционного объединения, формально не существовавшего в колониальную эпоху.

История формирования внешней политики Европейского союза

Формирование внешней политики ЕС — это результат сложного процесса, который сопровождался как институциональными преобразованиями, так и внутренними противоречиями [4. С. 86]. Основой внешней политики стало стремление объединенных европейских государств создать механизм, способный не только реагировать на глобальные вызовы, но и укреплять собственную международную субъектность. В то же время взаимодействие суверенных государств с наднациональными институтами ЕС приводило к ряду противоречий как в сфере управления, так и в реализации внешнеполитических целей [5].

Значимым этапом в развитии внешнеполитической стратегии ЕС стало принятие Маастрихтского договора 1993 г., который закрепил новую Общую внешнюю политику и политику безопасности (далее — ОВПБ) в качестве ключевой опоры европейской интеграции. Включение внешнеполитической составляющей в институциональные рамки ЕС стало значимым шагом, однако сразу после крушения биполярного мира между государствами-членами ЕС по-прежнему сохранялись разногласия. Во многом это объяснялось сложностью формирования баланса национальных интересов и необходимостью сохранения суверенитета в области международных отношений. Введение ОВПБ сопровождалось рядом институциональных нововведений, среди которых можно выделить усиление роли Европейского парламента и Европейского совета в принятии решений, однако процесс согласования внешнеполитических решений оставался медленным и подверженным влиянию межгосударственных противоречий.

Через заключение Амстердамского договора 1997 г. была предпринята попытка решить проблемы, возникшие на предыдущем этапе — предложен ряд механизмов для упрощения процесса принятия управленческих решений. В частности, введение конструктивного воздержания при голосовании и голосования квалифицированным большинством (QMV), а также учреждение поста Верховного представителя ОВПБ стали очередными шагами к централизации внешнеполитической деятельности ЕС.

Несмотря на проведенные реформы, дискуссии о роли национальных государств и наднациональных институтов продолжались. Внешнеполитические решения по-прежнему требовали согласования позиций между государствами-членами, что приводило к замедлению реакций ЕС на международные кризисы.

Принятый в 2001 г. Ниццкий договор, вступивший в силу в 2003 г., упростил процесс принятия решений и расширил полномочия Комитета

по политике и безопасности (КПБ), наделив его ответственностью за стратегическое руководство операциями по урегулированию кризисов. Несмотря на то, что основное внимание было уделено институциональным реформам в преддверии расширения ЕС за счет стран Центральной и Восточной Европы, договор также затронул и внешнеполитическую деятельность ЕС.

Так, одним из ключевых нововведений стала оптимизация процесса принятия решений в рамках ОБПБ, что усилило эффективность ЕС в вопросах внешней политики. Кроме того, изменение системы голосования в Совете ЕС, хотя и не связанное напрямую с внешней политикой, оказало влияние на принятие внешнеполитических решений, что изменило баланс сил между государствами-членами.

В 2003 г. начала действовать Европейская политика безопасности и обороны (ESDP), ставшая предшественником Общей политики безопасности и обороны (далее — CSDP). Тогда же была разработана Стратегия европейской безопасности (СЕБ), описывающая угрозы, стоящие перед ЕС, его стратегические цели и политические задачи. Этот документ, подготовленный под руководством Х. Соланы, был утвержден Европейским советом в декабре 2003 г.

Важно отметить, что по отношению к Африке именно Ниццкий договор 2003 г. можно считать отправной точкой перехода от либерального интерговернментализма, в рамках которого сохраняется суверенитет государств и межправительственное сотрудничество в контексте интеграционного объединения, где каждое государство сохраняет контроль над ключевыми решениями ЕС, к неофункционализму, в рамках которого, напротив, посредством интеграционных процессов происходит постепенная передача полномочий от национальных правительств к наднациональным институтам. Вместе с тем и интерговернментализм, и неофункционализм «объясняют некоторую дискретность и даже дезинтеграционный потенциал европейского пространства» [6; 7].

Таким образом, история формирования внешнеполитической стратегии ЕС в 1993–2003 гг. — это череда институциональных реформ, направленных на преодоление внутренних разногласий и создание единой внешнеполитической линии. Вместе с тем важно подчеркнуть, что ЕС с самого начала своего формирования собирался быть если не военной, то определенно политической силой, действуя при этом не только в зоне своей ответственности, но и за ее пределами. Так, стремление государств-членов к расширению своего влияния было обусловлено не только внутренними экономическими потребностями, но и желанием занять значимое место в международных отношениях. По мере углубления интеграции перед ЕС вставала задача выйти за пределы сугубо экономической кооперации и реализовать политические амбиции, в т.ч. за счет усиления своего присутствия на международной геополитической арене. Тем не менее, несмотря на значительные достижения,

институциональные сложности, возникшие с введением Маастрихтского договора, сохранялись.

Предпосылки включения Африки во внешнюю политику ЕС

Необходимость включения Африки южнее Сахары во внешнеполитический курс ЕС обусловлена рядом факторов. Во-первых, крушение колониальной системы международных отношений потребовало от большинства акторов сформировать новые подходы к взаимодействию с суверенными игроками на африканском континенте. Во-вторых, большинство стран региона богаты природными ресурсами, которые необходимы европейским государствам. В-третьих, политические отношения по линии «ЕС — страны Африки южнее Сахары» дают возможность говорить о политической идентичности ЕС за счет выхода интеграционного объединения за пределы своей зоны ответственности.

Несмотря на то, что Франция и Великобритания сформировали собственные системы неоколониального влияния, такие как «Франсафрик» и Содружество Наций [2. С. 97–99], это не отвечало в полной мере интересам ЕС. Напротив, подобные инструменты влияния зачастую ассоциировались с попытками сохранить колониальные устои и патернализм и затрудняли реализацию отдельных инициатив ЕС. Именно поэтому Союз начал формировать собственные рамки сотрудничества со странами Африки южнее Сахары. Это нашло отражение в серии двусторонних и многосторонних соглашений со странами Африки, Карибского бассейна и Тихого океана (далее — страны АКТ), закреплявших новые формы взаимодействия [8]. Одновременно с этим сохранялась необходимость реагировать на такие глобальные вызовы, как стремительно увеличивающиеся миграционные потоки и угроза терроризма.

ЕС начал разрабатывать и внедрять программы, направленные на решение миграционных проблем посредством сотрудничества со странами АКТ, включая экономическую поддержку и помощь в развитии инфраструктуры. Примерами таких инициатив могут служить уже действовавшие положения IV Ломейской конвенции, начатый в 1995 г. Барселонский процесс, Соглашение о торговле, развитии и сотрудничестве (TDCA) между ЕС и ЮАР 1999 г. и др.

Не менее важным фактором включения Африки в стратегические интересы ЕС стала глобальная борьба с терроризмом [9]. Важно отметить, что в период 1993–2003 гг. ЕС не проводил значительных контртеррористических операций в Африке в том виде, как это происходило в более поздние периоды 2000-х гг., когда интерес Запада к Африке возрос в контексте глобальной войны США с терроризмом [2. С. 93]. Однако уже в 90-е гг. XX в. ЕС закладывал основу для усиления сотрудничества с Африкой по вопросам безопасности, в частности в рамках Барселонского процесса.

Так же, как и ряд других акторов, ЕС ищет актуальные форматы развития отношений со странами Африки южнее Сахары. Одним из таких форматов стала саммитовая дипломатия (табл.).

Саммиты ЕС — Африка

Дата саммита	Принимающая страна (город)	Основные результаты	Документы
3–4 апреля 2000 г.	Египет (Каир)	Установлен официальный политический диалог	—
8–9 декабря 2007 г.	Португалия (Лиссабон)	Создание ключевых институциональных структур для реализации инициатив ЕС в Африке	Совместная стратегия Африки и ЕС (JAES)
29–30 ноября 2010 г.	Ливия (Триполи)	Выделение 8 базовых направлений сотрудничества между ЕС и Африкой	Триполийская декларация, Второй План действий (2011–2013 гг.),
2–3 апреля 2014 г.	Бельгия (Брюссель)	Сформировано тематическое досье и косвенно иерархия приоритетов: вопросы мира и безопасности, экономического роста, занятости молодежи	«Дорожная карта» отношений между ЕС и Африкой (2014–2017 гг.)
29–30 ноября 2017 г.	Кот-д'Ивуар (Абиджан)	Акцент на проблемах, актуальных для ЕС: миграция, климат	Повестка дня на период до 2063 г.
17–18 февраля 2022 г.	Бельгия (Брюссель)	Акцент на проблемах мира и безопасности, обсуждение проблем, связанных с пандемией covid-19	Совместное видение до 2030 г.
24–25 ноября 2025 г.	Ангола (Луанда)	Акцент на экономическую интеграцию африканских стран по линии Север-Юг, вопросы мира и безопасности, экологические проблемы	Дополнение Совместного видения до 2030 г.

Источник: составлено Н.В. Ивкиной, А.Е. Судоргиным по материалам институтов ЕС¹.

Как видно из приведенных данных, такой формат признан успешным ввиду того, что от саммита к саммиту обсуждаемые проблемы усложнялись. Однако очевидно и то, что документационная база не имеет системности. Это говорит о том, что пока не выработана актуальная, а главное — долгосрочная стратегия принятия документов. Кроме того, рассматриваемые на саммитах

¹ EU-Africa: Global Gateway Investment Package. URL: https://international-partnerships.ec.europa.eu/policies/global-gateway/initiatives-sub-saharan-africa/eu-africa-global-gateway-investment-package_en (дата обращения: 06.11.2025); A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/global-strategy-european-unions-foreign-and-security-policy_en (дата обращения: 06.11.2025); Towards a new EU strategy with Africa. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/651965/EPRS_BRI\(2020\)651965_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/651965/EPRS_BRI(2020)651965_EN.pdf) (дата обращения: 06.11.2025).

вопросы интересны прежде всего европейской стороне. Даже темы мира и безопасности — это, скорее, инициатива ЕС рассматривать их в условиях саммитовой дипломатии, ибо таким образом Союз приписывает себе формирование военно-политической идентичности [9].

Реализация внешнеполитической стратегии ЕС в отношении Африки

Периодизация отношений ЕС со странами Африки южнее Сахары может строиться по разным принципам. В данном исследовании предлагается оттолкнуться непосредственно от документов, принимаемых европейской стороной. Первый период охватывает 1993–2003 гг. — от Маастрихтского договора до Ниццкого. В этот отрезок времени внешнеполитическая стратегия ЕС в отношении Африки только начинала формироваться: европейская сторона пыталась определить долгосрочные цели сотрудничества, подчеркнуто отказываясь от колониальных и постколониальных устоев. В рамках Ломейских конвенций, а позднее и Соглашения Котону, принятого в 2000 г. и вступившего в силу в 2003 г., ЕС реализовывал проекты экономической модернизации африканских государств, однако результаты оказались неоднозначными. В отличие от Ломейских конвенций новое направление политики ЕС включало разработку соглашений об экономическом партнерстве (далее — СЭП), нацеленных на создание зон свободной торговли между ЕС и региональными экономическими объединениями африканских стран. Эти соглашения должны были способствовать региональной интеграции, что обеспечивало бы формирование более крупных рынков и стимулировало экономический рост [10].

На первый взгляд Ломейские конвенции и Котону выглядят проявлением альтруистического стремления ЕС содействовать развитию африканских стран. Однако более тщательный анализ выявляет сохраняющуюся асимметрию во взаимоотношениях акторов. Соглашения, с одной стороны, открывают странам АКТ доступ на рынки ЕС, с другой — налагают ограничения на отдельные категории сельскохозяйственных продуктов и промышленных товаров. Все это указывает на сохранение старой неоколониальной модели торговли: страны АКТ экспортируют сырье и импортируют промышленные товары из ЕС. Имеется и политическая составляющая: большинство документов, принимаемых параллельно с Ломейскими конвенциями и Котону, содержат требования соблюдать права человека и принципы надлежащего управления, что является примером косвенного политического контроля, т. е. вмешательства ЕС во внутренние дела африканских государств.

То же относится и к СЭП. Эти соглашения обязывают африканские страны открывать значительную часть своих рынков для товаров и услуг из ЕС, что затрудняет конкуренцию для местных производителей. С одной стороны, ЕС утверждает, что СЭП привели к замене торговых

преференций условиями, соответствующими требованиям Всемирной торговой организации (ВТО), что, по замыслу Союза, укрепляет торговые связи на взаимовыгодной основе. С другой — африканским странам становится сложнее стимулировать внутреннее производство и ограничивать покупку земли иностранцами. Кроме того, условия СЭП подрывают региональную интеграцию в Африке по линии «Юг — Юг» из-за фрагментации торговой политики государств в различных блоках, усиливая внутрирегиональные барьеры.

Второй этап в предложенной периодизации начинается с 2003 г. и продолжается по настоящее время. За это время был принят целый ряд документов, в т.ч. касающихся новых угроз, например пандемии COVID-19 [11]. В 2016 г. была утверждена Глобальная стратегия внешней политики и политики безопасности ЕС, в которой Африка названа ключевым партнером в вопросах безопасности, регулирования миграции и обеспечения региональной стабильности. Однако в документе континент фигурирует не как активный субъект со своими интересами, а как арена борьбы с угрозами. Это же подтвердила и более поздняя стратегия — «Стратегический компас» 2022 г., где Африка, особенно Сахель и Африканский Рог, обозначена зоной повышенного внимания из-за возможности наращивания европейского потенциала миротворческих миссий и борьбы с терроризмом для стабилизации ситуации в ЕС.

Помимо экономической составляющей, важным элементом внешнеполитической стратегии ЕС в Африке южнее Сахары стало обеспечение безопасности. В ответ на усиление региональных конфликтов ЕС инициировал миротворческие миссии, оказывал помощь в подготовке миротворческих сил и содействовал урегулированию кризисов дипломатическими методами. Как показали предыдущие исследования, решение ЕС о разворачивании миротворческих сил в регионе связано с поиском военно-политической идентичности блока.

Первой операцией ЕС стала «Артемида», проведенная в 2003 г. Она была инициирована вследствие гуманитарного кризиса в Демократической Республике Конго, возникшего после вывода угандийских войск и возобновления конфликта между «Союзом конголезских патриотов» и «Фронтом патриотического сопротивления Итури» [12]. Официально основными задачами миссии были стабилизация ситуации в Бунии, улучшение гуманитарных условий и защита беженцев в лагерях. Под руководством Франции операция создавала безопасные условия для последующего разворачивания миссии ООН.

Хотя ЕС продемонстрировал способность самостоятельно проводить операции, не все компоненты новой политики были опробованы. «Артемида» отличалась ограниченными масштабами, сроками и зоной проведения; планирование велось преимущественно на национальном

(французском) уровне, что помешало протестировать все элементы системы быстрого реагирования ЕС [13]. В научной литературе подчеркивается, что одной из причин операции была политическая необходимость проявить единство после неудачи в Ираке [14].

Размещение войск ЕС ограничилось городом Буния, однако точное и пропорциональное применение силы оказало значительное давление на местные вооруженные формирования. Поставки оружия, осуществлявшиеся преимущественно по воздуху, были существенно сокращены благодаря эффективному мониторингу. Военное и воздушное наблюдение, дополненное удачными психологическими операциями, снизило напряженность в регионе и предотвратило эскалацию конфликта между Руандой и Угандой.

Взаимодействие ООН и ЕС показало необходимость дальнейшей адаптации сторон к совместным действиям. «Артемиды» закрепила новые концепции военной стратегии ЕС: автономные операции без участия НАТО, действия по мандату и запросу ООН. Операция достигла важных результатов, включающих быстрое развертывание сил в удаленном районе, защиту гражданского населения при минимальных потерях, а также эффективную координацию с международными и гуманитарными организациями.

Значимым элементом политики ЕС в Африке стал созданный еще в 1992 г. Генеральный директорат Европейской комиссии по вопросам гражданской защиты и оказания гуманитарной помощи (DG ECHO)². Этот орган отвечает за оперативное предоставление помощи при кризисах и стихийных бедствиях, уделяя особое внимание нуждам Африки. Его деятельность направлена на спасение жизней, смягчение последствий катастроф и сохранение человеческого достоинства. Основная цель — быстрое реагирование на природные и техногенные катастрофы, повышение готовности к чрезвычайным ситуациям и защита уязвимых групп населения. В Африке DG ECHO действует в условиях конфликтов, продовольственного дефицита, природных катастроф и кризисов здравоохранения. Среди реализованных инициатив — гуманитарная помощь в ответ на геноцид в Руанде (1994 г.), поддержка пострадавших от наводнения в Мозамбике (2000 г.) и борьба с голодом в ЮАР (2002 г.).

Тем не менее взаимодействие в рамках реализации внешнеполитической стратегии остается недостаточно эффективным. Причины — фрагментарность подходов и отсутствие единой координационной структуры внутри ЕС для работы с африканскими институтами и странами. Доктринальная

² European Civil Protection and Humanitarian Aid Operations // European Commission. URL: https://civil-protection-humanitarian-aid.ec.europa.eu/who/30-years-eu-humanitarian-aid_en (дата обращения: 09.09.2024).

и законодательная база ЕС формировалась на фоне внутренних противоречий, однако внешняя политика с самого начала занимала в ней ключевое место.

И. Маннерс, ведущий специалист по нормативной силе ЕС, выделил три эпистемологические категории «нормативной силы» ЕС:

- онтологическая — представление о ЕС как о преобразователе норм;
- позитивистская — объяснение того, как ЕС изменяет международные нормы и влияет на других акторов;
- нормативная — указание на то, как ЕС распространяет свои нормы за пределы Союза [15].

Эта «эпистемологическая множественность», как подчеркивает У. Стагер, стала источником разногласий в отношениях Африки и ЕС [16]. В итоге процесс реализации внешнеполитической стратегии ЕС в отношении Африки нельзя признать завершенным и однозначно успешным: его сопровождали противоречия между либеральным интерговернментализмом и неофункционализмом.

Современная научная литература подчеркивает возросшую интенсивность «борьбы за Африку», в которой участвуют не только европейские державы, но и другие ведущие мировые игроки, в частности США, Китай и Россия [17; 18], которым также есть что предложить африканским странам. Именно поэтому бывшим метрополиям, да и другим европейским игрокам приходится тратить много усилий [19] на то, чтобы поддерживать свои неоколониальные механизмы влияния в регионе.

Заключение, или ЕС в новой эре борьбы за Африку

Анализ доктринальных основ внешнеполитического курса ЕС показал, что, несмотря на риторику о том, что интеграционное объединение стремится к отказу от неоколониальной политики, основой поведенческой модели ЕС в Африке южнее Сахары является европоцентризм. В конкретном случае он представляет собой систему практик, основанных на предположении, что развитие неевропейских обществ возможно только через подражание западным моделям. Риторика ЕС, основанная на принципах «партнерства» с Африкой, декларирует равноправие, однако такое «партнерство» скрывает реальное влияние колониального наследия, где африканским государствам предоставляется лишь ограниченная свобода в рамках существующего мирового порядка, основанного на европоцентристских идеях. Это провоцирует появление новых тенденций, которые могут быть охарактеризованы как элементы «нового типа» колониализма.

Таким образом, можно говорить о неоднозначных результатах реализации внешнеполитических стратегий ЕС в отношении Африки. Об этом свидетельствует политика стран Сахеля в отношении Франции, некогда одной из ключевых стран-проводников интересов ЕС в Африке южнее

Сахары. Мали, Нигер, Чад, Буркина-Фасо не хотят больше существовать исключительно в тех условиях, которые диктует французское правительство. Диверсификация партнеров дает этим странам возможность расширять связи как внутри континента, так и за его пределами, за счет экономических вливаний Китая, политической поддержки России.

Список литературы

1. *Абрамова И.О., Фитуни Л.Л.* Пути повышения эффективности африканской стратегии России в условиях кризиса существующего миропорядка // Вестник Российской академии наук. 2022. Т. 92. № 9. С. 837–848. <https://doi.org/10.31857/S086958732209002X> EDN: YUNXKS
2. Африка: неоплаченный долг колонизаторов : монография / отв. ред. И.О. Абрамова. М. : Институт Африки РАН, 2023. 122 с.
3. *Сэм-Фестус Ч.Е.* Африканское Возрождение как парадигма развития современной африканской философии : дис. ... канд. фил. наук. М., 2020. 170 с.
4. *Буздалина Ю.Л.* Концептуальные основы взаимоотношений Европейского союза и африканских стран южнее Сахары в контексте европейской стратегии безопасности // Африка: основания для нового старта : сб. статей. М. : РУДН, 2011. С. 86–102. EDN: TPAMOT
5. *Leuffen D., Rittberger B., Schimmelfennig F.* Integration and Differentiation in the European Union. Theory and Policies. Cham : Palgrave Macmillan, 2022. 440 p.
6. *Коровникова Н.А.* Теоретическое измерение международной интеграции: европейский ракурс // Социальные новации и социальные науки. 2023. № 3 (12). С. 12–33. <https://doi.org/10.31249/snsn/2023.03.01> EDN: IBTVWO
7. *Ивкина Н.В.* Позиция Германии по греко-турецкому спору: интерговернментализм vs. неофункционализм // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 487–497. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-487-497> EDN: LTHRNW
8. *Paradoxes of European foreign policy* / ed. by J. Zielonka. The Hague : Kluwer Law International, 2023. 181 p.
9. *Ивкина Н.В., Лошкарёв И.Д.* Проблема формирования оборонной идентичности ЕС: опыт миротворчества в Африке // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2023. № 5. С. 81–91. <https://doi.org/10.31857/S086919080027280-5> EDN: IEWZFD
10. *Hinkle L.E., Schiff M.* Economic partnership agreements between Sub-Saharan Africa and the EU: a development perspective // World Economy. 2004. Vol. 27. № 9. P. 1321–1333. <https://doi.org/10.1111/j.0378-5920.2004.00654.x>
11. *Кулькова О.С.* ЕС-Африка: новые дилеммы и перспективы сотрудничества в мире постковидного восстановления // Европейский Союз: факты и комментарии. 2021. № 104. С. 113–118. <https://doi.org/10.15211/eufacts22021113118> EDN: LWYXFS
12. *Şahin S., Şahin M.O.* African missions of the European Union in the context of security strategy // Journal of Emerging Economies and Policy. 2023. Vol. 8. № 2. P. 31–56.
13. *János T.* Operation “Artemis”: the first autonomous EU-led operation // AARMS — Academic and Applied Research in Military and Public Management Science. 2015. Vol. 14. № 1. P. 121–132. <https://doi.org/10.32565/aarms.2015.1.11>
14. *Homan K.* Operation Artemis in the Democratic Republic of Congo // European Commission: Faster and more united? The debate about Europe's crisis response capacity. Netherlands : European Communities, 2007. P. 151–155.

15. *Manners I.* Normative power Europe: a contradiction in terms? // *JCMS: Journal of common market studies*. 2002. Vol. 40. № 2. P. 235–258. <https://doi.org/10.1111/1468-5965.00353>
16. *Staeger U.* Africa–EU relations and normative power Europe: a decolonial pan-African critique // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2016. Vol. 54. № 4. P. 981–998. <https://doi.org/10.1111/jcms.12350>
17. *Ewalefoh J.* The new scramble for Africa // *The Palgrave Handbook of Africa and the Changing Global Order*. Cham : Palgrave Macmillan, 2022. P. 309–322. https://doi.org/10.1007/978-3-030-77481-3_15
18. *Mlambo V.H., Masuku M.M., Mthembu Z.* The new scramble for Africa in a post-colonial era and the challenges of inclusive development: a semi-systematic literature review // *Development Studies Research*. 2024. Vol. 11. № 1. P. 1. <https://doi.org/10.1080/21665095.2024.2306387> EDN: YZMTDJ
19. *Nunn N.* Understanding the long-run effects of Africa's slave trades // *The long economic and political shadow of history*. Volume II. Africa and Asia. 2017. P. 36–48.

Информация об авторах:

Ивкина Наталья Викторовна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, e-mail: ivkina-nv@rudn.ru ORCID: 0000-0001-8654-7629. SPIN-код: 5680-4049.

Судоргин Алексей Евгеньевич — аспирант 3 года обучения, кафедра теории и истории международных отношений, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, e-mail: aleksei_sudorgin@mail.ru ORCID: 0009-0007-7755-8095. SPIN-код: 8484-2197.

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-2-224-243

EDN: WAIRJR

Научная статья / Research article

Современная политика Германии в отношении африканских государств

Д.П. Маратканова ✉, Е.Г. Зуева

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ maratkanovad@yandex.ru

Аннотация. Исследовано влияние колониального прошлого на современную внешнюю политику Германии в Африке. Цель — выяснить, определяют ли исторические связи текущие модели взаимодействия или они уступили место прагматическим интересам. Проведен анализ политики Берлина в отношении двух групп государств: бывших колоний (Намибия, Танзания, Того) и партнеров без общего колониального прошлого (ЮАР, Нигерия, Гана). Источниковую базу составили официальные документы ФРГ (2017–2025 гг.). Установлено, что колониальное прошлое влияет на политику Германии избирательно. Решающим фактором оно становится только в отношениях с Намибией, где события начала XX в. сформировали особую повестку исторической ответственности. Взаимодействие с другими бывшими колониями (Танзания, Того) строится на стандартных прагматичных основах, а диалог со странами второй группы — исключительно на современных стратегических и экономических интересах. Таким образом, африканская политика Германии демонстрирует общий приоритет прагматизма над историей, за исключением отдельных случаев.

Ключевые слова: Африка, внешняя политика, колониальное прошлое, историческая память, африканская стратегия ЕС, мягкая сила, международное сотрудничество

Вклад авторов. Зуева Е.Г. — концепция, редактирование текста и подготовка статьи к публикации; Маратканова Д.П. — написание текста статьи, работа с источниками и историографией.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 01.10.2025; принята к публикации 04.02.2026.

Для цитирования: Маратканова Д.П., Зуева Е.Г. Современная политика Германии в отношении африканских государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 2. С. 224–243. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-2-224-243> EDN: WAIRJR

© Маратканова Д.П., Зуева Е.Г., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Contemporary Germany's policy towards African states

Daria P. Maratkanova ✉, Elena G. Zueva

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ maratkanovad@yandex.ru

Abstract. The study investigates the influence of the colonial past on Germany's contemporary foreign policy in Africa. The aim of the study is to test, using specific examples, whether historical ties determine current models of interaction or have given way to pragmatic interests. The analysis is based on the material of Berlin's policy towards two groups of states: former colonies (Namibia, Tanzania, Togo) and partners without a shared colonial past (South Africa, Nigeria, Ghana). The source base consists of official documents of the Federal Republic of Germany (2017–2025). It has been established that the colonial past influences Germany's policy selectively. It becomes a decisive factor only in relations with Namibia, where events of the early 20th century have formed a special agenda of historical responsibility. Interaction with other former colonies (Tanzania, Togo) is built on standard pragmatic foundations, while dialogue with countries of the second group is based exclusively on contemporary strategic and economic interests. Thus, Berlin's African policy demonstrates a general priority of pragmatism over history, with the exception of isolated cases.

Keywords: Africa, foreign policy, colonial past, historical memory, The EU's Africa strategy, soft power, international cooperation

Contribution. Zueva E.G. — concept, text editing, and preparation of the manuscript for publication; Maratkanova D.P. — writing of the original draft, work with sources and historiography.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Article history: received 01.10.2025; accepted 04.02.2026.

For citation: Maratkanova DP, Zueva EG. Contemporary Germany's policy towards African states. *RUDN Journal of World History*. 2026;18(2):224–243. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-2-224-243> EDN: WAIRJR

Введение

Взаимоотношения между бывшими метрополиями и их колониями в постколониальный период представляют собой сложный и многогранный феномен, требующий всестороннего научного осмысления. Германия, чья колониальная история в Африке была относительно недолгой, но оставившей глубокий след, — один из ключевых европейских акторов на континенте. Политика Германии в отношении африканских стран формируется под влиянием множества факторов: от экономического прагматизма и гуманитарных обязательств до тяжелого наследия прошлого [1]. Изучение германо-африканских отношений приобретает особую актуальность в свете текущих глобальных процессов. С одной стороны, мы наблюдаем

активизацию деятельности Германии на африканском направлении. С другой стороны, эти отношения не лишены противоречий и сложностей, связанных как с историческим контекстом, так и с сегодняшними геополитическими реалиями.

Мы исследуем новейший период активизации африканской политики Германии, отсчет которого принято вести с программного «поворота к Африке», озаглавленного запуском ключевых инициатив «Соглашение с Африкой» и «Новый план Маршалла с Африкой» в 2017 г.¹ Главной задачей является сравнение германской политики в отношении ее бывших колоний и африканских стран, не имевших с Германией колониальных отношений, что позволяет выявить, в какой мере актуальные связи обусловлены историческим наследием, а в какой — определяются текущими прагматическими интересами и стратегическим позиционированием стран-партнеров.

Для проведения анализа выделены две группы государств. К первой группе отнесены бывшие колонии Германии в Африке — Намибия, Танзания и Того. Ко второй группе отнесены Южно-Африканская Республика, Нигерия и Гана, не имевшие колониальных связей с Берлином. Выбор стран-партнеров второй группы обусловлен их приоритетным статусом в рамках официальной стратегии Федерального министерства экономического сотрудничества и развития Германии (BMZ)². Согласно этой стратегии, ЮАР рассматривается в качестве флагманского партнера, ключевыми направлениями сотрудничества с которым являются: реализация масштабной климатической инициативы «Партнерство по справедливому энергетическому переходу» (JETP), в рамках которой Германия и другие развитые страны предоставляют ЮАР финансовую и технологическую поддержку для отказа от угольной энергетики и развития возобновляемых источников энергии; развитие высокотехнологичных отраслей южноафриканской экономики, в первую очередь в сфере фармацевтики и биотехнологий, включая создание полного цикла производства вакцин. Нигерия рассматривается как ключевой региональный игрок в Западной Африке, чья стабильность важна для многосторонних инициатив в сфере безопасности и здравоохранения. Взаимодействие с Ганой сфокусировано на поддержке

¹ The G-20 Compact with Africa: A Joint AfDB, IMF and WBG Report. Presented at the G-20 Finance Ministers and Central Bank Governors Meeting, Baden-Baden, Germany, March 17–18, 2017. URL: https://gbdrrf.org/system/files/privatefiles/the_g-20_compact_with_africa_a_joint_afdb_imf_and_wbg_report.pdf (дата обращения: 17.07.2025); Ein Marshallplan mit Afrika. Bundesministerium für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung. URL: http://www.bmz.de/de/laender_regionen/marshallplan_mit_afrika/index.jsp (дата обращения: 30.06.2025).

² BMZ Afrika-Strategie. Afrika — Dynamischer Kontinent mit Zukunft. Документ Федерального министерства экономического сотрудничества и развития Германии (BMZ). URL: <https://www.bmz.de/en/countries/bmz-africa-strategy> (дата обращения: 01.07.2025).

создания институтов, имеющих значение для всего региона: в области здравоохранения — создание государственных органов, регулирующих и контролирующих стандарты производства лекарств и вакцин; сотрудничество с Центром подготовки по поддержанию мира имени Кофи Аннана (КАИРТС), который готовит экспертов для миротворческих миссий под эгидой Африканского союза и ЭКОВАС.

Исследование строится на сравнительно-историческом методе, позволяющем сопоставить политику Берлина в отношении двух групп стран для выявления того, как историческое наследие и современный прагматизм формируют различные модели взаимодействия. В фокусе анализа для бывших колоний находится степень влияния колониального прошлого на сегодняшнюю повестку — от доминирующей роли политики памяти (Намибия) до более прагматичных форматов сотрудничества (Танзания, Того). В отличие от отношений, отягощенных историческим наследием, сотрудничество Германии с ЮАР, Нигерией и Ганой исследуется через призму актуальных экономических, политических и ценностных оснований партнерства [2. С. 23]. Такой подход позволяет системно оценить, является ли колониальный фактор определяющим для отношений Германии с Африкой или же он уступает текущим стратегическим интересам.

Источниковая база исследования сформирована исходя из хронологических рамок анализа (с 2017 по 2025 г.). Первичным источником, задающим общие рамки внешней политики ФРГ, является «Национальная стратегия безопасности» (2023 г.)³. Конкретные цели и инструменты политики в отношении Африки определены в специализированных документах: обновленных «Руководящих принципах федерального правительства по Африке» (2025 г.)⁴ и «Африканской стратегии» Федерального министерства экономического сотрудничества и развития (2025 г.)⁵. Также используются документы по практической реализации новой африканской стратегии, включая ключевые двусторонние соглашения (германо-намибийское заявление 2021 г.)⁶ и мате-

³ Национальная стратегия безопасности Федерального правительства Германии. 2023. URL: <https://www.nationalesicherheitsstrategie.de/national-security-strategy-RU.pdf> (дата обращения: 16.07.2025).

⁴ Auswärtiges Amt. Shaping partnerships together in a changing world. Federal Government's Africa Policy Guidelines. Berlin. 2025. January. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/resource/blob/2693698/7aa8540c03a85fcb9b993e5b83b5bf7b/afrikapolitische-leitlinien-data.pdf> (дата обращения: 16.07.2025).

⁵ Gemeinsam mit Afrika Zukunft gestalten: Die Afrika-Strategie des BMZ. 2023. URL: <https://www.bmz.de/resource/blob/137600/bmz-afrika-strategie-de.pdf> (дата обращения: 02.07.2025).

⁶ Gemeinsame Erklärung von Deutschland und Namibia [Электронный ресурс] : офиц. заявление МИД Германии от 28 мая 2021 г. // Auswärtiges Amt. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/2463396-2463396> (дата обращения: 15.07.2025).

риалы по конкретным инициативам («Новый план Маршалла с Африкой»⁷, «Соглашение с Африкой» в рамках G20⁸). Ход реализации этих стратегий и инициатив, а также их восприятие анализируются, например, по материалам официальных заявлений и выступлений представителей сторон, таких как заявление министра иностранных дел Германии Х. Мааса (2021 г.) и интервью министра Х. Вечорек-Цойль (2004 г.), публикуемым на правительственных порталах⁹.

Исследование базируется на научных публикациях авторов, изучающих историческую ответственность Германии за геноцид в Намибии (Я.Б. Гевальд, Э. Хэмрик, Дж. Лати, П. ван Руйен) [3–6], современную африканскую стратегию Берлина и его ключевых партнеров (А. Шлегель, Н.В. Еремина, К.И. Косачев) [7–9], экономические интересы и «мягкую силу» ФРГ в Африке (З.С. Савина, И.О. Абрамова, И.Б. Балашов, Ф.О. Трунов, А.С. Сидоров, И.Э. Магадеев) [10–15], а также постколониальный диалог (И.В. Следзевский, Н.В. Ивкина, Е.С. Полуниин) [2, 16, 17]. Такой подход позволяет проследить преемственность и новации в подходе Берлина от общих стратегических установок до их регионального и странового применения.

Политика Германии в Африке: между экономикой и «мягкой силой»

Внешнеполитическая стратегия Германии формируется вокруг трех взаимосвязанных принципов: экономический прагматизм и обеспечение конкурентоспособности; продвижение ценностной повестки (права человека, демократия, верховенство права) как основы «мягкой силы»; принятие исторической ответственности за прошлое¹⁰. Эти принципы, зафиксированные в документах

⁷ Ein Marshallplan mit Afrika. Bundesministerium für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung. URL: http://www.bmz.de/de/laender_regionen/marshallplan_mit_afrika/index.jsp (дата обращения: 30.06.2025).

⁸ The G-20 Compact with Africa: A Joint AfDB, IMF and WBG Report. Presented at the G-20 Finance Ministers and Central Bank Governors Meeting, Baden-Baden, Germany, March 17–18, 2017. URL: https://gbdrrf.org/system/files/privatefiles/the_g-20_compact_with_africa_a_joint_afdb_imf_and_wbg_report.pdf (дата обращения: 17.07.2025).

⁹ Gemeinsame Erklärung von Deutschland und Namibia [Электронный ресурс] : офиц. заявление МИД Германии от 28 мая 2021 г. // Auswärtiges Amt. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/2463396-2463396> (дата обращения: 15.07.2025); Rede von Bundesministerin für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung, Heidemarie Wieczorek-Zeul bei den Gedenkfeierlichkeiten zum 100. Jahrestag der Herero-Aufstände, 14. August 2004 in Namibia. URL: <http://www.baerfilm.de/PDF/RedeWieczorek-ZeulNamibia.pdf> (дата обращения: 13.07.2025).

¹⁰ Koalitionsvertrag 2021–2025 zwischen SPD, BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN und FDP [Электронный ресурс] : «Mehr Fortschritt wagen. Bündnis für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit» : офиц. текст соглашения от 7 декабря 2021 г. // Социал-демократическая партия Германии (SPD). URL: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Koalitionsvertrag/Koalitionsvertrag_2021-2025.pdf (дата обращения: 18.07.2025).

стратегического уровня¹¹, находят свое концентрированное и наглядное воплощение в африканской политике Берлина, делая континент ключевым полигоном для реализации комплексной модели «ответственного партнерства». Начиная с 2017 г., Берлин значительно активизировал свою деятельность, запустив такие амбициозные инициативы, как «Новый план Маршалла с Африкой» (*Marshall Plan with Africa*) и «Договор с Африкой» (*Compact with Africa*) в рамках G20¹². Официально эти программы нацелены на отход от традиционной модели «донор — реципиент» и формирование равноправного партнерства, содействие устойчивому экономическому развитию и создание рабочих мест, что, в свою очередь, должно способствовать сокращению нелегальной миграции в Европу [10. С. 60].

Однако в декларациях о партнерстве и совместном развитии прослеживаются глубокие прагматические интересы, которые некоторые исследователи характеризуют как форму «энергетического неокOLONиализма» [12. С. 15]. С одной стороны, Германия активно продвигает на континенте «зеленую повестку», предлагая свои технологии в области возобновляемой энергетики. Этот фокус является прямым следствием стратегического выбора, зафиксированного в «Африканской стратегии BMZ» 2023 г., где сотрудничество в области «зеленого» водорода названо одним из ключевых направлений¹³. С другой стороны, Германия стремится обеспечить себе доступ к стратегически важным минеральным ресурсам, таким как кобальт в Демократической Республике Конго, платина в ЮАР, а также к углеводородному сырью Нигерии и Анголы [10. С. 61]. Этот двойственный подход позволяет Берлину одновременно и продавать свои «зеленые» технологии, и обеспечивать сырьевую безопасность своей промышленности. Интересно, что, несмотря на возросшую политическую активность, фактические объемы немецких инвестиций в Африку остаются сравнительно небольшими, составляя всего около 0,25 % от общего

¹¹ Национальная стратегия безопасности Федерального правительства Германии. 2023. URL: <https://www.nationalesicherheitsstrategie.de/national-security-strategy-RU.pdf> (дата обращения: 16.07.2025); Auswärtiges Amt. Shaping partnerships together in a changing world. Federal Government's Africa Policy Guidelines. Berlin. 2025. January. URL: <https://www.auswaertigesamt.de/resource/blob/2693698/7aa8540c03a85fcb9b993e5b83b5bf7b/afrikapolitische-leitlinien-data.pdf> (дата обращения: 16.07.2025); Gemeinsam mit Afrika Zukunft gestalten: Die Afrika-Strategie des BMZ. 2023. URL: <https://www.bmz.de/resource/blob/137600/bmz-afrika-strategie-de.pdf> (дата обращения: 02.07.2025).

¹² Marshallplan mit Afrika. Bundesministerium für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung. URL: http://www.bmz.de/de/laender_regionen/marshallplan_mit_afrika/index.jsp (дата обращения: 30.06.2025); The G-20 Compact with Africa: A Joint AfDB, IMF and WBG Report. Presented at the G-20 Finance Ministers and Central Bank Governors Meeting, Baden-Baden, Germany, March 17–18, 2017. URL: https://gbdrrf.org/system/files/privatefiles/the_g-20_compact_with_africa_a_joint_afdb_imf_and_wbg_report.pdf (дата обращения: 17.07.2025).

¹³ Gemeinsam mit Afrika Zukunft gestalten: Die Afrika-Strategie des BMZ. 2023. URL: <https://www.bmz.de/resource/blob/137600/bmz-afrika-strategie-de.pdf> (дата обращения: 02.07.2025).

объема прямых иностранных инвестиций Германии, и сконцентрированы преимущественно в ЮАР и странах Северной Африки¹⁴. Это несоответствие между политическим вниманием и реальным экономическим вкладом свидетельствует о том, что сегодня для Берлина Африка важнее как стратегический плацдарм, нежели как экономический партнер. Такая политика указывает на долгосрочную игру, направленную на упреждающее укрепление своего влияния на континенте в условиях растущей конкуренции со стороны Китая и России [18].

Наряду с продвижением своих экономических интересов на континенте, африканская политика Берлина делает основополагающую ставку на применение так называемых инструментов «мягкой силы», которые составляют фундамент этого стратегического курса¹⁵. Центральное место здесь занимают программы в области образования, профессиональной подготовки, науки и культуры. Особый акцент делается на работе с молодежью и гражданским обществом в целях формирования нового поколения африканских лидеров, разделяющих так называемые «западные ценности» [18]. Для этого используются разветвленные сети политических фондов (таких как Фонд им. Конрада Аденауэра¹⁶ или Фонд им. Фридриха Эберта¹⁶), религиозных и неправительственных организаций. Продвижение немецкого языка через Гёте-Институт также важное направление работы, особенно в бывших колониях, как, например, в Намибии¹⁷.

В рамках официальной стратегии «Вместе с Африкой», принятой в 2023 г., декларируется приверженность демократии, правам человека, гендерному равенству и даже правам ЛГБТК+ сообщества¹⁸, что является прямым вмешательством в чувствительные социокультурные вопросы многих африканских обществ¹⁹. В сфере здравоохранения ярким примером такого

¹⁴ Banse F. Deutsche Afrikapolitik in geopolitischer Neujustierung // Bundeszentrale für politische Bildung. 2024. 26 июня. URL: <https://www.bpb.de/themen/afrika/dossier-afrika/549885/deutsche-afrikapolitik-in-geopolitischer-neujustierung/> (дата обращения: 01.07.2025).

¹⁵ Auswärtiges Amt. Shaping partnerships together in a changing world. Federal Government's Africa Policy Guidelines. Berlin. 2025. January. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/resource/blob/2693698/7aa8540c03a85fcb9b993e5b83b5bf7b/afrikapolitische-leitlinien-data.pdf> (дата обращения: 16.07.2025).

¹⁶ В статье упоминаются организации, признанные нежелательными на территории Российской Федерации: Фонд Конрада Аденауэра (Konrad-Adenauer-Stiftung), Фонд Фридриха Эберта (Friedrich-Ebert-Stiftung). Статья подготовлена в научных целях и не направлена на пропаганду деятельности указанных структур.

¹⁷ Rapport d'information sur les relations entre la France et l'Afrique // Assemblée nationale. 2023. 08 ноября. URL: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/16/rapports/cion_afetr/116b1841_rapport-information (дата обращения: 02.07.2025).

¹⁸ Деятельность международного общественного движения ЛГБТК+ признана экстремистской и запрещена в Российской Федерации.

¹⁹ Gemeinsam mit Afrika Zukunft gestalten: Die Afrika-Strategie des BMZ. 2023. URL: <https://www.bmz.de/resource/blob/137600/bmz-afrika-strategie-de.pdf> (дата обращения: 02.07.2025).

подхода стала инициатива немецкой компании БиоНТек (BioNTech) по созданию в Африке модульных заводов по производству вакцин, что, с одной стороны, явилось ответом на гуманитарный вызов, а с другой — обеспечивает немецким технологиям и стандартам прочное место на перспективном фармацевтическом рынке континента²⁰.

Бремя прошлого: Намибия и вопрос исторической ответственности

Среди всех африканских направлений германской внешней политики отношения с Намибией занимают уникальное и центральное место, которое невозможно осмыслить вне контекста тяжелейшего исторического наследия.

Именно на территории бывшей колонии Германской Юго-Западной Африки в период с 1904 по 1908 г. произошли события, которые квалифицируются как первый геноцид XX в. Эта правовая оценка была впервые закреплена в 1985 г. в документах Специального доклада ООН и связана с целенаправленным уничтожением народов гереро и нама германскими колониальными войсками [3; 19]. Вследствие этих карательных операций, включавших массовые расстрелы, изгнание в пустыню Омахеке на верную смерть от голода и жажды, а также заключение в концентрационные лагеря, было уничтожено до 83 % народа гереро и около 50 % народа нама²¹ [1]. Это трагическое событие является не просто историческим фактом, а постоянно действующим фактором, который накладывает глубокий отпечаток на весь комплекс современных двусторонних отношений и служит своего рода лакмусовой бумажкой для оценки искренности постколониальной политики Германии.

В течение многих десятилетий после Второй мировой войны Берлин избегал какого-либо официального определения этих событий как геноцида, опасаясь, прежде всего, юридических последствий и создания прецедента для требований о выплате репараций [16. С. 174]. Вместо этого Германия позиционировала себя как одного из крупнейших доноров, оказывающих Намибии помощь в целях развития, что было формой молчаливого признания особой исторической ответственности, но не юридической вины. Эта позиция начала меняться лишь в новом тысячелетии под давлением как намибийского общества, так и левых и «зеленых» политических сил в самой ФРГ. Важным, хотя и чисто символическим, шагом стало выступление в 2004 г. министра по вопросам экономического сотрудничества и развития

²⁰ Germany's BioNTech plans modular vaccine factories in Africa 2022 // Al Jazeera. 2022. 16 февраля. URL: <https://www.aljazeera.com/economy/2022/2/16/germanys-biontech-plans-modular-vaccine-factories-in-africa> (дата обращения: 30.06.2025).

²¹ Whitaker B. Revised and updated report on the question of the prevention and punishment of the crime of genocide. UN Sub-Commission on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities. UN Doc. E/CN.4/Sub.2/1985/6. 1985. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/111336> (дата обращения: 10.11.2025).

Германии Хайдемари Вечорек-Цойль. Во время визита в Намибию она впервые на высоком официальном уровне публично употребила слово «геноцид» в отношении событий 1904–1908 гг.²² Однако позднее в интервью она уточнила, что это было ее личное мнение, не согласованное с правительством²³. Эта оговорка демонстрировала крайнюю политическую чувствительность и неподготовленность Берлина к официальному признанию геноцида на том этапе, сводя сам шаг к личной инициативе, не менявшей государственную позицию [16. С. 175].

Кульминацией многолетнего и сложного переговорного процесса стало совместное заявление правительств двух стран, сделанное 28 мая 2021 г.²⁴ В нем министр иностранных дел Германии Хайко Маас прямо заявил: «С сегодняшней точки зрения мы будем официально называть эти события тем, чем они являются: геноцидом»²⁵. В этом документе Германия официально признала свою «историческую и моральную ответственность» за геноцид и обязалась в течение 30 лет создать специальный фонд в размере 1,1 миллиарда евро. Эти средства предназначены для финансирования проектов в области земельной реформы, сельского хозяйства, водоснабжения и профессиональной подготовки в регионах, населенных потомками пострадавших общин²⁶. Принципиально важно, что Берлин настоял на том, чтобы эти выплаты не квалифицировались как «репарации» в строгом юридическом смысле этого слова. Это позволило избежать создания правового прецедента, который мог бы повлечь за собой аналогичные требования со стороны других стран, пострадавших от действий Германии в прошлом, например, Польши или Греции.

Реакция на это соглашение оказалась крайне неоднозначной. Правительство Намибии во главе с бывшим президентом Хаге Геингобом охарактеризовало его как «исторический прорыв» и важный шаг на пути к примирению. Однако многие представители народов гереро и нама,

²² Rede von Bundesministerin für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung, Heidemarie Wieczorek-Zeul bei den Gedenkfeierlichkeiten zum 100. Jahrestag der Herero-Aufstände, 14. August 2004 in Namibia. URL: <http://www.baerfilm.de/PDF/RedeWieczorek-ZeulNamibia.pdf> (дата обращения: 13.07.2025).

²³ Dieser Schritt ist unvermeidlich // Süddeutsche Zeitung. 2015 URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/deutsche-verbrechen-an-herero-und-nama-dieser-schritt-ist-unvermeidlich-1.2459981> (дата обращения: 22.07.2025).

²⁴ United in Remembrance of our Colonial Past, United in our Will to Reconcile, United in our Vision of the Future. The Parliament of the Republic of Namibia. 2021. URL: https://www.dngev.de/images/stories/Startseite/joint-declaration_2021-05.pdf (дата обращения: 01.07.2025).

²⁵ Gemeinsame Erklärung von Deutschland und Namibia [Электронный ресурс] : офиц. заявление МИД Германии от 28 мая 2021 г. // Auswärtiges Amt. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/2463396-2463396> (дата обращения: 15.07.2025).

²⁶ A century after German rule, genocide compensation deal divides Namibia // France24. 2021. 12 ноября. URL: <https://www.france24.com/en/tv-shows/revisited/20211112-a-century-after-german-rule-genocide-compensation-deal-divides-namibia> (дата обращения: 01.07.2025).

в частности, через свои традиционные вождества и общественные организации, отвергли соглашение. Они сочли предложенную сумму недостаточной и оскорбительной, а сам формат помощи через проекты развития — унижительным²⁷ [20. С. 8]. Их ключевым требованием остаются прямые индивидуальные репарации потомкам жертв, а также их непосредственное участие в переговорном процессе, чего, по их мнению, не было обеспечено в должной мере [2]. Эти протесты и продолжающиеся дебаты как в Намибии, так и в Германии свидетельствуют о том, что финансовые выплаты и политические декларации не могут автоматически закрыть глубокую историческую рану.

Помимо политико-экономических аспектов, огромное символическое значение в процессе примирения имеет культурно-гуманитарная сфера. Важнейшим шагом на этом пути стало возвращение в Намибию из германских музеев и антропологических коллекций человеческих останков представителей народов гереро и нама, которые были вывезены в колониальный период для псевдонаучных расовых «исследований». Каждый такой акт имеет мощный эмоциональный и политический резонанс, символизируя восстановление достоинства жертв геноцида [16. С. 176]. Продолжается и сложный диалог о реституции культурных ценностей, что вписывает германо-намибийские отношения в более широкий глобальный контекст деколонизации музейного пространства. Таким образом, уникальный случай Намибии демонстрирует, что для Германии постколониальная политика — это не абстрактная концепция, а живая и болезненная реальность. Необходимость постоянно соотносить свои современные экономические и политические интересы с бременем исторической вины вынуждает Берлин выстраивать сложную, многоуровневую и часто противоречивую стратегию, где прагматизм соседствует с попытками морального искупления, а «мягкая сила» и гуманитарные проекты становятся неотъемлемой частью большого геополитического диалога [6; 21].

Взаимодействие Берлина с Танзанией и Того: сценарий прагматизма

Если диалог с Намибией определяется тяжестью исторического наследия и политической напряженностью, то выстраивание связей с другими бывшими колониями, такими как Того и Танзания (последняя являлась ядром Германской Восточной Африки), подчиняется совершенно другой логике, в основе которой лежит преимущественно прагматичный подход.

²⁷ *Du Plessis Y.* Apartheid was erger as volksmoord, sê Geingob // Republikein. 2023. 20 сентября. URL: <https://www.republikein.com/na/regering/apartheid-was-erger-as-volksmoord-se-geingob2023-09-20> (дата обращения: 30.06.2025).

Несмотря на то, что и здесь германское колониальное правление сопровождалось экономической эксплуатацией и жестоким подавлением сопротивления, отсутствие двух ключевых факторов — официально признанного геноцида и прямого постколониального преемства — коренным образом изменило траекторию двусторонних отношений. Анализ этих случаев позволяет глубже понять, насколько сильно исторический контекст и конкретные события прошлого определяют характер постколониальной политики Берлина.

Среди всех заморских владений германской короны наибольшую стратегическую и экономическую ценность представляло именно самое масштабное из них — Германская Восточная Африка, на территории которой сегодня располагаются Танзания, Руанда и Бурунди. Берлин возлагал на нее большие экономические и геополитические надежды, рассматривая ее как потенциальный аналог «Британской Индии» и плацдарм для дальнейшей экспансии [22. С. 118]. Колониальное освоение здесь велось с характерной для имперской Германии методичностью, направленной на максимальную экономическую эксплуатацию. Это неизбежно привело к одному из самых масштабных и кровопролитных антиколониальных выступлений на континенте — восстанию Маджи-Маджи 1905–1907 гг. Подавление восстания было чрезвычайно жестоким и, по разным оценкам, унесло жизни от 75 до 300 тысяч африканцев, в основном из-за голода, вызванного тактикой «выжженной земли», применявшейся германскими войсками [22. С. 138; 23. С. 1].

Однако, несмотря на масштаб трагедии, историческая память об этих событиях и их влияние на двусторонние отношения принципиально отличаются от намибийского случая. Во-первых, жестокость подавления восстания Маджи-Маджи, при всей ее бесчеловечности, не вписывается в юридическую и политическую рамки геноцида, как это произошло с целенаправленным приказом об уничтожении народов гереро и нама. Во-вторых, совершенно иную окраску исторической памяти придали события Первой мировой войны. Кампания, которую вел в Восточной Африке командующий германскими колониальными войсками генерал Пауль Эмиль фон Леттов-Форбек, вошла в анналы военной истории как образец успешной партизанской войны [4; 18]. На протяжении всех четырех лет военных действий этот небольшой по численности отряд, укомплектованный немецкими офицерами и местными солдатами-аскари, оставался непобежденным, эффективно сдерживая многократно превосходившие его силы Антанты и прекратив сопротивление лишь тогда, когда стало известно о капитуляции Германии в Европе²⁸. Этот факт создал в Германии героический миф о «непобедимом генерале» и «верных аскари», который на долгое время заслонил собой

²⁸ Deutschland und Afrika: Konzept der Bundesregierung. 2011. URL: <https://www.bmvg.de/resource/blob/12804/1a1f8991061fc0ea10663e8df344075d/deutschland-und-afrika-konzept-der-bundesregierung-data.pdf> (дата обращения: 01.07.2025).

память о предшествующих колониальных преступлениях. В результате в немецкой исторической памяти сформировался не образ колониального палача, ответственного за геноцид, как в Намибии, а образ доблестного воина и тактического гения, связанный с кампанией в Восточной Африке.

Определяющее значение для последующей траектории германо-танзанийских отношений имело то обстоятельство, что завершение Первой мировой войны не принесло независимости бывшей Германской Восточной Африке; вместо этого территория была передана под мандатный контроль Великобритании и Бельгии. Таким образом, прямая колониальная связь с Германией была разорвана, а бремя постколониальной ответственности, включая экономическое развитие и формирование новых политических институтов, легло на другие державы [13. С. 211]. Это позволило Германии выстраивать отношения с независимой Танзанией уже с «чистого листа», на новой, деколонизированной основе. Сегодня Танзания является одним из важных партнеров ФРГ в Африке в сфере сотрудничества в целях развития. Германия активно финансирует проекты в области водоснабжения, здравоохранения, сохранения биоразнообразия и развития возобновляемой энергетики, как, например, в рамках программы «Энергоэффективность 2030» [10]. Историческое прошлое присутствует в диалоге, но не доминирует в нем, уступая место прагматичным вопросам экономического и социального развития.

Еще более показателен случай Того. Эта небольшая колония в немецкий период считалась «образцовой» (*Musterkolonie*). Здесь была создана относительно развитая инфраструктура (порты, железные дороги), а плантационное хозяйство, основанное на экспорте какао, кофе и хлопка, приносило метрополии стабильный доход²⁹. Разумеется, это «образцовое» хозяйство было построено на принудительном труде и жесткой административной системе, однако оно избежало масштабных кровопролитных войн, сопоставимых с событиями в Намибии или Танзании. После 1918 г. Того также было передано под мандат Лиги Наций и разделено между Францией и Великобританией [15. С. 119]. Таким образом, как и в случае с Танзанией, прямая колониальная ответственность Германии была прервана. Вследствие этого современные германо-тоголезские отношения носят более узкий, сфокусированный на конкретных сферах, прагматичный характер. Сотрудничество осуществляется преимущественно через многосторонние форматы по линии Европейского союза и сводится к реализации отдельных гуманитарных и образовательных проектов [24. С. 143].

Следовательно, на примере Того и Танзании отчетливо видно, как конкретные исторические обстоятельства — отсутствие юридически

²⁹ Afrika-Strategie des BMBF Perspektiven schaffen! 2018. URL: https://www.bmbf.de/SharedDocs/Publikationen/de/bmbf/2/30928_Afrika_Strategie_des_BMBF.pdf (дата обращения: 01.07.2025).

признанного геноцида и, что не менее важно, передача колоний под управление другим державам после Первой мировой войны, — позволили Германии избежать того груза исторической ответственности, который определяет ее политику в отношении Намибии [14. С. 94]. Это дало возможность выстраивать с Танзанией и Того более прагматичные, деполитизированные и менее затратные в репутационном плане отношения, фокусируясь на стандартных инструментах политики развития и экономического сотрудничества.

ЮАР, Нигерия и Гана: модели партнерства с Германией

Африканская стратегия Берлина выходит далеко за рамки взаимодействия исключительно с бывшими колониями, где диалог неизбежно отягощен вопросами исторического наследия и постколониальной ответственности. В этой парадигме важнейшую роль для германской политики играют государства, исторически не связанные с Берлином колониальными узами: анализ взаимодействия с Южно-Африканской Республикой, Нигерией и Ганой позволяет выявить эти новые основания сотрудничества. Отношения с ними строятся на принципиально иных, гораздо более прагматичных основаниях, где на первый план выходят взаимные экономические интересы, геополитические соображения и совместное решение глобальных проблем.

Южно-Африканская Республика: партнерство равных с историческим подтекстом. ЮАР занимает особое место среди африканских партнеров Германии. Наиболее индустриально развитая страна континента, член G20 и БРИКС, ЮАР рассматривается в Берлине не в качестве реципиента помощи, а как равный партнер на мировой арене. Экономические связи между двумя государствами в числе самых интенсивных и диверсифицированных для Германии на всем африканском континенте [7]. Германия — один из важнейших торговых партнеров ЮАР, а немецкие компании, особенно в автомобильной промышленности (Фольксваген, БМВ, Мерседес-Бенц), — крупнейшие инвесторы в южноафриканскую экономику, создающие десятки тысяч рабочих мест³⁰. Немецкие автогиганты производят автомобили в Южной Африке с 1996 г., используя страну как производственный хаб для всего региона и экспорта на другие рынки.

Помимо экономики, отношения двух стран имеют и глубокое политическое измерение. Уникальность этого партнерства заключается в том, что оба государства в XX в. прошли через сложнейший процесс преодоления тяжелого прошлого — нацизма в Германии и апартеида в ЮАР³¹ [8. С. 53]. Этот

³⁰ Letter Journals of Hendrik Witbooi. Memory of the World // UNESCO. URL: <https://www.unesco.org/en/memoryworld/letter-journals-hendrik-witbooi> (дата обращения: 30.06.2025).

³¹ Pro! Afrika. Perspektiven fördern, Chancen nutzen, Wirtschaft stärken. 2017. URL: <https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Downloads/S-T/strategiepapier-pro-afrika.pdf> (дата обращения: 01.07.2025).

болезненный, хотя и несравнимый по своей сути, исторический опыт создает прочную основу для взаимопонимания и диалога по вопросам демократии, прав человека, верховенства закона и национального примирения. Германия активно поддерживала борьбу с апартеидом (хотя и не всегда последовательно) и была одним из первых государств, установивших тесные отношения с ЮАР после 1994 г. [25. С. 3]. Сегодня обе страны тесно сотрудничают на многосторонних площадках, совместно решая глобальные проблемы, от изменения климата до реформы международных финансовых институтов³². Таким образом, германо-южноафриканское партнерство является образцом равноправных и взаимовыгодных отношений, где исторический контекст служит не источником конфликтов, а основой для глубокого политического взаимопонимания.

Нигерия: экономическое партнерство и сотрудничество в сфере безопасности. Нигерия как самая населенная страна и крупнейшая экономика Африки является для Германии ключевым партнером в Западной Африке. Основу двусторонних отношений составляет экономическое сотрудничество. Германия заинтересована в Нигерии как в крупном поставщике энергоресурсов (в первую очередь, нефти) и как в огромном, динамично растущем потребительском рынке для своей продукции³³. В то же время Берлин признает, что экономический потенциал Нигерии сдерживается серьезными внутренними проблемами: коррупцией, инфраструктурными ограничениями и, главное, отсутствием безопасности^{34, 35}.

Именно поэтому вопросы безопасности занимают центральное место в германо-нигерийском диалоге. Германия оказывает значительную поддержку Нигерии в борьбе с террористической группировкой «Боко Харам» и другими экстремистскими движениями. Эта помощь носит невоенный характер и включает в себя поставки нелетального оборудования (транспортных средств, средств связи, защитного снаряжения), обучение сил безопасности и полиции, а также реализацию проектов, направленных на стабилизацию ситуации

³² 'Grüner' Wasserstoff: Deutschland will Produktion in Afrika fördern. 04.09.2024. URL: <https://www.handelsblatt.com/dpa/gruener-wasserstoff-deutschland-will-produktion-in-afrika-foerdern/29976106.html> (дата обращения: 02.07.2025) ; A century after German rule, genocide compensation deal divides Namibia // France24. 2021. 12 ноября. URL: <https://www.france24.com/en/tv-shows/revisited/20211112-a-century-after-german-rule-genocide-compensation-deal-divides-namibia> (дата обращения: 01.07.2025).

³³ Strategi for norsk engasjement med afrikanske land // Официальный сайт Правительства Норвегии. URL: <https://www.regjeringen.no/no/dokumenter/afrika-strategi/id3050195/> (дата обращения: 03.07.2025).

³⁴ Letter Journals of Hendrik Witbooi. Memory of the World // UNESCO. URL: <https://www.unesco.org/en/memoryworld/letter-journals-hendrik-witbooi> (дата обращения: 30.06.2025).

³⁵ The EU's Approach To The Horn: Internal and External Challenges // ISPI. URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/the-eus-approach-to-the-horn-internal-and-external-challenges-179114> (дата обращения: 02.07.2025).

в затронутых конфликтом регионах и предотвращение радикализации молодежи³⁶ [9]. Например, в рамках своей африканской стратегии Германия активно поддерживает программы по укреплению пограничного контроля и созданию трансграничных механизмов безопасности в регионе озера Чад [24]. Таким образом, в отношениях с Нигерией Германия выступает в роли партнера, который помогает решать насущные проблемы безопасности, создавая тем самым условия для более глубокого экономического проникновения и долгосрочного сотрудничества.

Гана: партнерство на основе демократических ценностей и научно-технического сотрудничества. В африканской политике Германии Гана рассматривается как стабильный и предсказуемый партнер в Западной Африке, что делает ее важным союзником Берлина в продвижении его внешнеполитической повестки. В условиях политической турбулентности, охватившей многих соседей по региону, Гана рассматривается германской дипломатией как «якорь стабильности»³⁷. Берлин активно поддерживает развитие демократических институтов Ганы, ее гражданского общества и независимые СМИ³⁸ [11. С. 27]. Это создает благоприятный фон для развития двусторонних отношений, которые выходят за рамки традиционной помощи.

Показательным примером нового качества сотрудничества является совместный проект в сфере высоких технологий — строительство крупного радиоастрономического телескопа в г. Кунтунсе, недалеко от Аккры. Этот проект, реализуемый при активном участии южноафриканских и германских ученых и инженеров, является частью более широкой инициативы по созданию Африканской сети интерферометрии со сверхдлинными базами (Африкан ВиЭлБиАй Нетворк (*African VLBI Network*)). Проект не только способствует развитию фундаментальной науки в Гане, но и создает высококвалифицированные рабочие места, стимулирует развитие IT-инфраструктуры и интегрирует ганских ученых в глобальное научное сообщество [26]. Этот пример демонстрирует, как Германия стремится выстраивать с перспективными африканскими партнерами отношения, основанные не на эксплуатации

³⁶ Discours d’Emmanuel Macron à l’université de Ouagadougou // Elysee.fr. 2017. 28 ноября. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/11/28/discours-demmanuel-macron-a-luniversite-de-ouagadougou> (дата обращения: 02.07.2025).

³⁷ Eröffnungsrede von Außenministerin Baerbock auf der Konferenz „Stärkung der Demokratie — Auf dem Weg zu widerstandsfähigen Institutionen und Gesellschaften in den G7 und in Afrika“ [Электронный ресурс] : офиц. речь МИД Германии от 26 сент. 2022 г. // Auswärtiges Amt. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/2554456-2554456> (дата обращения: 21.10.2025).

³⁸ Strategi för Sveriges regionala utvecklingssamarbete med Afrika 2022–2026 // Официальный сайт Правительства Швеции. URL: <https://www.regeringen.se/strategier-for-internationalt-bistand/2022/03/strategi-for-sveriges-regionala-utvecklingssamarbete-med-afrika-20222026/> (дата обращения: 03.07.2025).

ресурсов, а на передаче технологий и совместном создании знаний, что является ярким примером «умной» мягкой силы и закладывает основу для долгосрочного и взаимовыгодного партнерства³⁹.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что влияние колониального прошлого на современное сотрудничество Германии с Африкой неодинаково и зависит от конкретной области взаимодействия.

Внешнеполитическая стратегия Берлина не монолитна. Она гибко адаптируется к историческому контексту, экономическому потенциалу и геополитическому значению каждого партнера, однако в ее основе лежит сложное переплетение прагматических интересов и постколониальной рефлексии.

В отношениях с бывшими колониями, и в особенности с Намибией, фактор исторического наследия остается доминирующим. Признание исторической ответственности и публичное обозначение произошедшего как геноцида, запуск программ по «примирению» и реституция культурных ценностей не просто жест доброй воли, а насущная политическая необходимость, без которой невозможно выстраивание конструктивного диалога. Пример Намибии демонстрирует, как бремя прошлого вынуждает Германию формировать уникальную модель постколониальных отношений, где моральная ответственность и политика памяти становятся неотъемлемыми элементами внешнеполитического курса, тесно переплетаясь с современными экономическими и гуманитарными инициативами. В то же время на примере Того и Танзании видно, что при отсутствии официально признанного геноцида и разрыве прямой колониальной преемственности исторический дискурс уходит на второй план, уступая место более стандартным формам сотрудничества в целях развития.

Совершенно иначе строятся отношения с теми партнерами, у которых нет общего с Германией колониального прошлого, — с ЮАР, Нигерией и Ганой. Здесь риторика, связанная с преодолением исторического бремени, по определению отсутствует, а диалог ведется с позиции прагматизма и взаимных интересов. Эти страны рассматриваются Берлином не как бывшие подопечные, а как ключевые региональные игроки, от стабильности и процветания которых зависит будущее всего континента. Сотрудничество с ними охватывает широкий спектр областей — от масштабных экономических проектов и инвестиций в промышленность (ЮАР, Нигерия) до поддержки

³⁹ Afrikas århundrede // Официальный сайт Министерства иностранных дел Дании. URL: <https://um.dk/udenrigspolitik/aktuelle-emner/afrikas-aarhundrede> (дата обращения: 03.07.2025); Strategi for norsk engasjement med afrikanske land // Официальный сайт Правительства Норвегии. URL: <https://www.regjeringen.no/no/dokumenter/afrika-strategi/id3050195/> (дата обращения: 03.07.2025).

демократических институтов и реализации высокотехнологичных научных инициатив (Гана).

Несмотря на все различия, можно выделить и общую парадигму, лежащую в основе современной африканской политики Германии. Берлин стремится позиционировать себя как ответственного и ценностно-ориентированного партнера, продвигая на континенте модель развития, основанную на демократии, правах человека и устойчивости. Эта политика «мягкой силы», подкрепленная значительными финансовыми вливаниями и многосторонними дипломатическими усилиями в рамках Европейского союза, направлена на долгосрочное укрепление германского влияния в Африке. В условиях растущей конкуренции со стороны других глобальных акторов, в первую очередь Китая и России, Германия делает ставку на формирование прозападных элит и интеграцию африканских экономик в глобальные цепочки поставок на своих условиях. Таким образом, современное сотрудничество Германии с африканскими странами представляет собой сложный и динамичный процесс, в котором стремление к искуплению исторической вины органично сочетается с трезвым геополитическим расчетом, а гуманитарные идеалы служат эффективным инструментом для достижения вполне прагматичных экономических и политических целей.

Список литературы

1. *Нестерова Е.С.* К истории присутствия Германии в ЮЗА: преступление без наказания // Сборник материалов Международной научной конференции «Восток и Африка в трансформации современной реальности». Москва, РГГУ, 19 декабря 2023 г. М. : Издатель Воробьев А.В., 2024. С. 12–24.
2. *Следзевский И.В., Неклесса А.И., Хайруллин Т.Р.* Идея постколониальности в современных цивилизационных представлениях // История и современность. 2023. № 1 (47). С. 22–62. <https://doi.org/10.30884/iis/2023.01.02> EDN: BXSFSU
3. *Gewald J.B.* Imperial Germany and the Herero of Southern Africa: genocide and the quest of recompense // Genocide, war crimes and the West: history and complicity. London : Zed Books. 2004. P. 59–77.
4. *Hamrick E., Duschinski H.* Enduring injustice: memory politics and Namibia's genocide reparations movement // Memory Studies. 2018. Vol. 11. № 4. P. 436–449. <https://doi.org/10.1177/1750698017693668>
5. *Lathi J.* Südwester Reiter: fear, belonging, and settler colonial violence in Namibia // Journal of Genocide Research. 2022. Vol. 24. № 4. P. 529–548. <https://doi.org/10.1080/14623528.2022.2078073> EDN: GPJCCU
6. *van Rooyen P.* The German attack on the witboois at Hornkranz, Namibia, April 1893 // Scientia Militaria: South African Journal of Military Studies. 2021. Vol. 49. № 1. P. 57–73. <https://doi.org/10.5787/49-1-1249>
7. *Schlegel A., Ziai A.* Die deutsche Afrikapolitik: Erneuerung einer ungleichen Zusammenarbeit? Paris : Institut Français des Relations Internationales, 2021.
8. *Еремينا Н.В.* Современные африканские стратегии государств Европы и США : монография. СПб. : Политех-пресс, 2024. EDN: RSQEIX

9. Косачев К.И. Роль Африки в новой системе международных отношений // Проблемы национальной стратегии. 2023. № 3 (78). С. 44–53. https://doi.org/10.52311/2079-3359_2023_3_44 EDN: JWDLIF
10. Савина З.С. Экономический вектор внешней политики Германии: африканский кейс // Ученые записки Института Африки РАН. 2022. № 4 (61). С. 60–69. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2022-61-4-60-69> EDN: XNERGT
11. Абрамова И.О. Большие вызовы будущего: ресурсный дефицит и международные конфликты в Африке // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития: XVIII Международные Лихачевские научные чтения, 17–19 мая 2018 г. СПб. : СПбГУП, 2018. С. 26–30.
12. Балашов И.Б., Ткаченко С.Л. Энергетический неоколониализм Германии в государствах Африки южнее Сахары // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 7 (132). С. 15–25. <https://doi.org/10.24158/per.2024.7.1> EDN: TJFCFD
13. Трунов Ф.О. Постколониальный французский Сахель: стратегическое проникновение ФРГ // Политическая наука. 2022. № 1. С. 205–223. <https://doi.org/10.31249/poln/2022.01.09> EDN: GEKSZZ
14. Сидоров А.С. Военно-политический баланс возможностей Франции в Сахеле: этапы и механизмы выхода с ТВД // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4 (116). С. 79–108. <https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.04> EDN: TOOPLM
15. Магадеев И.Э. Многосторонность как вынужденная необходимость? Эволюция французской политики в Субсахарской Африке: преемственность и новизна // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 1. С. 114–128. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-01-05> EDN: OUVCS
16. Ивкина Н.В. Культурно-гуманитарные отношения Германии и Намибии: опыт преодоления колониализма // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2022. Т. 9. № 1 (33). С. 171–181. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2022.9\(1\).171-181](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2022.9(1).171-181) EDN: AAXSBT
17. Полуниин Е.С. Итоги и последствия Первой мировой войны для немецкого населения Юго-Западной Африки и Польши // Кунсткамера. 2019. № 4 (6). С. 202–212. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2019-4\(6\)-202-212](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2019-4(6)-202-212) EDN: VSAYAG
18. Chin J.J., Bartos H. Rethinking U.S. Africa policy amid changing geopolitical realities // Texas National Security Review. 2024. Vol. 7. № 2. P. 114–132. <https://doi.org/10.26153/tsw/52237>
19. Яковлев Е. Война на уничтожение. Третий рейх и геноцид советского народа. СПб. : Питер, 2022.
20. Филиппов В.Р. Африканская политика президента Франции Э. Макрона: хроника действий и эволюция идей (2017–2022 гг.) : монография. М. : Институт Африки РАН, 2023. EDN: VAGWFL
21. Bosman H. A Nama “Exodus”? A postcolonial reading of the diaries of Hendrik Witbooi // Scriptura. 2011. Vol. 108. P. 329–341.
22. Фокин С.В. Колониальная политика Германии в 1871–1941 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. EDN: NMYKRX
23. Буталий С.В. Германия и Юго-Западная Африка: межцивилизационный контакт и его результаты (1870-е гг. — 1915 г.) : дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2010.
24. Калистратов А.Ю. Отечественная историография германского колониализма в Африке // Вестник Брянского государственного университета. 2022. № 1 (51). С. 140–167. <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2022-06-01-140-167> EDN: HPEGHG
25. Камати Ндали-Че. Политические проблемы развития стран южноафриканского региона (Зимбабве, Намибия и ЮАР) после ликвидации колониализма и апартеида : дис. ... канд. полит. наук. М., 2015.
26. Пинг Ж. Глобализация, мир, демократия и развитие в Африке. Опыт Габона : монография. М. : РАН Институт Африки, 2004. EDN: QOXDBH

References

1. Nesterova ES. On the history of the German presence in South West Africa: crime without punishment. In: *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Vostok i Afrika v transformatsii sovremennoy real'nosti»*. Moscow, RSUH, December 19, 2023. Moscow: Vorob'ev AV publ.; 2024. p. 12–24. (In Russ.).
2. Sledzevskiy IV, Neklessa AI, Khayrullin TR. The idea of postcoloniality in contemporary civilizational concepts. *History and Modernity*. 2023;(1):22–62. (In Russ.). <https://doi.org/10.30884/iis/2023.01.02> EDN: BXSFSU
3. Gewald JB. Imperial Germany and the Herero of Southern Africa: genocide and the quest of recompense. In: *Genocide, war crimes and the West: history and complicity*. London: Zed Books; 2004. P. 59–77.
4. Hamrick E, Duschinski H. Enduring injustice: memory politics and Namibia's genocide reparations movement. *Memory Studies*. 2018;11(4):436–449. <https://doi.org/10.1177/1750698017693668>
5. Lathi J. Südwester Reiter: fear, belonging, and settler colonial violence in Namibia. *Journal of Genocide Research*. 2022;24(4):529–548. <https://doi.org/10.1080/14623528.2022.2078073> EDN: GPJCCU
6. van Rooyen P. The German attack on the witboois at Hornkranz, Namibia, April 1893. *Scientia Militaria: South African Journal of Military Studies*. 2021;49(1):59–79. <https://doi.org/10.5787/49-1-1249>
7. Schlegel A, Ziai A. Die deutsche Afrikapolitik: Erneuerung einer ungleichen Zusammenarbeit? Paris: Institut Français des Relations Internationales; 2021.
8. Eremina NV. *Sovremennye afrikanskie strategii gosudarstv Evropy i SShA [Modern African Strategies of European States and the USA]*. Saint Petersburg: Politekh-press publ.; 2024. (In Russ.). EDN: RSQEIX
9. Kosachev KI. Africa's role in the new system of international relations. *National Strategy Issues*. 2023;(3):44–53. (In Russ.). https://doi.org/10.52311/2079-3359_2023_3_44 EDN: JWDLIF
10. Savina ZS. Germany's political and economic interests in Africa: opportunities and challenges. *Journal of the Institute for African Studies*. 2022;(4):60–69. (In Russ.). <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2022-61-4-60-69> EDN: XNERGT
11. Abramova Yu. Great challenges of the future: resource shortage and international conflicts in Africa. In: *Ocherki budushchego v kontekste mirovogo kulturnogo razvitiya: XVIII Mezhdunarodnye Likhachevskie chteniya* [Outlines of the Future in the Context of Global Cultural Development: XVIII International Likhachev Scientific Readings]. Saint Petersburg: SPbGUP; 2018. p. 26–30. (In Russ.).
12. Balashov IB, Tkachenko SL. Germany energy neocolonialism in Sub-Saharan states. *Society: Politics, Economics, Law*. 2024;(7):15–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/pep.2024.7.1> EDN: TJFCFD
13. Trunov FO. Post-colonial French Sahel: FRG strategic penetration. *Political Science*. 2022;(1):205–223. (In Russ.). <https://doi.org/10.31249/poln/2022.01.09> EDN: GEKSZZ
14. Sidorov AS. The Military-political balance of France's capabilities in the Sahel: stages and mechanisms of EXIT from the theater of operations. *Current Problems of Europe*. 2022;(4):79–108. (In Russ.). <https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.04> EDN: TOOPLM
15. Magadeev IE. Multilateralism as a forced necessity? Evolution of French policy in Sub-Saharan Africa: continuity and novelty. *International Organisations Research Journal*. 2022;17(1):114–128. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-01-05> EDN: OUVCS
16. Ivkina NV. Cultural and humanitarian relations between Germany and Namibia: experience of colonialism overcoming. *Herald of Omsk University. Series Historical Studies*. 2022;9(1):171–181. (In Russ.). [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2022.9\(1\).171-181](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2022.9(1).171-181) EDN: AAXSBT

17. Polunin ES. Results and consequences of the First World War for the German population in South-Western Africa and Poland. *Kunstkamera*. 2019;(4):202–212. (In Russ.). [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2019-4\(6\)-202-212](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2019-4(6)-202-212) EDN: VSAYAG
18. Chin JJ, Bartos H. Rethinking U.S. Africa policy amid changing geopolitical realities. *Texas National Security Review*. 2024;7(2):114–132. <https://doi.org/10.26153/tsw/52237>
19. Yakovlev E. *Voyna na unichtozhenie. Tretiy reykh i genotsid sovetskogo naroda* [The War of Annihilation. The Third Reich and the Genocide of the Soviet People]. Saint Petersburg: Piter publ.; 2022. (In Russ.).
20. Filippov VR. *Afrikanskaya politika prezidenta Frantsii E. Makrona: khronika deystviy i evolyutsiya idey (2017–2022 gg.)* [African Policy of French President E. Macron: A Chronicle of Actions and Evolution of Ideas (2017–2022)]. Moscow: Institut Afriki RAN publ.; 2023. (In Russ.).
21. Bosman H. A Nama “Exodus”? A postcolonial reading of the diaries of Hendrik Witbooi. *Scriptura*. 2011;108:327–341.
22. Fokin SV. *Kolonial'naya politika Germanii v 1871–1941 gg.* [The colonial policy of Germany in 1871–1941] [Dissertation]. Moscow; 2004. (In Russ.).
23. Butaliy SV. *Germaniia i Yugo-Zapadnaia Afrika: mezhsivilizatsionnyi kontakt i ego rezul'taty (1870-e gg. — 1915 g.)* [Germany and South-West Africa: intercivilizational contact and its results (1870s — 1915)] [Dissertation]. Krasnodar; 2010. (In Russ.).
24. Kalistratov AYU. Domestic Russian historiography of German colonialism in Africa. *The Bryansk State University Herald*. 2022;(1):140–167. (In Russ.). <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2022-06-01-140-167> EDN: HPEGHG
25. Kamati Ndali-Che. *Politicheskie problemy razvitiya stran yuzhnoafrikanskogo regiona (Zimbabwe, Namibiya i YuAR) posle likvidatsii kolonializma i aparteida* [Political problems of the development of the countries of the Southern African region (Zimbabwe, Namibia and South Africa) after the elimination of colonialism and apartheid] [Dissertation]. Moscow; 2015. (In Russ.).
26. Ping J. *Globalizatsiia, mir, demokratiia i razvitie v Afrike. Opyt Gabona* [Globalization, Peace, Democracy, and Development in Africa. The experience of Gabon]. Moscow: RAS Institute of Africa; 2004. (In Russ.). EDN: QOXDBH

Информация об авторах:

Маратканова Дарья Павловна — аспирант кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, e-mail: maratkanovad@yandex.ru

Зуева Елена Геннадьевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, e-mail: zueva-eg@rudn.ru ORCID: 0000-0001-8834-3398. SPIN-код: 1303-9550.

Information about authors:

Daria P. Maratkanova — PhD student of the department of World History, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, 6 Miklukho-Maklay St., Moscow, 117198, Russian Federation, e-mail: maratkanovad@yandex.ru

Elena G. Zueva — PhD in History, Associate Professor, Associate Professor at the Department of World History, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, 6 Miklukho-Maklay St., Moscow, 117198, Russian Federation, e-mail: zueva-eg@rudn.ru ORCID: 0000-0001-8834-3398. SPIN-code: 1303-9550.

ИЗ ИСТОРИИ КИТАЯ STUDIES ON CHINESE HISTORY

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-2-244-256

EDN: VYZYJG

Подход гоминьдановского правительства к оборонному строительству в 1927–1932 гг.

Тяньпэн Лю

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

✉ 2064543989@qq.com

Аннотация. В 1927 г. Нанкинское правительство столкнулось с противоречием между острой необходимостью в национальной обороне и слабыми возможностями промышленного производства. Цель исследования — выявить особенности мер, принятых китайским правительством для развития оборонной промышленности и вооруженных сил в этот период, путем сопоставления и анализа имеющихся архивных материалов. Уделено особое внимание следующим аспектам: определение стандартов национального вооружения и техники, новое формирование дивизий, а также передислокация старых и строительство новых заводов. Сделан вывод о том, что из-за таких факторов, как нехватка времени и недостаток производственных мощностей, соответствующая работа не была проведена в полном объеме. До начала военного конфликта с Японией в 1931 г. усилия властей принесли весьма ограниченные результаты. Однако эти подходы послужили основой для дальнейшего оборонного строительства во время последующей войны с Японией.

Ключевые слова: Национально-революционная армия, Вторая японо-китайская война, военная промышленность, Китай, Япония

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 19.02.2025; принята к публикации 13.12.2025.

Для цитирования: Лю Т. Подход гоминьдановского правительства к оборонному строительству в 1927–1932 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 2. С. 244–256. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-2-244-256> EDN: VYZYJG

© Лю Т., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Approach of the Kuomintang government to army construction in 1927–1932

Tianpeng Liu

Lomonosov Moscow State University, *Moscow, Russian Federation*

✉ 2064543989@qq.com

Abstract. The relevance of the topic lies in the fact that after the establishment of the Nanjing government in 1927, due to the turbulent situation, it has long faced the contradiction between the urgent need for national defense and the low capacity of industrial production. The purpose of this study is to examine a series of measures taken by the Chinese government to develop the defense industry and armed forces during this period by comparing and analyzing the available archival materials. Based on the method of literature analysis, the author summarizes the following measures taken by the Chinese government during this period: the determination of national armament and equipment standards, the new formation of divisions, and the relocation and construction of factories. But due to factors such as time constraints and lack of production capacity, the relevant work was not fully implemented until the outbreak of military conflict with Japan in 1931, these efforts yielded very limited results. However, these approaches did serve as a basis for further defense construction during the subsequent war with Japan.

Keywords: National Revolutionary Army, The Second Sino-Japanese War, War industry, Japan, China

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 19.02.2025; accepted 13.12.2025.

For citation: Liu T. Approach of the Kuomintang government to army construction in 1927–1932. *RUDN Journal of World History*. 2026;18(2):244–256. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-2-244-256> EDN: VYZYJG

Введение

После учреждения Китайской Республики в 1912 г. страна оказалась в состоянии гражданской войны, которая привела к стагнации и упадку промышленного строительства. После создания Нанкинского правительства в 1927 г. и «номинального» воссоединения Китая последствия гражданской войны были в некоторой степени преодолены и появилась возможность возобновить промышленное и военное строительство в относительно мирной обстановке. Однако эта стабильность длилась недолго. С 18 сентября 1931 г. Япония и Китай находились в состоянии конфликта. В период обострения отношений и Второй японо-китайской войны (1931–1937, 1937–1945), которая в основном велась на суше, на сухопутные войска китайским правительством была возложена задача непосредственного сопротивления японской армии. На протяжении всей войны Гоминьдановское правительство придавало

большое значение вооружению и организации армии. Поэтому необходимо более подробно изучить особенности строительства армии до начала войны в сентябре 1931 г. Армейское строительство было начато в 1927–1928 гг., когда были созданы Министерство военной политики и Отдел военной промышленности. В 1932 г. китайское правительство разработало первый стандарт военного вооружения и техники.

Ни в китайской, ни в зарубежной историографии практически нет исследований, подробно рассматривающих особенности армейского строительства в Китайской Республике в конце 1920 — начале 1930-х гг. Большинство исследований зарубежной историографии (включая Россию и другие страны) посвящены китайско-германскому военному сотрудничеству в период модернизации армии и военных заводов при помощи немецких экспертов с 1928 по 1937 г. В Китае исследования в основном охватывают период Второй японо-китайской войны (1931–1945 гг.), в то время как об этапе, предшествующем началу войны, упоминается лишь вскользь [1–5].

Наше исследование основано на материалах архивов, протоколов заседаний и научной литературы по выделенной проблематике. Предпринята попытка проанализировать особенности оборонного строительства в предвоенный период; обобщить меры, предпринятые Гоминьдановским правительством по развитию военной промышленности; оценить эффективность усилий в области строительства национальной обороны.

Определение нормативов для стандартного вооружения

Недостаток производственных мощностей и отсутствие единого стандарта производства вооружения в Китае с конца правления династии Цин до начала Республики оказывали негативное влияние. Уже вскоре после окончания Синьхайской революции Министерство сухопутных войск (陸軍部 *луцзюнь бу*) провело анализ военной промышленности и оснащения армии по всей стране [6. С. 377–378] и предприняло попытку стандартизировать вооружение армии. Однако эта попытка была неудачной, поскольку Центральное правительство не смогло объединить различные военные заводы, находившиеся под контролем местного военного руководства, а также вернуть себе полномочия по закупке и производству вооружения. Таким образом, после учреждения Нанкинского правительства в 1927 г. его главными задачами в военной области стали устранение в кратчайшие сроки влияния местного военного руководства на войска в отдельных регионах, подчинение производства и закупок военной техники Центральному правительству и продолжение интеграции военных заводов различных регионов с целью постепенного достижения стандартизации военной техники.

Для того чтобы устранить отсталость в сфере оснащения армии, в ноябре 1928 г. Гоминьдановское правительство издало «Положение

об организации Министерства оборонной политики» (軍政部組織條例 *цзюньчжэн бу цзучжи тьяоли*), согласно которому Министерство оборонной политики должно было осуществлять единое управление делами военно-морских сил, сухопутных войск и военно-воздушных сил, а также вопросами провинций и областей.

11 декабря было издано «Положение об Отделе военной промышленности Министерства оборонной политики» (軍政部軍工署條例 *цзюньчжэн бу цзюньгун шу тьяоли*), согласно которому Отдел военной промышленности получил право контролировать оборонное производство, укрепление и расширение оборонных мощностей. Организация и проведение работы по стандартизации вооружения и боеприпасов возложили на Конструкторский отдел (設計科 *шэцзи кэ*) Министерства оборонной политики¹. В 1929 г. Ли Дайчэнь, возглавлявший этот отдел, подготовил «Доклад об определении стандартного оружия» (規定制式兵器芻議 *гуйдин чжииши бинци чуи*), в котором были представлены модели и данные о большом количестве новых видов вооружения, используемых европейскими странами, а также краткий обзор новых требований к военной технике, применяемой в новых формах ведения боевых действий после Первой мировой войны. Согласно докладу, недостатки Китая были слишком очевидны, поэтому на ранних этапах наиболее прагматичным подходом был выбор для закупок и испытаний передовой зарубежной техники, наиболее соответствующей потребностям и реальному положению китайских вооруженных сил².

В целом, комментарии отдела, отвечавшего за проектирование вооружения, в определенной степени отражают взгляд китайского правительства на оборонную промышленность того времени, заключающийся в быстром достижении стандартизации и самообеспечения военной техникой на основе широкого применения опыта других стран. К 1931 г. закупки и испытания нескольких основных видов вооружения, таких как минометы, легкие и тяжелые пулеметы, шли полным ходом, результаты пробных испытаний были задокументированы Отделом военной промышленности. Некоторые виды вооружения копировали: например, выпущенный в 1931 г. к 20-летию основания Китайской Республики 82-мм миномет был скопирован с французского 81-мм миномета Брандт 1929 г.

Шесть крупных военных заводов в Ханьяне, Цзиньлине, Цзинане, Гунсяне, Хуаине и Шанхае, два небольших военных завода в Дэчжоу и Кайфэне, а также Шанхайский металлургический завод, который специализировался на производстве материалов для изготовления оружия, также перешли под непосредственное управление Отдела военной промышленности. И хотя по состоянию на 1931 г. всеобъемлющий и четкий план

¹ 何應欽將軍講詞選輯. 臺北:何氏宗親會, 1969. С. 12.

² 李待琛. 規定制式兵器芻議. 軍政部兵工署, 1929. С. 1–2.

еще не был сформирован, можно сказать, что китайское правительство уже приступило к работе по определению системы и стандартов военной техники.

18 сентября 1931 г. Япония начала наступление на Северо-Востоке Китая. В это время китайская армия все еще не достигла значительного улучшения в сфере вооружения и боевой мощи. Нехватка различного вооружения по-прежнему серьезно влияла на подготовку и ход боевых действий в этот период, а основные силы армии продолжали вести борьбу с китайскими коммунистами.

Отсутствие боевой мощи армии привело к тому, что в течение примерно трех месяцев был оккупирован весь северо-восточный Китай, опустошены несколько крупных арсеналов и не хватало источников сырья. В 1932 г. Шанхай, важный экономический город на восточном побережье, также сильно пострадал от массированного удара японской армии. Гнетущая атмосфера, вызванная приближающейся войной, широко распространилась в обществе и «призывы к правительству укрепить национальную обороноспособность и строительство армии звучали все чаще»³. В данных условиях ускорение строительства армии и стандартизации военной техники стало главной задачей. В целях решения проблемы недостаточной огневой мощи и отсутствия единообразия состава пехотных дивизий, в июне 1932 г. Национальный военный совет (國民軍事委員會 *гоминь цзюньши вэйюаньхуэй*) издал «Стандарт по преобразованию пехотных дивизий 21-го года Китайской Республики»⁴ (廿一年整理師 нянь и нянь чжэнли ши), который предусматривал, что состав каждой пехотной дивизии должен включать: две бригады, четыре полка. Каждый полк должен иметь в своем составе артиллерийскую роту с двумя малокалиберными орудиями и четырьмя гаубицами или минометами. В составе каждого пехотного батальона должна быть пулеметная рота, оснащенная 6 тяжелыми пулеметами, в составе пехотного взвода — пулеметные расчеты, а каждая пехотная рота должна быть оснащена 6 легкими пулеметами. Также необходимо было создать артиллерийский батальон непосредственно при дивизии, включающий 3 артиллерийские роты, каждая из которых должна быть оснащена 4 орудиями⁵. Отдел военной промышленности решил, что теперь, когда количество оружия, необходимого для каждой пехотной дивизии, установлено, следующим шагом может быть определение стандартных моделей оружия⁶. В июне 1932 г. Отдел военной промышленности провел Конференцию по определению стандартных моделей вооружения

³ 南京：中国第二历史档案馆. 002–1153.

⁴ В Китайской Республике было принято летоисчисление по годам ее существования — подобно тому, как в традиционном Китае летоисчисление велось по годам правления императоров. Годом отсчета считался 1912 г. — первый год существования Китайской Республики.

⁵ 中华民国史档案资料汇编. 江苏：凤凰出版社. С. 20.

⁶ 軍政部兵工署。制式兵器會議錄. 南京, 1932. С. 91.

(制式兵器會議 *чжиши бинци хуэйи*), в которой приняли участие Военный совет, Генеральный штаб, Академия сухопутных войск, Центральная военная академия и другие ведомства. После недельного обсуждения изначально было определено всего 19 видов штатного вооружения и техники в 17 категориях, которые приведены в табл. 1.

Таблица 1

**Типы стандартного вооружения сухопутных войск и его прототипы
(Конференция по стандартному вооружению, 1932 г.)**

Категория	Рекомендуемые модели
Винтовка	Немецкая винтовка Маузер модели 1924 г.
Легкий пулемет	Французский легкий пулемет Гочкис модели 1931 г.
Тяжелый пулемет	Французский тяжелый пулемет Гочкис модели 1930 г.
Пистолет	Американский пистолет Колт модели 1911 г.
Зенитный пулемет	Французские зенитные пулеметы Гочкис, 13,2-мм
Полковое орудие	Шведская 47-мм пехотная пушка Бофорс
Горное орудие	Шведская 75-мм Полевая пушка Бофорс
Легкий миномет	Французский 81-мм миномет Брандт модели 1929 г.
Тяжелый миномет	Французский 105-мм миномет Брандт
Пехотная гаубица	Французская 75-мм легкая гаубица Шнейдер/ шведская 75-мм легкая гаубица Бофорс
Полевое орудие	Французская 75-мм полевая пушка Шнейдер
Горная гаубица	Французская 105-мм гаубица Шнейдер
Легкая гаубица	Французская 105-мм легкая гаубица Шнейдер
Зенитное орудие	Британская 75-мм зенитная пушка Виккерс / французская 75-мм зенитная пушка Шнейдер
Малокалиберное зенитное орудие	Гочкис, Французский 25-мм пулемет
Тяжелое полевое орудие	Тип 19 Ляонинская 105-мм пушка
Тяжелая гаубица	Французская 155-мм гаубица Брандт

Источник: 重庆市档案馆. 0033-0017-00742-0000-149-000.

Table 1

Army standard armament types and prototypes identified at the 1932 standard armament conference

Category	Suggested models
Rifle	German Mauser rifle model 1924
Light machine gun	French Hotchkiss light machine gun model 1931
Heavy machine gun	French Hotchkiss heavy machine gun model 1930
Pistol	American Colt model 1911 pistol
Anti-aircraft machine gun	French Hotchkiss anti-aircraft machine guns, 13.2 mm
Regimental gun	Swedish 47mm Bofors infantry gun
Mountain artillery	Swedish 75mm Bofors field gun
Light mortar	French 81mm Brandt mortar model 1929
Heavy mortar	French 105mm Brandt mortar
Infantry howitzer	French 75 mm light howitzer Schneider / Swedish 75 mm light howitzer Bofors
Field gun	French 75mm Schneider field gun
Mountain howitzer	French 105mm Schneider howitzer
Light howitzer	French 105mm Schneider light howitzer
Anti-aircraft gun	British 75 mm Vickers anti-aircraft gun / French 75 mm Schneider anti-aircraft gun
Small calibre anti-aircraft gun	French 25mm Hotchkiss machine gun
Heavy field gun	Type 19 Liaoning 105 mm gun
Heavy Howitzer	French 155 mm howitzer Brandt

Source: Chongqing shi dang'an guan [Chongqing Municipal Archives]. 0033-0017-00742-0000-149-000.

В этот период был сформирован очень подробный план по стандартизации оборудования сухопутных войск, учитывающий широкий спектр оперативного использования и потребностей с привлечением всех соответствующих ведомств. Китайцы проявляли большой интерес к французской технике: из 19 видов техники, запланированных изначально для стандартизации,

11 были закуплены непосредственно во Франции или их планировалось скопировать с французских образцов. Это также способствовало развитию китайской военной промышленности в тот период: многие крупные заводы, которые были перемещены из-за войны, получили возможность «повторного запуска», начали переходить к полномасштабному производству новых продуктов. В то же время бывшие крупные заводы начали переходить на производство этих новых вооружений: Ханьянский и Гунсяньский заводы должны были готовиться к производству винтовок Маузера 1924 г., Цзиньлинский завод предстояло изучать имитацию легкого пулемета Гочкис, а также производить новый тип 82-мм миномета⁷, бывший завод по производству пулеметов в Шанхае, присоединенный к Цзиньлинскому заводу, — производить тяжелые пулеметы Гочкис. Это была важная попытка стандартизировать вооружение гоминьдановской армии.

Перемещение и строительство заводов

В 1931 г. еще одна проблема, сдерживающая развитие производства военной техники, была связана с состоянием самих заводов. В результате военного наступления с японской стороны все заводы северного и северо-восточного Китая были либо оккупированы японцами, либо находились слишком близко к линии фронта. Шанхайский завод был вынужден остановить производство из-за войны. В апреле 1932 г. Военное министерство решило, что Отдел военной промышленности и Департамент боеприпасов (軍械司 *цзюньсе сы*) будут отвечать за разработку проектов строительства новых заводов⁸. Согласно предварительному проекту, планировалось переместить Шанхайский завод, выделить оборудование и персонал для Ханьянского и Цзиньлинского заводов, сосредоточить усилия на укреплении заводов Гунсяня и Ханьяна. Также планировалось передать некоторые из местных заводов, например, Тайюаньский завод, под управление Отдела военной промышленности и постепенно переместить все крупные заводы на запад вглубь страны, а также модернизировать их.

Одновременно в тылу планировалось построить новые оружейные заводы и заводы по производству материалов, которые после завершения строительства позволили бы в течение пяти лет полностью обеспечить страну основным военным оборудованием, достичь самодостаточности в сфере вооружений и техники, произвести достаточное количество нового оружия и техники для 11 новых пехотных дивизий, а также обеспечить ежегодное пополнение оружия и боеприпасов, необходимых для пяти пехотных дивизий⁹.

⁷ 南京: 中国第二历史档案馆. 787–2212.

⁸ 中国近代兵器工业档案史料(3). 北京: 兵器工业出版社, 1993. С. 89.

⁹ 南京: 中国第二历史档案馆. 787–2212.

Что касается китайской армии, то в ней насчитывалось около 80 дивизий и 9 бригад, непосредственно управляемых Нанкинским правительством¹⁰. Это означает, что, если бы новые заводы смогли поддерживать запланированную производительность, нормальная работа войск была бы обеспечена. Но с точки зрения необходимости расширения армии такие темпы производства были не достаточны — в лучшем случае, они могли бы обеспечить в среднем всего 5 дополнительных пехотных дивизий в год, чего не хватило бы для удовлетворения потребностей в условиях войны. 19 июля 1932 г. план и предложения по перемещению существующих заводов и строительству новых заводов в районе г. Чжучжоу, пров. Хунань, были обсуждены Отделом военной промышленности и Департаментом боеприпасов и представлены в Министерство военной политики для рассмотрения и утверждения¹¹. Чан Кайши быстро дал свое согласие и одобрение. 25 июля Чан Кайши написал в телеграмме Хэ Инциню, занимавшему пост министра национальной обороны, что по экономическим причинам на строительство завода необходимо заложить пять лет, а также распорядился, чтобы план строительства и план расходов на первый год были включены в государственный бюджет на второй год (1933 г.). При этом требовалось в течение пяти лет с момента реализации плана строительства оснастить не менее 10 новых пехотных дивизий вооружением и техникой собственного и импортного производства и обеспечить их боеспособность¹². Мощности новых заводов приведены в табл. 2.

В рамках данного плана несмотря на то, что производственные мощности новых заводов были весьма ограничены, выпуск всех видов оружия и боеприпасов все же был постепенно увеличен, поскольку производственные работы возобновлялись и реорганизация заводов последовательно завершалась. Например, согласно табл. 2, после завершения строительства новая группа заводов была способна производить около 30295 75-мм снарядов в год. С завершением строительства одних заводов и постепенной перестройкой и модернизацией других, к 1936 г. основные заводы, находившиеся в непосредственном подчинении Отдела военной промышленности, могли производить уже 91126 снарядов данного калибра в год, что в 2,2 раза превышало годовое производство 1932 г.¹³. К 1943–1944 гг. максимальное среднемесячное производство снарядов данного калибра достигло более 27 000 единиц¹⁴. Несмотря на то, что объемы производства были еще очень ограниченными, строительство этих заводов послужило основой для дальнейшего развития производства вооружения.

¹⁰ 抗日战争时期国民党战场史料选编. 浙江省中国国民党历史研究组, 1986. С. 45.

¹¹ 中国近代兵器工业档案史料(3) С. 90.

¹² 中国近代兵器工业档案史料(3). С. 91; 蔣中正總統檔案 (15). 臺北: 國史館, 2006. С. 542.

¹³ 中国近代兵器工业档案史料(3). С. 425.

¹⁴ Там же. С. 428.

Таблица 2

**Мощность новых заводов после завершения строительства
в соответствии с планом Отдела военной промышленности 1932 г.**

Тип завода	Продукция	Производственная мощность
Артиллерийские заводы	75-мм горное/полевое орудие	10–15 ед/месяц
	75-мм зенитное орудие	1–3 ед/месяц
	50-мм зенитное орудие	1–3 ед/месяц
	105-мм гаубица	4 ед/месяц
	105-мм тяжелое полевое орудие	2–3 ед/месяц
	150-мм тяжелая гаубица	2–3 ед/месяц
	Оптическое оборудование	Для ежегодного обеспечения потребностей 5 дивизий
Заводы по производству боеприпасов	Винтовочный патрон 7,92*57 мм	350 000 ед/день
	47-мм, 50-мм снаряды	680 ед/день
	75-мм снаряды	83 ед/день
	105-мм снаряды	404 ед/день
	150-мм снаряды	96 ед/день
Заводы по производству пороха и взрывчатых веществ	Бездымный порох	2000 кг/день
	Тринитротолуол	4000 кг/день
	Тринитробензил	350 кг/день
	Фульминат ртути	10 кг/день
	Азид свинца	10 кг/день
Химические заводы	Серная кислота	6100 кг/день
	Концентрированная азотная кислота	20000 кг/день
	Этанол	4400 кг/день
	Эфир	2000 кг/день
Специальные сталелитейные заводы	Сталь для оружейных стволов	700 тонн/месяц
	Сталь для артиллерии	
	Пушечная сталь	
	Инструментальная сталь	
Металлургические заводы	Электролитическая медь	15 тонн/день

Источник: 南京：中国第二历史档案馆. 787–2212; 臺北：國防部史政編譯局檔案. 570.3-5810.

Table 2

Capacity of new plants after completion of construction according to the plan of the War Industries Division (1932)

Type of factory	Products	Production capacity
Artillery factories	75 mm mountain/field gun	10–15 units/month
	75 mm anti-aircraft gun	1–3 units/month
	50 mm anti-aircraft gun	1–3 units/month
	105 mm howitzer	4 units/month
	105 mm heavy field gun	2–3 units/month
	150 mm heavy howitzer	2–3 units/month
	Optical equipment	To meet the requirements of 5 divisions annually
Ammunition production factories	7.92*57mm rifle cartridge	350 000 units/day
	47mm, 50mm shells	680 units/day
	75mm shells	83 units/day
	105mm shells	404 units/day
	150mm shells	96 units/day
Powder and explosives plants factories	Smokeless gunpowder	2000 kg/day
	TNT	4000 kg/day
	Trinitrobenzyl	350 kg/day
	Mercury fulminate	10 kg/day
	Lead azide	10 kg/day
Chemical factories	Sulphuric acid	6100 kg/day
	Concentrated nitric acid	20000 kg/day
	Ethanol	4400 kg/day
	Ether	2000 kg/day
Special steelworks factories	Steel for gun barrels	700 tonnes / month
	Steel for artillery	
	Steel for artillery shell	
	Steel for tools	
Copper smelters	Electrolytic copper	15 tonnes / day

Source: Nanjing: Zhongguo di er lishi dang'an guan [Second Historical Archives of China]. 787–2212, Taipei: Guofangbu shizheng bianyiju dang'an [Archives of the Ministry of National Defense Bureau for edition and translation of historical and political documents]. 570.3-5810.

Заключение

В целом, начиная с 1927 г., Гоминьдановское правительство серьезно подходило к оборонному строительству. Оно четко осознавало, что основные проблемы в военной промышленности Китая заключались в отсталости технологий и производственных мощностей, отсутствии стандартизации. Чтобы изменить существующее положение, Национальное правительство, с одной стороны, наращивало усилия по импорту оружия и оборудования, а с другой — максимально улучшало производственные мощности и условия заводов внутри страны, одновременно продолжая разрабатывать стандарты для военной техники и стремясь достичь самодостаточности во всех видах военной техники. Одной из важнейших особенностей стало массовое внедрение технологически совершенного западного оружия, попытка в кратчайшие сроки стандартизировать и поднять уровень вооружения армии за счет прямого импорта и копирования. К 1931–1932 гг. вторжение японской армии на северо-восточное и восточно-китайское побережье Китая нарушило этот медленный процесс развития. Из-за недостаточной подготовки правительству Гоминьдана пришлось столкнуться с военным давлением со стороны Японии. Однако в 1932 г. были предприняты меры по интеграции и строительству заводов, установлению новых стандартов подготовки пехотных дивизий, проведена первая Конференция по определению стандартных моделей вооружения. Правительству Гоминьдана удалось организовать производство, импорт оружия и снаряжения по четкому плану. Это стало основой для создания оборонной промышленности Китая после 1932 г.

С 1934 г., по мере дальнейшего расширения военного сотрудничества между Китаем и Германией, китайская сторона еще больше внимания уделяла принципу, согласно которому импорт оружия должен быть только переходным процессом в трудные времена. Хотя в этот период производственные мощности заводов в связи с различными факторами все еще были ограничены, но проделанная до 1932 г. работа, включая реорганизацию заводов, позволила быстро увеличить производственные мощности заводов в короткий срок. Производство минометов, например, в 1934 г. в шесть раз превысило объем производства 1932 г. Такое оборудование, как противогазы, которые ранее было совершенно невозможно производить самостоятельно, с 1934 г. также начали выпускать на заводе в Цзиньлине, на котором завершили часть работ по модернизации и обновлению, как и планировалось, и к 1936 г. ежегодный объем производства начал выходить на показатель более 40 тыс. штук. Следует сказать, что хотя фактический эффект был весьма ограниченным, учитывая нехватку экономических и промышленных возможностей в Китае, усилия, предпринятые правительством Гоминьдана по развитию обороноспособности армии и национальной оборонной промышленности на этом этапе, все же сыграли важную роль в последующих операциях против Японии и производстве военной техники после 1937 г.

Список литературы

1. 1935国军陆军制式武器的选定// 抗日战争研究. 2018. № 2. С. 4–26. (На кит. яз.).
2. 馬文英. 德國軍事顧問團與中德軍火貿易關係的推展//中央研究院近代史研究所集刊. 1994. № 23. С. 133–165. (На кит. яз.).
3. 中华民国史, 第七卷, 1928–1932/李新总主编. 北京: 中华书局, 2011. 647 с. (На кит. яз.).
4. Глунин В.И. Новейшая история Китая (1917–1970) / Ин-т Дальнего Востока АН СССР. М. : Мысль, 1972. 438 с.
5. Ефимов Г.В. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М. : Госполитиздат, 1951. 577 с.
6. 张侠, 孙宝铭等著. 北洋陆军史料 (1912–1916). 天津:人民出版社, 1987. 611 с. (На кит. яз.).

References

1. Gao X. 1928–1935 guojun lujun zhishi wuqi de xuanding [The choice of standard weapons of the National revolutionary army in 1928–1935]. *Kangri zhanzheng yanjiu* [Research on the Anti-Japanese War]. 2012;(2):4–26. (In Chin.).
2. Ma W. Deguo junshi guwen yu Zhongguo junhuo maoyi de tuihan [German military advisers and the development of the arms trade in China]. *Zhongyang yanjiuyuan jindaishi yanjiusuo jikan* [Quarterly journal of the Institute of Contemporary History of the Academia Sinica]. 1994;(6):133–165. (In Chin.).
3. *Zhonghua Minguo shi, di qi juan, 1928–1932* [History of the Republic of China. Vol. 7 (1928–1932)]. Zhonghua Shuju Publ; 2011. (In Chin.).
4. Glunin VI. *Noveishaya istoriya Kitaya (1917–1970)* [Modern history of China (1917–1970)]. Moscow: Mysl' Publ.; 1972. (In Russ.).
5. Efimov GV. *Ocherki po novoi i noveishei istorii Kitaya* [Essays on the modern and contemporary history of China]. Moscow: Gospolitizdat Publ.; 1951. (In Russ.).
6. Zhang X, Sun B. *Beiyang lujun shiliao 1912–1916* [History of the Beiyang Army 1912–1916]. Tianjin: Renmin chubanshe Publ.; 1987. (In Chin.).

Информация об авторе:

Лю Тяньпэн — аспирант Института стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, e-mail: 2064543989@qq.com ORCID: 0009-0003-8933-0451.

Information about the author:

Tianpeng Liu — Postgraduate student of the Institute of Asian and African Countries, Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation, e-mail: 2064543989@qq.com ORCID: 0009-0003-8933-0451.

РЕЦЕНЗИИ BOOK REVIEW

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-2-257-261

EDN: VYRIVY

Рецензия на книгу:

Simons G., Glaser M., Krivushin I., Volosyuk O. The Global South in the Kremlin's Foreign Policy after 24/2. Cham : Springer Nature (Palgrave Macmillan), 2025. 319 p.

О.П. Иванов

Дипломатическая академия МГИМО МИД России, *Москва, Российская Федерация*

✉ oleg.ivanov@dipacademy.ru

Для цитирования: *Иванов О.П.* Рецензия на книгу: Simons G., Glaser M., Krivushin I., Volosyuk O. The Global South in the Kremlin's Foreign Policy after 24/2. Cham: Springer Nature (Palgrave Macmillan), 2025. 319 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 2. С. 257–261. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-2-257-261> EDN: VYRIVY

Book review: Simons G, Glaser M, Krivushin I, Volosyuk O. The Global South in the Kremlin's foreign policy after 24/2. Cham: Springer Nature (Palgrave Macmillan), 2025

Oleg P. Ivanov

Diplomatic Academy of MGIMO University, *Moscow, Russian Federation*

✉ oleg.ivanov@dipacademy.ru

For citation: Ivanov OP. Book review: Simons G, Glaser M, Krivushin I, Volosyuk O. The Global South in the Kremlin's Foreign Policy after 24/2. Cham: Springer Nature (Palgrave Macmillan), 2025. *RUDN Journal of World History*. 2026;18(2):257–261. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-2-257-261> EDN: VYRIVY

© Иванов О.П., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Монография *The Global South in the Kremlin's Foreign Policy after 24/2* представляет собой комплексное исследование трансформации российской внешней политики после 24 февраля 2022 г. и ее логического стратегического разворота к странам Глобального Юга. Книга издана в 2025 г. в издательстве Palgrave Macmillan и подготовлена коллективом авторов — Г. Саймонсом, М.А. Гласер, И.В. Кривушиным и О.В. Волосюк, представляющим научные центры Бангладеш и России.

Структура работы логично выстроена и отражена в оглавлении. Книга включает семь глав: от исторического анализа взаимодействия России/СССР с «не-Западом» до обобщающего заключения. Уже первая глава — *Russia/the USSR and the Non-Western World Before Vladimir Putin* — задает широкую историческую рамку, прослеживая эволюцию отношений с Азией, Африкой и Латинской Америкой в дореволюционный, советский и постсоветский периоды. Такой ретроспективный подход позволяет авторам избежать упрощенной трактовки «разворота на Юг» как исключительно реактивной меры и показать его глубинные идейные и институциональные корни.

Вторая глава — *Russian Foreign Policy, 2000–2024: Between the Global North and the Global South* — анализирует внешнеполитическую диалектику интеграции и оппозиции по отношению к Западу в 2000–2013 гг., а затем фиксирует постепенный сдвиг к многополярной парадигме. Авторы убедительно демонстрируют, что уже в Концепции национальной безопасности 2000 г. Россия позиционировала себя как один из центров «многополярного мира», что задало нормативную основу для последующего усиления сотрудничества с не-западными партнерами.

Особое значение имеет глава 3, посвященная БРИКС как «новой геоэкономике для новой геополитической эпохи». Раскрывается роль БРИКС не только как экономической платформы, но и как инструмента институционализации альтернативного мирового порядка. Авторы показывают, что через БРИКС Россия стремится встроиться в коалицию государств, оспаривающих западную нормативную гегемонию.

Четвертая (*Russia's Relations with Sub-Saharan Africa: Moving to a New Stage*) и пятая (*Russia in Search of Allies in the Greater Middle East*) главы дают детализированный региональный анализ. В африканском контексте рассматриваются как военно-техническое сотрудничество, так и дипломатические инициативы, включая саммиты «Россия — Африка» и деятельность в сфере образования и гуманитарного взаимодействия. Авторы фиксируют нарастание экономической и военной активности России, однако указывают и на структурные ограничения: асимметрию экономических связей, зависимость от отдельных нишевых секторов и ограниченность инвестиционного присутствия.

Шестая глава — *Prioritizing Russian Interests in the Global South: Russia's "Pivot" to Latin America* — подробно анализирует российскую стратегию

в Латинской Америке. Подчеркивается прагматический характер сотрудничества, опора на правительства левого спектра и использование антигегемонистской риторики. В то же время авторы отмечают, что данная стратегия носит во многом символический характер и не сопровождается масштабным экономическим проникновением.

Концептуальное ядро книги наиболее четко сформулировано в заключении. Авторы утверждают, что результатом пост-2022 трансформации стало формирование «отчетливо не-западной внешнеполитической идентичности», конструируемой в цивилизационных терминах. Россия позиционируется как «уникальная страна-цивилизация» с глобальной миссией защиты традиционных ценностей и суверенитета от западного неоимпериализма. Таким образом, «разворот к Глобальному Югу» интерпретируется не только как геополитическая необходимость в условиях санкционной изоляции, но и как идеологический выбор.

Сильной стороной монографии является сочетание исторического, институционального и дискурсивного анализа. Авторы работают с широким спектром источников — от официальных государственных и международных документов, политических деклараций и материалов СМИ до статистических данных (в частности, о трансформации торговых потоков, где фиксируется рост доли не-западных стран в российском товарообороте свыше 75 % в 2023 г. и более 80 % в 2024 г.). Это позволяет эмпирически подтвердить тезис о структурном сдвиге.

Методологически книга опирается на элементы теории идентичности и цивилизационного подхода, хотя это не всегда эксплицировано как самостоятельная теоретическая рамка. Авторы анализируют трансформацию внешнеполитического дискурса — от «стратегической амбивалентности» к «стратегической интенциональности». В этом контексте Глобальный Юг представлен как *World Majority* — мировое большинство, сопротивляющееся западному доминированию.

Вопросы, рассмотренные в книге, основаны на широкой историографической базе, в т.ч. исследованиях самих авторов книги по стратегии экономического взаимодействия Китая с регионами Глобального Юга, в частности, специфике и динамике торгово-экономического партнерства КНР и Уругвая в первые десятилетия XXI в. [2]; трансформации повестки безопасности внутри БРИКС, где акцент смещается с традиционных военных угроз на обеспечение социетальной безопасности как фундамента для формирования устойчивого международного сообщества [3]; дипломатической позиции и внешнеполитического маневрирования Бразилии в контексте глобального геополитического кризиса, включая анализ отношения бразильского руководства к специальной военной операции России на Украине [4].

Вместе с тем, определенные аспекты могли бы быть раскрыты более подробно. Во-первых, сравнительный анализ с другими державами,

реализующими стратегии «поворота на Юг» (например, Турцией или Индией), позволил бы лучше очертить уникальность российского кейса. Во-вторых, экономическая составляющая требует более глубокой количественной проработки: несмотря на рост торговых показателей, остается открытым вопрос о структурной диверсификации и технологическом измерении сотрудничества.

Интересно и аналитически продуктивно признание авторами внутренних противоречий российской стратегии. С одной стороны, декларируется равноправие и суверенитет, с другой — в постсоветском пространстве Россия продолжает практики, которые могут интерпретироваться как иерархические. Такая рефлексивная позиция повышает научную ценность исследования и выводит его за пределы нормативной публицистики.

Книга будет полезна исследователям международных отношений, специалистам по российской внешней политике, а также экспертам по региональным исследованиям Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки. Она может использоваться как учебный материал в курсах по теории многополярности, глобальному управлению и политике «не-Запада».

В целом монография *The Global South in the Kremlin's Foreign Policy after 24/2* представляет собой своевременный и концептуально выверенный вклад в изучение трансформации мировой системы и места России в ней. Авторы демонстрируют, что «разворот на Юг» — это не тактический маневр, а часть более широкой цивилизационной и идентификационной стратегии, определяющей российскую внешнюю политику в постзападном международном порядке.

Список литературы

1. Волосюк О.В., Кирога Кремеля К. Китай и страны Глобального Юга: экономическое сотрудничество Уругвая и Китая в начале XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25. № 2. С. 309–321. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-309-321> EDN: PKVQNA
2. Саймонс Г., Гласер (Кукарцева) М.А. Политика балансирования Новой Зеландии между Китаем и США в Индо-Тихоокеанском регионе: нарративы ежегодных отчетов Министерства иностранных дел // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24. № 4. С. 545–562. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-545-562> EDN: LUOURN
3. Кривушин И.В. Бразильская дипломатия и специальная военная операция России на Украине // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 1. С. 27–48. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-1-27-48>. EDN: CIGSLL

References

1. Volosyuk OV, Quiroga Cremella C. China and the countries of the Global South: Uruguay and China economic cooperation at the beginning of the 21st century. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2025;25(2):309–321. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-309-321> EDN: PKVQNA

2. Simons G, Glaser (Kukartseva) MA. New Zealand's foreign policy balancing of China and the United States in the Indo-Pacific region: narratives from the Ministry of Foreign Affairs Annual Reports. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2024;24(4);545–562. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-545-562> EDN: LUOURN
3. Krivushin IV. Brazilian diplomacy and Russia's Special Military Operation in Ukraine. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(1):27–48. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-1-27-48> EDN: CIGSLL

Информация об авторе:

Иванов Олег Петрович — доктор политологических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладного анализа международных проблем, Дипломатическая академия МГИМО МИД России, Российская Федерация, 119021, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1, e-mail: oleg.ivanov@dipacademy.ru ORCID: 0009-0006-5304-5108. SPIN-код: 4474-2172.

Information about the author:

Oleg P. Ivanov — Dr. Sci. (Polit. Sci.), Professor, Head of the Department of Applied International Analysis, Diplomatic Academy of MGIMO University, 53/2 Ostozhenka St., bldg. 1, Moscow 119021, Russian Federation, e-mail: oleg.ivanov@dipacademy.ru ORCID: 0009-0006-5304-5108. SPIN-code: 4474-2172.

ДЛЯ ЗАМЕТОК
